

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

*К 20-летию
кубанской политологической школы*

№ 1 · 2012

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

1-2012

Издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации №Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета Российской Федерации по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года №6/6 журнал «Человек. Сообщество. Управление», издающийся на факультете управления и психологии КубГУ, включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Кубанский государственный университет

Статьи для публикации принимаются

по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru

Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Дизайн обложки: С.Г. Ажгихин, М.Н. Марченко. Оригинал-макет: Д.А. Хрипков. Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ. Адрес: Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Подписано в печать 29.03.2012

Уч.-изд. л. 14,58. Усл. печ. л. 13,91

Тираж 1000 экз. Заказ №

Главный редактор:

Е. В. Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Алексеева Т.А., д-р филос. н., проф. (МГИМО (У); Арутюнян Л.А., д-р филос. н., проф. (Ереванский ГУ); Бабешко В.А., д-р физ.-мат. н., проф., академик РАН (Кубанский ГУ); Бедерханова В.П., д-р пед. н., проф. (Кубанский ГУ); Бодалев А.А., д-р психол. н., проф., академик РАО; Деллер С., PhD, проф. (университет Висконсин-Мэдисон, США); Жаде З.А., д-р полит. н., проф. (Адыгейский ГУ); Зинченко Ю.П., д-р психол. н., проф. (МГУ им. М.В. Ломоносова); Знаков В.В., д-р психол. н., проф. (Институт психологии РАН); Иванов А.Г., д-р ист. н., проф. (Кубанский ГУ); Кузьмина Н.В., д-р психол. н., проф. (РАО); Латфуллин Г.Р., д-р экон. н., проф. (Гос. ун-т управления); Марьин М.И., д-р психол. н., проф. (МВД РФ); Никовская Л.И., д-р социол. н., проф. (Институт социологии РАН); Романова А.П., д-р филос. н., проф. (Астраханский ГУ); Рябикова З.И., д-р психол. н., проф. (Кубанский ГУ); Сморгунев Л.В., д-р филос. н., проф. (СПбГУ); Фадеева Л.А., д-р ист. н., проф. (Пермский ГУ); Шабров О.Ф., д-р полит. н., проф. (РАГС); Шпак В.Ю., д-р филос. н., проф. (Южный федеральный ун-т)

Редакционная коллегия:

Авдеева Т.Т., д-р экон. н., проф. (зам. гл. редактора); Белоконь Т.М., канд. филос. наук, доц.; Дёмин А.Н., д-р психол. н., проф. (зам. гл. редактора); Ермоленко В.В., канд. тех. н., доц.; Ждановский А.М., канд. ист. н., проф.; Кимберг А.Н., канд. психол. н., доц.; Кольба А.И., канд. полит. н., доц. (зам. гл. редактора); Курбатова Г.С., отв. секретарь; Лаврова Т.Г., канд. экон. н., доц.; Лузаков А.А., д-р психол. н., доц.; Мясникова Т.А., канд. экон. н., доц.; Оберемко О.А., канд. социол. н., доц.; Ожигова Л.Н., д-р психол. н., проф.; Остапенко А.Н., д-р пед. н., проф.; Савва Е.В., канд. филос. н., доц.; Филиппов Ю.В., канд. экон. н., проф.; Фоменко Г.Ю., д-р психол. н., проф.; Юрченко В.М., д-р филос. н., проф. (зам. гл. редактора)

1-2012

Содержание

Астапов М. Б. Двадцать лет кубанской политологической школе. 4

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Юрченко В. М., Юрченко М. В. Идеологические процессы, механизмы и технологии реализации государственных интересов на Юге России 7

Юрченко И. В. Обеспечение национальной безопасности на региональном уровне: основные концепты и проблемы методологии. 13

Юрченко М. В. Политико-идеологические тренды в информационном пространстве современной России: теоретические конструкции и концепты 19

Говорухина К. А. Глобальное информационное общество и новые аспекты изучения пропаганды в контексте информационной безопасности 26

Зети П.П. Проблемы формирования российской идентичности в контексте обеспечения информационной безопасности южнороссийского макрорегиона (по результатам эмпирических исследований) 32

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Меньшиков В. В. М. Вебер о власти 41

Самаркина И.В. Политическая картина мира: опыт и проблемы концептуализации 49

Морозова Е.В. Сложносоставная идентичность как объект политологического анализа. 60

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Савва М. В. Открытость российской власти в интернет-пространстве: политический аспект (на примере Краснодарского края) 67

Мирошниченко И.В. Формирование субъектности сетевых сообществ в российской публичной политике 76

Миронцева С. А., Башмаков И. С. Символическая политика в информационно-коммуникативном взаимодействии Законодательного Собрания Краснодарского края с населением региона 87

Гнедаш А. А. Женские сообщества в online-пространстве: «режимы видимости» в публичной политике РФ 97

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Баранов А. В. Проблемы урегулирования пограничного конфликта между Российской Федерацией и Украиной в Керченском проливе 104

Савва Е. В. Информационные механизмы политизации этничности (на примере Северного Кавказа) 115

Кольба А. И., Ильченко А. А. Модели политической коммуникации в конфликте между структурами власти и обществом (региональный уровень) 122

<i>Егунов А. В.</i> Организационный потенциал и современные инструменты воздействия исламских организаций на социально-политические процессы в мире.....	133
--	-----

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

<i>Рогочая Г. П.</i> Проблемы модернизации взаимодействия бизнеса и власти.	143
<i>Юрченко Н. Н.</i> Перспективы развития политэкономии в современной России в контексте оптимизации политико-административного управления	148

СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ

<i>Плотичкина Н. В.</i> Город как пространство политической повседневности	154
<i>Сазантович А. Б.</i> Политическая фотография и фотография политики: содержательный аспект	160

КАФЕДРА

<i>Пеницын Ю. А.</i> Анализ некоторых особенностей развития политического процесса в России в конце XX – начале XXI веков.	166
<i>Комарова Л. Г., Комарова А. С.</i> Идеологические аспекты государственного управления персоналом организаций.	170

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	174
-------------------------------------	------------

ПОРЯДОК ПРИЁМА И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ	175
--	------------

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ КУБАНСКОЙ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ

.....

Уважаемые коллеги!

Данный выпуск журнала «Человек. Сообщество. Управление» посвящен 20-летию кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета и кубанской политологической школы.

За 20 лет профессиональное сообщество политологов на Кубани прошло сложный и интересный путь. Кафедра была образована в 1991 г. одной из первых политологических кафедр Юга России и в 2000 г. решением Ученого Совета КубГУ получила свое нынешнее название.

В 2005 году кафедра политологии и политического управления КубГУ становится базовой кафедрой Южного научного центра РАН. Ее вхождение в структуру ЮНЦ РАН значительно сказалось на уровне всей научной работы на кафедре, «выстроило» ее по-новому.

За прошедший период в Кубанском государственном университете накоплен большой опыт подготовки специалистов-политологов, состоялось 14 выпусков очной и 8 выпусков заочной форм обучения, подготовлено более 400 специалистов-политологов. Предусматривается возможность получения дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» (выдается второй диплом). В этом учебном году состоится первый выпуск бакалавров-конфликтологов.

Сегодня на кафедре работают 4 профессора и 9 доцентов, 4 доктора наук и 11 кандидатов наук. Ведется подготовка по магистерским программам: «Политические отношения и политический процесс в современной России», «Теория мирового политического процесса и международных отношений», «Прикладная политология», «Политическая конфликтология и проблемы обеспечения региональной безопасности». На базе кафедры действует Научно-образовательный центр социально-гуманитарных технологий.

Только за последние семь лет ученые кафедры, сложившейся научной Кубанской политологической школы, приняли участие в 9 научно-исследовательских, грантовых программах, опубликовали более 500 результатов научных исследований, вошли в число победителей в конкурсах «100 лучших ученых КубГУ» и «Лучший молодой ученый КубГУ».

Кафедра политологии и политического управления является одним из лидеров гуманитарного блока КубГУ по объему привлеченного финансирования научной деятельности, входит в число лучших кафедр университета. Более 5 лет на кафедре ведутся исследования по кафедральной теме «Разработка теории и механизмов обеспечения региональной безопасности в полиэтничном социуме».

В 2004 году в университете была образована кафедра государственной политики и государственного управления, где также проводятся исследования, развивающие традиции Кубанской политологической школы. Создан НОЦ «Публичная политика и гражданское общество».

28 октября 2011 г. в Кубанском государственном университете состоялась Международная научно-практическая конференция «Политическая наука: состояние и перспективы развития в XXI веке», посвященная 20-летию кафедры политологии и политического управления КубГУ и кубанской политологической школы.

Особенно отрадно, что у школы есть надежное будущее. В число лучших молодых ученых КубГУ вошли молодые политологи: И. А. Герасимов, П. П. Зети, Н. Н. Юрченко, Н. В. Плотицкина, А. А. Гнедаш, И. В. Мирошниченко. Инна Мирошниченко и Полина Зети получили гранты Президента Российской Федерации.

Анализ этапов становления и развития политологии как науки в КубГУ дает возможность понять, что не только в центре, но и в регионах имеется достаточный потенциал ученых-политологов, способных опираясь на теоретические и прикладные исследования не только вести учебный процесс, но и консультировать кандидатов во время избирательных кампаний, осуществлять исследовательскую, консультационную и обучающую деятельность во властных структурах, политических партиях, а посредством СМИ — и с населением, воспитывать гражданские качества личности, в т. ч. у выпускников вузов. Уверен, что совместными усилиями, с участием ученых ведущих российских вузов, Академии наук РФ нам удастся продвинуть как теоретико-методологическое осмысление политической проблематики, так и на этой основе разработать практические рекомендации акторам политического процесса, и в целом — обеспечить политологическую составляющую стратегии модернизации России.

Ректор КубГУ



М. Б. Астанов

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, МЕХАНИЗМЫ И ТЕХНОЛОГИИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ НА ЮГЕ РОССИИ

.....

В. М. Юрченко, М. В. Юрченко¹

Статья посвящена разработке методологии и методов исследования идеологического климата полиэтнического социума и анализа состояния идеологической среды в постоянно меняющейся этнополитической и социально-экономической ситуации. Обосновывается, что в мультикультурном обществе большое значение имеют этнические аспекты социального доверия, особенно актуальные в информационном пространстве современной России.

Ключевые слова: политическая идеология, государственные интересы, мультикультурное общество, Юг России.

Article is devoted working out of methodology and methods of research of an ideological climate of polyethnic society and the analysis of a condition of the ideological environment in constantly changing ethno-political and social and economic situation. It is proved that in the multicultural society ethnic aspects of social trust, especially actual in information field of modern Russia have great value.

Key words: political ideology, the state interests, multicultural society, the South of Russia.

К основным направлениям научного исследования указанной проблематики относятся изучение теоретико-методологических оснований идеологического обеспечения государственного и политического управления, теоретических и имплементационных аспектов принятия и реализации политических решений, механизмов и технологий формирования гражданской политической культуры населения, проблем эффективности административной рефор-

¹ Юрченко Виктор Михайлович – доктор философских наук, профессор, проректор по воспитательной работе и социальным вопросам, заведующий кафедрой политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: politics@kubsu.ru

Юрченко Михаил Викторович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: mvuyurchenko@mail.ru

Исследование выполнено в рамках работы над проектом «Информационная безопасность в полиэтническом социуме (на материалах ЮФО)» по программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 годы)».

мы, разработка теории и механизмов обеспечения региональной безопасности в политико-информационном пространстве полиэтнического социума, что позволит достичь наиболее адекватного идеологического обеспечения реализации государственных интересов в стране.

Реалистичные идеологии уже не исходят из замысла создать совершенную во всех отношениях социальную систему, они становятся менее утопичными и более реалистичными, а также имеющими точки соприкосновения и возможности применения коалиционных политических технологий. В этом смысле показателен пример так называемых центристских, смешанных идеологий, ориентированных на практицизм и политический реализм. Подобного рода идеологии формируются в процессе решения конкретных задач властеудержания, когда правящей элите приходится заимствовать идеи, имеющие практическую ценность, у различных влиятельных политических сил и договариваться с ними.

Проблемы реализации национальных интересов по обеспечению безопасности являются предметом пристального внимания не только отечественных, но и зарубежных исследовательских центров и отдельных авторов, специализирующихся на анализе и прогнозах развития ситуации в различных странах, в том числе и в России. При всем многообразии оценок зарубежных исследовательских центров относительно состояния безопасности РФ и ее будущего можно увидеть наметившуюся тенденцию восприятия России как значимого политического игрока на мировой арене. Причины, обуславливающие изменения угроз национальной и региональной безопасности различных стран и коалиций государств, вызывают необходимость по-новому подходить к решению задач защиты национальных интересов Российской Федерации. В связи с расширением спектра угроз и рисков одним из приоритетных направлений в области исследований национальной и региональной безопасности является разработка идеологических механизмов и социальных технологий консолидации многосоставного российского общества, отличающегося социальным разнообразием.

Новизна поставленной задачи состоит в разработке методологии и методов исследования идеологического климата полиэтнического социума и анализе состояния идеологической среды в постоянно меняющейся этнополитической и социально-экономической ситуации. Постановку данной задачи следует рассматривать как непосредственную реакцию научного сообщества на социальный заказ трансформирующегося российского общества и потребность управленческих структур в объективной оценке ситуации в регионе, связанной с развитием информационных технологий и влиянием информационной среды на сознание жителей полиэтнического социума. Авторы исследования исходили из феноменолого-герменевтической методологии и методов дискурс-анализа, что позволяет рассмотреть идеологические механизмы и техно-

логии реализации государственных интересов на Юге России и провести концептуальный анализ системы государственных интересов как совокупности внутренних и внешних потребностей общества в обеспечении защищённости и всестороннего развития личности, общества и государства на основе согласования ценностно-идейных установок мультикультурного социально-политического пространства.

Среди информационных потоков, оказывающих существенное влияние на формирование установок общественного сознания, особо следует выделить интернет-ресурсы. Интернет в настоящее время уже является доминирующим информационным каналом для городской молодежи. Уверенное расширение аудитории активных пользователей Интернета позволяет предположить, что в ближайшее время в России он станет основным информационным каналом для всей социально-демографической группы молодежи.

Необходимость формирования новой парадигмы информационной безопасности обусловлена важностью целостных представлений о новом мировом порядке, образующемся в процессе социально-политических трансформаций и коренных изменений геополитического ландшафта. Информационная безопасность предполагает обеспечение взаимного коммуникативного многоуровневого доверия в пространстве межэтнических взаимодействий многосоставного социума, значительно преобладающего над возможными проявлениями недоверия, что становится возможным только при осуществлении идеологии интеграции субкультур и социальной солидарности на основе ценностей общероссийской идентичности.

В первую очередь символорождающие элиты должны осознать свою ответственность за создание идеологии этнического согласия и патриотизма, так как, чтобы остаться геополитическим субъектом, необходимо осмысленное противодействие любым попыткам разрушить ментальную целостность российского суперэтноса. От этого в конечном итоге напрямую зависит безопасность Российского государства, российского полиэтнического социума [8, с. 555, 557]. В принятой в мае 2009 г. Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [7] отмечено, что для предотвращения угроз национальной безопасности необходимо обеспечить социальную стабильность, этническое и конфессиональное согласие, повысить мобилизационный потенциал и рост национальной экономики, улучшить качество работы органов государственной власти и сформировать действенные механизмы их взаимодействия с гражданским обществом в целях реализации гражданами Российской Федерации права на жизнь, безопасность, труд, жилье, здоровье и здоровый образ жизни, на доступное образование и культурное развитие.

Поэтому в условиях внешних и внутренних угроз для исторического развития российской государственности наиболее важное значение приобретает фактор ментальной целостности российского суперэтноса, создание нацио-

нальной патриотической идеологии как символической системы, «рационально выражающей основные направления общественного развития, декларирующей средства и механизмы самоидентификации общественной системы» [1, с. 65].

На сегодняшний день информационные социально-гуманитарные технологии не способны выполнять эту важнейшую функцию, прежде всего из-за отсутствия необходимой идеологической составляющей в коммуникационно-информационных политических практиках.

Говоря о Комплексной стратегии устойчивого развития Юга России (ЮФО и СКФО), масштабных проектах модернизации этого региона страны, авторы различных исследований связывают модернизацию с обеспечением безопасности [3; 4; 6 и др.]. Причем речь идет не только о снижении остроты оперативной обстановки в этих округах (особенно в СКФО), но и о решении тесно связанных с этим проблем: создание безопасных условий работы для инвесторов, повышение эффективности государственного управления на всех уровнях, улучшение качества жизни населения. Ученые ЮНЦ РАН отмечают необходимость последовательной и целенаправленной деятельности (как структур государства, так и гражданского общества) в области решения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, разработки принципов общенациональной идентификации, национальной идеи как цивилизационного российского выбора. По мнению В. М. Межуева, универсализму западного типа русская идея противостоит не как его антиподу, а как особый тип, стремящийся сочетать материальные достижения цивилизации с духовно-нравственными основами культуры [5, с. 90]. Информационные аспекты идеологического обеспечения национальных интересов проявляются в том, что как частичное знание, ограниченное социальной и познавательной перспективой его носителей, идеологии неравноценно осуществляют эту задачу: одни укрепляют эти интересы, а другие могут расшатывать.

Сложность осуществления преобразований в странах, переживающих глубокий кризис, связана с перераспределением власти и собственности и резким обострением политической борьбы между возникающими многочисленными партиями и движениями, а также различными социальными группами, имеющими корпоративные интересы. Современная Россия, как и другие посттоталитарные общества, — сложное соединение прошлого и настоящего, переплетение разнообразных интересов, объективных и субъективных факторов, сочетание накопившихся ранее противоречий и противоречий переходного периода.

В политическом протесте по-прежнему главной проблемой остается пафос справедливости, но теперь он заключается не столько в уравнилельной тематике, сколько в идее социального признания. Одним из проявлений постмодерна и постматериализма стало изменение характера и существа протеста,

обусловленного ощущением несправедливости именно из-за ущемленности, ущербности, депривации, непризнанности личностного бытия в качестве составной части общего потока жизни, а не только вследствие невыплаченной или не вовремя выплаченной зарплаты. К важнейшим задачам национальной модернизации, консолидации национальной элиты относится сплочение национально ориентированных профессиональных сообществ — делового, экспертного, журналистского. Установление прочных связей между этими сообществами, формирование политической и информационной инфраструктуры, т. е. массовой партии, сети общественных объединений и проектов, средств массовой информации, экспертных организаций, выявление национальных лидеров, способных повести за собой третье сословие, — все эти задачи могут быть реализованы только при условии идеологизации политического процесса, экспансии смыслов в политическое пространство. Необходима дебюрократизация публичной политики, минимизация административно-технологических элементов технологического процесса, активизация политической конкуренции, начиная с муниципального уровня и заканчивая федеральным [2]. Все это — необходимое условие нахождения адекватного ответа России на исторический вызов.

Необходимость определения способов мирного сосуществования, взаимного доверия и интеграции этнических общностей в рамках единого национального государства и эффективных методов урегулирования конфликтов, возникших на этнической почве в результате дезинформации, разжигания вражды, агрессии и так называемого информационного терроризма, осознается по-разному в рамках групповых интересов в пространстве политики.

Создание ментальных основ безопасности обеспечивается формированием общероссийской гражданской идентичности. Но общая информационная среда, в которой циркулируют группы интересов, превращается в конфликтное пространство, где взаимодействуют различные ценностно-смысловые системы. Наибольшую сложность представляет проблема искаженной коммуникации, попытки преодоления которой на основе стремления к гармоничному, толерантному обществу пока остаются в лучшем случае общественным идеалом, далеким от реальности. В этом контексте и создан на базе кафедры политологии и политического управления КубГУ научно-образовательный центр (НОЦ) социально-гуманитарных технологий, в рамках которого проводится обучение молодых ученых, аспирантов и магистрантов и ведутся научно-теоретические и научно-практические исследования проблем развития сложного многосоставного социально-политического пространства с целью формирования механизмов согласования разнообразных противоречивых, по-разному трактуемых интересов, намерений и ценностей.

Библиографический список

1. *Афанасьев И. А., Тихонова С. В.* Контуры российской патриотической идеологии: к проблеме конструирования // *Власть*. 2007. № 1.
2. Выбор для России: национальная модернизация: доклад «Столыпинского центра» // *Общая тетрадь. Вестник Московской школы политических исследований*. 2005. № 1.
3. *Кротов Д. В.* Политическая безопасность России: проблемы обеспечения в Южном федеральном округе. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002.
4. *Матишов Г. Г.* Социально-политический и экономико-географический анализ проблем развития южного макрорегиона // *Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технологического развития южных регионов*. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009.
5. *Межуев В. М.* Русская (национальная) идея как цивилизационный выбор России // *Национальная идея и жизнеспособность государства. Постановка задачи*. М.: Научный эксперт, 2009. Вып. 2.
6. *Панкратов С. А.* Модернизация России: Поиск модели устойчивого развития. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2006.
7. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537). URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>.
8. *Юрченко М. В.* Идеологическое обеспечение национальной безопасности России // *Проблемы национальной безопасности России в XX–XXI вв. Уроки истории и вызовы современности: материалы конф.* Краснодар: Традиция, 2010.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТЫ И ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

.....

И. В. Юрченко¹

В статье рассматриваются теоретические аспекты исследования обеспечения безопасности на региональном уровне. Автор указывает, что многофакторный и концептный анализ региональной безопасности может быть наиболее адекватным, если в процессе исследования базируется на принципе методологического плюрализма, который проявляется в наличии разнообразных научных направлений.

Ключевые слова: концепты, методология, национальная безопасность, политический кризис, социальная стабильность.

This paper deals with theoretical aspects of the study of security at the regional level. The author points out that multivariate analysis of regional security may be most appropriate if the research process is based on the principle of methodological pluralism, which is manifested in the presence of various scientific disciplines.

Key words: concepts, methodology, national security, political crisis, social stability.

Разработка теории региональной безопасности должна основываться на концептуальных подходах, включающих макро- и микрополитические уровни. Макрополитические процессы в современном мире обусловлены целым рядом новых условий, рассмотрение которых позволит определить совокупность внешних факторов, создающих, с одной стороны, новые опасности, а с другой — новые социальные ресурсы для отражения возможных нежелательных давлений на Россию. Такая ситуация заставила некоторых аналитиков заявить о новом качестве мировой политики, о серьезных глубинных изменениях состояния международных отношений и даже о наступлении новой эпохи.

Трансформация мироустройства — это важнейший макрополитический фактор обеспечения безопасности страны, процесс, последствия которого за-

¹ Юрченко Инна Вадимовна — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, главный научный сотрудник ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Эл. почта: ivyurchenko@mail.ru

висят от характера позиционирования значимых политических игроков, разрабатывающих и предлагающих свои социальные проекты межгосударственного взаимодействия. Причем конструирование этого взаимодействия осуществляется и в дискурсивных практиках, отличающихся друг от друга глубиной понимания политической ситуации. Так, например, наметилась тенденция исключения России из списка демократических стран, в то время как к демократическим причисляются, по справедливому замечанию С. Караганова, «гораздо более политически отсталые государства с весьма репрессивными режимами, отличающимися, правда, готовностью следовать в фарватере США или других старых западных государств» [4, с. 120].

Безопасность, будучи базовым концептом политической стратегии Российского государства, сложным многоплановым общественным явлением, попадает в предметное поле различных научных дисциплин, и не только общественных (в частности, когда речь идет об экологической, ядерной, сейсмической и других видах безопасности). Поэтому, имея специфику своего содержательного теоретического выражения в зависимости от уровня и предмета исследования, она включает в себе совокупность понятий, смысловых значений (т.е. концептов), раскрытие которых необходимо для полноты и адекватного отражения сути проблемы. Следует подчеркнуть, что концепт — это основной элемент ментального плана, он «отражает представления о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких квантов знания» [3, с. 50]. В контексте исследуемой темы необходимо проводить всесторонний полипарадигмальный анализ таких концептов, как «регион», «ментальные основы безопасности», «уязвимость институтов власти», «политические риски», «глобальные и локальные угрозы стабильности и устойчивого развития региона», «опасность политического сепаратизма», «региональная депривация», «механизмы и технологии реализации национально-государственных и региональных интересов» и др. Раскрытие концептов, включённых в содержание теоретико-познавательной проблемы, позволит определить основные индикаторы состояния безопасности и стабильности социальной системы, специфику региональной безопасности и возникающие угрозы и вызовы, характер социального самочувствия, уровень социального и политического доверия в границах изучаемой региональной общности. Но главное, адекватное теоретико-методологическое обоснование на основе комплексного исследования позволит предложить возможные социально-гуманитарные технологии урегулирования региональных конфликтов, укрепления региональной безопасности на основе соответствующей стратегии развития.

Рассматривая региональную безопасность в системе национальной безопасности, необходимо учитывать, что понятие «регион» употребляется

в различных смыслах, о чем подробно речь шла в коллективной монографии «Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа» [5, с. 8].

Так, например, в настоящее время для обозначения территории на юге страны используется ряд основных терминов: Северный Кавказ, Юг России, Южный федеральный округ и Северо-Кавказский федеральный округ. Во многих случаях эти понятия употребляются взаимозаменяемо, хотя жители Воронежской и Саратовской областей также нередко считают себя южанами. Кроме того, территории ЮФО и СКФО или их отдельные части включаются различными авторами в другие региональные конфигурации: черноморский макрорегион, черноморско-каспийский регион, азово-черноморский регион, Большой Кавказ и др. [7, с. 202-218].

Как отмечает С. Н. Баранец, регион как объект исследования и управления может быть позиционирован лишь по отношению к другим регионам, и в таком случае наиболее сложная проблема — определение критериев отличия на фоне подобия [1, с. 94-95].

Правомерно также рассмотрение территориально-ориентированного подхода и «допустимость использования понятия регион как «конструируемой» реальности в том случае, когда речь идет о целенаправленной деятельности различного рода субъектов по «регионостроительству»» [5, с. 11] или в связи с задачами изучения и моделирования.

Таким образом, для обоснования территориальных рамок исследования необходима аргументация специфики именно той территории, которая накладывает свой отпечаток на все происходящие здесь процессы и которая в данном случае уязвима с точки зрения безопасности и, как правило, имеет особое геополитическое значение. В этом аспекте региональная безопасность как защищенность региональной социальной общности от внутренних и внешних угроз может распространяться не только на часть территории государства, но и выходить за его границы. Например, Черноморский регион пространственно включает Россию в лице ее одного субъекта Федерации — Краснодарского края. В одном случае мы говорим о региональной безопасности как межгосударственной в определенном регионе мира, а в другом — о региональной безопасности как внутригосударственной в рамках отдельной территориально-административной единицы. Соответственно эти контуры в геополитической и геоэкономической картографии могут совмещаться, пересекаться и показывать возможные политико-экономические, межнациональные, межкультурные, лингвистические и другие кливиджи.

Кризисное мироощущение в регионах усиливается в результате непрекращающихся этнических конфликтов, с одной стороны, и экономической неэффективности — с другой. Кроме того, стали актуальными такие виды кризисов, как экологический, антропологический, духовный, культурный. Если

раньше негативные проявления в одних областях компенсировались прогрессом в других сферах жизнедеятельности, то сегодня для кризисных явлений характерен тотальный и глобальный характер, обусловленный усложнением технологических, финансовых и политических взаимосвязей в социально-экономических системах. Они определяют все более трудно предсказуемые новые комбинации параметров риска принимаемых решений и масштаба их последствий. Более того, «кризисы все более превращаются в самоподдерживающийся процесс, напоминая порочный круг из-за неопределенности причин и причинно-следственных связей и неэффективного управления ими» [9, с. 17].

Наиболее часто политический кризис рассматривается как дисфункция подсистем или институтов социума (кризис идеологии, кризис управления, кризис партийной системы и др.) или кризисных отношений между отдельными элементами системы (кризисы легитимности, кризисы идентичности) [2, с. 3-7]. Особенно острый характер политического кризиса проявился в период выборов в Государственную Думу РФ 2011 г. и выборов Президента РФ 2012 г. на фоне мирового финансово-экономического кризиса, кризиса политики мультикультурализма в Европе, политических потрясений в ряде арабских стран и резкого осложнения обстановки вокруг ядерной программы Ирана. Научный анализ предполагает стремление к объективной истине, отказ от ангажированности в суждениях, непредвзятый подход к отбору фактологического материала. Причем «социоанализ региональной безопасности не может быть только отображением, описанием той или иной ситуации в регионе, а должен включать в себя интерпретирующую составляющую многофакторного процесса на основе определения существенных факторов для политической, геополитической стратегии государства» [8]. Иначе говоря, безоценочные суждения в этой теме неэффективны. В данном случае имеются в виду социальные интересы России, которые сформулированы в концепции национальной безопасности, являющиеся основными критериями определения аксиологических ориентаций в политике в рамках правового пространства.

Один из стереотипов, прочно укоренившихся в нашем сознании, — мнение о преувеличенном влиянии государства в жизни общества. Некоторые исследователи по-прежнему убеждены, что власть проявляет тенденцию к поглощению общества и личности. Факты свидетельствуют о том, что это заблуждение. В начале XXI в. мир сталкивается с целым рядом серьезных вызовов и новых угроз в области безопасности. Это не только изменение климата и другие глобальные проблемы окружающей среды, но и угрозы, исходящие от транснациональных террористических структур и дальнейшего распространения оружия массового уничтожения, а также проблемы, связанные с так называемой ограниченной государственностью.

Как подчеркивает профессор Свободного Берлинского университета Т. Риссе, несостоятельные государства становятся главной проблемой между-

народных отношений, поскольку почти 60% современных государств могут осуществить государственную монополию на использование силы лишь в узком виде. Он вводит понятие «рынки насилия» для обозначения ситуации, противоположной той, когда действует государственная монополия на применение силы. К кризисным регионам мира кроме африканских, азиатских и латиноамериканских стран он относит регионы на периферии России [6, с. 54]. Рынки насилия и гражданские войны угрожают стабильности не только этих регионов, но и международной безопасности в целом.

Проблема управления в регионах с ограниченной государственностью имеет как теоретические, так и политико-практические аспекты. Необходимость эмпирико-аналитического осмысления функциональных расстройств государственности обусловлена тем, что деградирующая государственность — это не мимолетный феномен, а процесс, имеющий свою логику, динамику, причинную обусловленность и следствия.

Деградирующее государство не выполняет своих основных функций, берут верх латентные функции и дисфункции. Государство перестает добиваться легитимности власти, теряет монополию на применение легитимного насилия внутри страны и способность защищать ее от внешних угроз, утрачивает интеллектуальный потенциал формулирования и артикулирования эффективной политики по выходу из кризиса. Граждане лишаются даже минимальных материальных общественных благ. Ослабленные государства предрасположены к появлению на их территории организованной преступности и формированию внушительного неформального и теневого сектора в экономике и политике. Деградирующее государство криминализируется и становится площадкой для нелегальной деятельности и услуг в ситуации социальной аномии.

Региональная безопасность, определяемая как защищенность жизненно важных интересов региональной социальной общности и местных институтов государства от внешних и внутренних угроз, требует прогнозируемого исследования возникновения опасностей и угроз. Обществу необходим постоянный контроль за динамикой развития реальных и потенциальных кризисных явлений, показателей национальной безопасности с учетом региональных индексов. Отделом политологии и конфликтологии ИСЭГИ ЮНЦ РАН разрабатываются методология, методы оценки и индикаторы социально-экономического развития регионов, региональные индексы развития человеческого потенциала, проводится стратификационный анализ уровня защищенности жизненно важных интересов населения Юга России, мониторинг социально-политических рисков и угроз национальной безопасности и их источников на региональном уровне.

Библиографический список

1. *Баранец С. Н.* К вопросу о методологических основаниях политической регионологии // Человек постсоветского пространства: сб. материалов конф. СПб.: СПбФО, 2005. Вып. 3.
2. *Барсамов В. А.* Структурно-причинные концепции кризиса и революции: теория и современная практика // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 1.
3. *Гаврилова М. В.* Концептуальный анализ политического дискурса // Дискурсология: методология, теория, практика. Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2006.
4. *Караганов С.* Наступает новая эпоха // Российская газета, 2007. 6 июля.
5. Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008.
6. *Риссе Т.* Правление в регионах с ограниченной государственностью // Internationale Politik. 2005. № 5.
7. *Юрченко В. М., Юрченко И. В.* Локально-региональные аспекты геополитики России в Черноморском макрорегионе // Вестник российской нации. 2010. № 6.
8. *Юрченко И. В.* Теоретико-методологические аспекты многофакторного анализа региональной безопасности // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 4.
9. XXI век — вызовы и угрозы. М.: Ин — октаво, 2005.

ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ И КОНЦЕПТЫ

.....

М. В. Юрченко¹

В статье рассматриваются основные научные концепты и теоретические подходы к исследованию направлений и закономерностей политико-идеологических процессов в полиэтнической среде открытого информационного пространства.

Ключевые слова: политико-идеологические процессы, информационное пространство, социокультурные общности, теории коммуникации, интегративная идеология.

In article the basic scientific concepts and theoretical approaches to research of directions and laws of politico-ideological processes in the polyethnic environment of the open information field is analyzed.

Key words: politico-ideological processes, information field, sociocultural communities, communications theories, aggregated ideology.

Стремительное развитие информационного пространства российского общества в процессе социальных трансформаций в конце XX — начале XXI в., связанное с расширением технологических и экономических возможностей, а также условиями транспарентности коммуникативной среды, существенным образом изменяют всю систему политико-идеологических отношений и взаимодействий, которые приводят к новому качественному состоянию публичной сферы полиэтнического социума. Новые принципы социально-технической организации жизни обуславливают необходимость анализа возникающих тенденций, вызовов и угроз многосоставному российскому обществу, находящемуся в процессе политико-идеологического поиска оптимальной модели развития в ситуации мирового финансового и экономического кризиса.

Поскольку понятие политической идеологии концептуально наделено социально-критической функцией, анализ формирующихся в новых условиях стилей мышления и действия выводит на проблематику справедливости

¹ Юрченко Михаил Викторович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: mvyurchenko@mail.ru

и свободы, возможностей консенсуса власти и граждан, а также консолидированного и солидарного сосуществования различных социокультурных общностей на основе общегражданской российской идентичности. Перед современной политологией стоит важная задача — выявление (с помощью адекватного научного инструментария) закономерностей политико-идеологических процессов в полиэтнической среде открытого информационного пространства, причин и факторов, препятствующих становлению единой российской идентичности, а также изучение способов достижения персуазивного эффекта в различных политико-идеологических практиках с учетом их конструктивного и деструктивного характера. В этой связи необходимо акцентировать внимание на активизации экстремистских и радикальных идеологий, создающих угрозы безопасности общества, личности и государства, и разработке социально-гуманитарных технологий противодействия, профилактики, упреждения этих опасностей и снижения политических рисков раскола, распада, разрушения и деградации государственности. С точки зрения теоретико-методологических оснований исследования большую ценность для нас представляют теории коммуникации Ю. Хабермаса [11], обосновавшего теорию коммуникативного действия, и Г. Лассуэлла [12; 13; 14], который одним из первых исследовал проблему количественного контент-анализа политической (в том числе и массовой) коммуникации. Г. Лассуэлл подчеркивал ключевое значение понимания общения людей как «открытого форума для постоянного обсуждения вопросов взаимной терпимости и доступа к основным ценностям жизни». Для Хабермаса коммуникация — определенное социальное действие, важный аспект жизненного мира. Жизненный мир — это повседневная реальность человека, которую он создает посредством действий и общения, продукт коммуникативного действия человека. Большое внимание Ю. Хабермас уделял процессу рационализации коммуникативной деятельности. Процессы взаимодействия людей должны быть рационально истолкованными, иначе невозможна коммуникация. Основные компоненты рационализации: нормативные, экспрессивные, ценностные. Главной целью развития он считал создание общества неискаженной коммуникации.

В коммуникационной концепции Н. Лумана подчеркивается, что в развитии общей теории систем «отчетливо обнаруживается перестройка теоретических средств, простирающаяся вплоть до теории познания», и связано это с селективным определением концепта «коммуникация», благодаря которому можно адекватно охарактеризовать то, что мы понимаем под «действием» [7, с. 24-35]. Н. Луман считает, что поскольку «есть очень много различных возможностей наблюдать мир в зависимости от того, какая именно системная референция лежит в основе... не выделяя одну из них в качестве наилучшей, единственно правильной. Поэтому любая теория, соответствующая этому положению вещей, должна быть отнесена к уровню наблюдения за наблюдениями...» [7, с. 25].

Герменевтико-феноменологическая парадигма П. Рикера и А. Шюца, этнометодология Г. Гарфинкеля представляют для нас интерес с точки зрения методологического подхода к изучению повседневности людей, основ и процесса коммуникации в условиях конструирования собственного социального, intersubъективного мира.

Также для нашего исследования актуально рассмотрение феномена дискурса, который приобретает фундаментальный статус в социальном, в том числе и конфликтологическом исследовании. Дискурс-анализ, по мнению ряда авторов, приходит на смену психоанализу. Слово есть точка соединения формы и смысла в каждом моменте дискурса. Для методологии дискурс-анализа важно определить различие между наблюдением и пониманием. Наблюдение — это сенсорный опыт, оно направлено на доступные для восприятия вещи и события и имеет индивидуализированный характер. Понимание — это коммуникативный опыт, оно направлено на смысл выражений.

В конфликтологической парадигме Л. Козера [6] представляет ценность авторский подход к пониманию конфликта, который всегда, по его мнению, имеет идеологическую природу. Конфликт ученый рассматривает не как социальную аномалию, а как естественную и даже необходимую форму существования и развития социальной системы, которая нередко вызывает негативные последствия, но может давать и заметный позитивный результат. Доказывая наличие позитивных (группосозидающих) функций конфликта, Л. Козер пытается дать полномасштабную картину тех факторов, которые способствуют (или, наоборот, препятствуют) такой интеграции. Среди них не последнее место занимает, например, вовлеченность индивидов в групповую структуру. Чем теснее связи между людьми в группе, тем негативнее последствия конфликта в таких группах. В группах с высокой интенсивностью взаимодействия конфликты часто на время «загоняются вовнутрь». Однако концентрация людей на одних и тех же проблемах, возникающих в рамках этой группы, может привести к взрыву, который полностью разрушит эту группу. В тех же случаях, когда люди вовлечены в групповую деятельность только частично и являются одновременно участниками не какой-то одной социальной группы, а целого ряда разных групп, конфликты играют созидательную функцию — поддерживают необходимый баланс сил, предотвращая концентрацию эмоций на какой-либо одной проблеме и не допуская раскола общества.

Люди, живущие в группах, воспринимают окружающий мир не на абстрактном уровне созерцательного разума и не только в качестве отдельных индивидов. Они обдумывают свои поступки и действуют совместно, сообщая или в противоборстве, в различных по своей организации группах. «Эти связанные в группы индивиды стремятся в соответствии с характером и положением группы, к которой они принадлежат, либо изменить окружающий их мир, либо сохранить его в существующем виде» [8, с. 9].

Принадлежность к группе и ориентация на действие открывают действующему субъекту объекты мира в конкретной плоскости. Эти факторы, как правило, определяют отбор тех элементов действительности, которые становятся предметом мышления.

Политическая организация, партия в процессе своего функционирования предполагает получение эффекта унификации мышления, когда оно (мышление) превращается в более стереотипное, оперирующее обобщенными категориями, растворяющими конкретное содержание и индивидуальные черты. Логика партийной борьбы ведет к упрощению, схематизации общественного мнения, поглощая или маскируя разнообразие, нивелируя различные мнения в рамках общей партийной идеологии.

Поэтому, рассматривая интегративную идеологию в России как нацеленную на обеспечение возможности конструктивного взаимодействия различных социально-политических сил (в результате появится политическое и культурное сообщество, основанное на общих ценностях и нормах, — народ), можно смело утверждать, что именно народ (т. е. достижение этого сообщества) должен быть стержневым элементом интегративной идеологии. Ее разработка — дело интеллектуалов-идеологов, а обеспечение обратной связи должна взять на себя соответствующая народная (в истинном смысле этого слова) политическая организация, которая будет выступать в качестве носителя — субъекта данной идеологии.

Майкл Оукшот считает политику «деятельностью, имеющей источник в себе самой, когда эмпиризму предшествует и им управляет *идеологическая* (курсив наш. — М. Ю.) деятельность», что в принципе можно рассматривать как адекватное понимание политической активности [9, с. 201]. Так называемый идеологический стиль в политике как желательный или нежелательный способ соблюдения общественных соглашений также представляет собой важный аспект отношений власти и народа, гражданского общества и государства.

Политическая идеология включает в себя набор связанных между собой абстрактных принципов, которые принимаются как базовые для определенной социальной общности, имеющей организационное оформление в виде политической партии или какого-либо иного политического института, по аналогии с тем, как в науке выдвигается некая гипотеза. Политическая идеология требует того, чтобы содержание понятий «свобода», «демократия» или «справедливость» было заранее известно, и таким образом заставляет эмпиризм работать [9, с. 201-202].

В постсоветский период в обществе образовался ценностно-идейный вакуум, который никак не заполнялся, несмотря на бескомпромиссную борьбу различных идеологов. Представляющееся невозможным нормальное функционирование гражданского общества и государственного аппарата в таких условиях порождало обширную дискуссию, развернувшуюся в то время

на страницах газет и журналов вокруг проблемы формирования новой идеологии в обновленной России. Многими политиками и интеллектуалами осознавалась необходимость создания новой парадигмы политической идеологии, чтобы по окончании этого творческого процесса теоретических изысканий подобраться к самому насущному вопросу — разработке идеологической системы для современной России. Наиболее вероятной представлялась выработка интегративной модели политической идеологии [1, с. 16-22].

С 2012 г. начинает функционировать единое экономическое пространство России, Белоруссии и Казахстана, что является отражением интеграционной политики Российской Федерации, начатой еще в 1990-е гг. на международном уровне и выступает адекватным ответом на вызовы глобализации. В условиях мирового финансового кризиса государства вынуждены искать новые ресурсы для экономического роста и политической стабильности. В этой ситуации дополнительный импульс получили интеграционные процессы. По мнению В.В. Путина, «по сути речь идет о превращении интеграции в понятийный, привлекательный для граждан и бизнеса, устойчивый и долгосрочный проект, не зависящий от перепадов текущей политической и любой иной конъюнктуры» [10].

Наши представления о том, как формируются системы идей, как они трансформируются и взаимодействуют с другими символическими формами, нуждаются в осмыслении. Понять сущность и проявления политического процесса в условиях избирательного цикла 2011-2012 гг. можно только при условии признания конфликтного взаимодействия различных пониманий происходящего представителями групп интересов, которые в зависимости от характера понимания объединяются вокруг влиятельного артикулятора своих мыслей, идей, взглядов, оценок. У каждого такого артикулятора есть неизменное желание узурпировать право политического понимания и диктовать свои критерии демократичности и недемократичности, прогрессивности и отсталости, эффективности и неэффективности политической системы. В политическом дискурсе можно наблюдать неоднозначные определения таких понятий, как «безопасность», «угрозы безопасности», «права человека», «защищенность». Интерпретации и трактовки этих феноменов задаются противостоянием западников и антизападников, космополитов и патриотов, интернационалистов и националистов, монетаристов и сторонников государственного управления экономикой, апологетов политического насилия и пацифистов, что и воспроизводит ситуацию раскола в обществе. Центризм в политике, который напрямую связан с интегративной идеологией, отличается от многих политических движений именно своей приверженностью к реальному процессу, стремлением избегать крайностей и ставить нереальные популистские цели. Основной идейный постулат центризма заключается в признании относительности порядка, организации и спонтанности, самоорганизации, возникающих есте-

ственным путем. Тогда появляется определенная позиция по отношению к интеграционным механизмам и явлениям. По своей сути центризм не может абсолютизировать, гипертрофировать какие-либо крайности, будь то монополия или спонтанные неуправляемые процессы.

Можно констатировать, что Россия уже не является страной с протопартийной системой, наоборот, партийная система уже существует реально. Ее стержнем в нынешней ситуации выступает «Единая Россия». Многие партии оттачивают свою идеологию исключительно на конфронтации с этой так называемой пропрезидентской партией, возглавляемой Председателем Правительства В.В. Путиным. Большую роль в формулировании интенций интегративной идеологии сыграл также созданный в 2005 г. Центр социально-консервативной политики, цель которого — формирование эффективной стратегии развития страны [3]. Под социальным консерватизмом подразумевается система ценностей, которая способна объединить большинство граждан России. Это территориальная целостность и суверенитет России, повышение роли нашей страны в мире, сохранение традиций российского общества, его многонационального и многоконфессионального характера, модернизация на основе единой стратегии развития. Великий русский философ Иван Ильин утверждал, что политика невозможна без идеала, она должна быть трезво-реальной [4, с. 404, 406], а политическое служение должно не раскалывать людей, не разжигать их страсти, а объединять на том, что им всем близко. Настоящий политик способен увлечь народ на верный путь, ибо политика (по И. Ильину) есть искусство объединять людей. Для того чтобы создать это единение, лучшие люди народа должны «договориться и согласиться друг с другом, крепко сомкнуть свои ряды и затем приступить к объединению народа» [5, с. 459-465]. Именно такие мысли звучат во многих выступлениях В. В. Путина. «Наша страна только тогда займет достойное положение в мире», только тогда мы сможем сохранить и нашу государственность и суверенитет, когда «граждане будут видеть, будут чувствовать, будут уверены в том, что все усилия государства направлены на защиту их кровных интересов: на улучшение их жизни, на повышение благосостояния и безопасности» [2, с. 445]. Для этого и был создан «Общероссийский народный фронт». В этом контексте проводится и внешняя политика на постсоветском пространстве.

Наблюдения показывают, что в основном центристские тренды преобладают в избирательном цикле 2011-2012 гг. Конструируемая правящей элитой на принципах интегративных ценностей стратегия, входит в общий концепт инновационного развития России, и этим концептом является национальная безопасность страны и ее граждан. В дискурсе власти акцент делается на идее реальных дел, подчеркивается, что та партия, которая более адекватно оценивает ситуацию, вызовы и угрозы для общества и эффективно реагирует на них, предлагая свою социальную программу, направленную на решение первооче-

редных задач, имеет больше шансов получить поддержку избирателей. Если левые партии всегда сосредоточены исключительно на патерналистской роли государства и декларируют необходимость защиты беднейших слоев населения, а праволиберальный подход ориентируется на формулу «выживает сильнейший», центристская социальная политика на современном этапе комплексно учитывает оба подхода, но считает их крайностями и предлагает принцип обеспечения внутривластной стабильности и интеграции как условия социальной безопасности, которая может быть обеспечена поддержанием баланса интересов различных социальных групп.

Таким образом, политико-идеологическое измерение информационного пространства современного российского общества можно назвать значимой научно-теоретической и практической проблемой, которая стала предметом исследования в рамках реализации проекта «Информационная безопасность в полиэтническом социуме (на материалах ЮФО)» по программе Министерства образования и науки РФ и Федерального агентства по образованию «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2011 гг.)», № 2.1.3./3824 с участием автора данной статьи.

Библиографический список

1. Алексеева Т. А., Капустин Б. Г., Пантин И. К. Перспективы интегративной идеологии (Тезисы) // Полис. 1997. № 3.
2. Владимир Путин. Рано подводить итоги/под ред. Г. А. Бордюгова, А. Ч. Касаева. М.: АСТ, 2007.
3. Единая Россия. 2006. 13 февр.
4. Ильин И. А. О грядущей русской культуре // Родина и мы. Смоленск: Посох, 1995.
5. Ильин И. А. О политическом успехе (забытые аксиомы) // Родина и мы. Смоленск: Посох, 1995.
6. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, 2000.
7. Луман Н. Что такое коммуникация? // Проблемы теоретической социологии: межвуз. сб. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. Вып. 4.
8. Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
9. Оукиот М. Рационализм в политике и другие статьи. М.: Идея-Пресс, 2002.
10. Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. URL: <http://www.izvestia.ru/news/502761>
11. Хабермас Ю. К логике социальных наук. Теория коммуникативного действия // Современная западная теоретическая социология (реферативный сборник). Юрген Хабермас. М.: ИНИОН РАН, 1991. Вып. 1.
12. Lasswell H. Propaganda Technique in the World War. New York: Knopf, 1927.
13. Lasswell H. The Analysis of Political Behaviour. London: Kegan Paul, 1947.
14. Smith B. L., Lasswell H., Casey R. D. Propaganda, communication and public order. Princeton, N. J.: Princeton University Press. 1946.

ГЛОБАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И НОВЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОПАГАНДЫ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

.....

К. А. Говорухина¹

В статье анализируются проблемы развития информационного общества в аспекте глобализационных процессов. Отмечается, что формирование глобального информационного общества происходит под воздействием прогресса новых информационных и телекоммуникационных технологий в сочетании с глобализацией рынков.

Ключевые слова: глобализация, информационное общество, пропаганда, информационно-коммуникационные технологии.

In article problems of development of an information society in aspect of globalization processes are analyzed. It is noticed that formation of the global information society occurs under the influence of progress of new information and telecommunication technologies in a combination to globalization of the markets.

Key words: globalization, information society, propaganda, information-communication technologies.

Глобализация, затрагивающая сегодня все сферы жизни общества, невозможна без обмена информацией. В настоящее время информационные процессы — важнейшая, неотъемлемая составляющая всех процессов экономической, социальной и политической деятельности любого общества и государства.

Цель данной статьи — выявить роль пропаганды в обеспечении информационной безопасности государства в условиях формирования глобального информационного общества.

Большинство глобальных проблем связано с развитием информационной среды. Информационное общество является порождением информационного пространства так как разветвленная и эффективная информационная инфраструктура способствует развитию общества, повышению ценности информации и коммуникационных процессов, росту влияния информации на общество

¹ Говорухина Каринэ Александровна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: kereana@mail.ru

в целом и каждого человека в отдельности. Концепции глобального информационного общества, сочетающие в себе как философские, так и прикладные аспекты, имеют ряд общих признаков и основных положений.

Под глобальным информационным обществом понимается общество нового типа, формирующееся в результате новой глобальной социальной революции, основой которой является взрывное развитие и конвергенция информационных и коммуникационных технологий; общество знаний, в котором главным условием благополучия каждого человека и каждого государства становится знание, полученное благодаря беспрепятственному доступу к информации и умению с ней работать; общество, которое способствует взаимопроникновению культур и открывает каждому сообществу и каждому человеку новые возможности для самоидентификации.

При разработке концепций перехода к информационному обществу используется комплексный подход, основанный на поддержании баланса интересов государства и общества, предпринимательских структур и личности.

Формирование глобального информационного общества происходит под воздействием прогресса новых информационных и телекоммуникационных технологий в сочетании с глобализацией рынков, поэтому для гармоничного вхождения в информационное общество и соблюдения требуемого баланса необходимы координирующие усилия со стороны государства [3, с. 50].

Современная информационная среда в силу ряда факторов может представлять угрозу физическому, психическому и социальному благополучию человека.

1. Современный «человек информационный» живет в ситуации информационного переизбытка. Поэтому одной из основных задач в решении проблемы информационной безопасности общества является научная рефлексия информационных взаимодействий, особенно тех, в которых участвуют СМИ.

2. Применение современных информационно-коммуникационных технологий влечет за собой изменение типа сознания и мышления. Человек переходит к получению информации с экрана, возникает новый тип чтения.

3. Возникновение особого типа телевизионного языка привело к глубокому кризису самой категории ценности в обществе, снижению уровня критического анализа потребляемой информации.

В информационном обществе действуют определенные приемы влияния на массовое сознание, основанные на базовых актуальных закономерностях осуществления современного коммуникационного взаимодействия:

а) исходя из многонаправленности коммуникационных потоков, массовое сознание получает информацию как из официальных, так и из неофициальных каналов;

б) при многослойности коммуникационного материала, который содержит не только факт, но и его интерпретацию, заимствование факта вместе с чужим сообщением несет в себе и его интерпретацию, которую массовое сознание может даже не заметить;

в) в современном информационном мире в силу высокой активности аудитории сообщение формируется как источником, так и потребителем информации, иногда даже роль потребителя информации может превалировать над ролью источника;

г) в процессе коммуникации происходит искавление информации, информационное усиление или уменьшение ее значимости достигается за счет изменения общественных приоритетов или коллективных мотиваций.

В современном глобальном информационном обществе пропаганду используют гораздо чаще, чем это признают многие ученые и политические деятели. По мнению Д. Лиллекера, «в силу того, что католическая церковь, режим Сталина, Гитлера, Пол Пота и другие диктаторы использовали пропаганду как форму социального контроля, сегодня она вызывает негативные ассоциации» [2, с. 228-229]. Однако в глобальном информационном обществе она служит перманентной частью политического процесса.

Современная пропаганда — это последовательная, довольно продолжительная деятельность, направленная на создание или информационное оформление различных событий с целью влияния на отношение масс к предприятию, идее или группе.

Научно-технический прогресс, и прежде всего происходящая информационная революция, качественно изменили информационное пространство. Э. Бернейс, оценивая потенциал средств коммуникации, писал: «Современные средства коммуникации — власть, которую дают нам печать, телефон, радио и прочие изобретения, способные быстро передать важнейшие стратегические или технические идеи множеству взаимодействующих центров одновременно, — открывают перед нами совершенно новый мир политических процессов. Сегодня идея и фраза могут быть эффективнее любой личности и сильнее любых локальных интересов. Можно документально оформить стандартную процедуру, не допустив тем самым ее искажения или нарушения, а затем постепенно уточнять и дополнять ее, внедряя повсеместно и не допуская непонимания на индивидуальном, локальном или групповом уровне» [1, с. 5].

В современном глобальном информационном обществе без пропагандистской деятельности не обходится ни одно важное мероприятие, будь то строительство собора, выход кинофильма, проведение больших спортивных мероприятий или выборы. Эта деятельность повсеместна и длительна, таким образом она позволяет достаточно эффективно контролировать общественное сознание.

Пропаганда пронизывает всю обычную жизнь человека и существенно воздействует на нашу картину мира. И по мере того как становится явной важная роль пропаганды в завоевании общественной поддержки, ее начинают использовать все шире. В современных условиях пропаганда учитывает не отдельную личность, а структуру общества, состоящую из пересекающихся групп и связей «лидер — последователь». Человек рассматривается не просто как клетка социального организма, но и как составляющая социальной единицы. При этом пропаганда в новых условиях, учитывающая состав общества как единого целого, нередко может служить созданию и удовлетворению потребностей масс. По мнению Э. Бернейса, создателя современного PR, «потребность в той или иной реформе, сколь бы многие ее ни испытывали, не может быть реализована прежде, чем будет высказана» [1, с. 25].

Новые информационно-коммуникационные технологии стали основой глобальных процессов информатизации, которая подготовила вхождение человеческого общества в эпоху развития на новой технологической основе. По мере развития создаются условия для экономического роста отдельных стран, интенсивного включения государств и целых регионов в мировые интегративные процессы, в формирующееся единое информационное пространство.

Новые информационные технологии, средства пропаганды способны объединить все виды коммуникации в единое информационное пространство, в том числе с традиционными видами воздействия на общество и личность. Управление информационным пространством, основным субъектом которого выступают государственные структуры, стремится к тому, чтоб вводить в массовое сознание информационные структуры с заранее прогнозируемым шаблоном их восприятия. Так, Д. Лиллекер считает, что «с помощью такой коммуникации создается вымышленная реальность, в которую, как предполагается, должна поверить аудитория, и результатом этой веры станут определенные действия, например, голосование за партию, жертвование в пользу чего-либо, или присоединение к ряду активистов» [2, с. 230].

Пропаганда в условиях глобального информационного общества должна учитывать определенные правила:

- цель пропаганды состоит в том, чтобы текст сообщения и то, что скрывается за ним, привлекли внимание потребителя информации, вызвали в нем внутренний конфликт или укрепили предвзятое отношение;
- в пропаганде сделан акцент на тех изменениях, которые могут стать возможными благодаря действиям объекта информационного воздействия;
- с помощью пропаганды формируется впечатление, что информация, поданная в ней, — объективная правда, исходящая из общественной сферы, и не направлена на то, чтобы повлиять на аудиторию;

— в пропаганде используются визуальные, риторические и символические средства, понятные обществу.

Кроме того, в современных условиях используются принципиально иные основания для построения пропагандистского сообщения:

а) резкое увеличение объемов передаваемой информации, что стало возможным благодаря возникновению новых каналов коммуникации, таких как Интернет, обладающих совершенно новыми характеристиками индивидуально-массового средства информационно-коммуникационного воздействия (в отличие от письма, являющегося исключительно индивидуальным средством, или газеты, которой свойственен массовый характер);

б) современные представления о демократии не позволяют государствам использовать старые схемы цензуры.

Глобальное информационное общество способствовало созданию общемировых информационных сетей, быстрому и в больших объемах распространению нужной информации в любой уголок земного шара, фактически онлайнового контроля за жизнью, образом мысли, планами и настроениями как отдельных граждан, так и общественных объединений. Немыслимый ранее доступ к имеющейся обширной информации практически о любом человеке или организации, ее централизованная обработка и обобщение дают властям новое оружие для предотвращения нежелательных для себя действий, косвенного/манипулятивного управления людьми.

В современном обществе нет такого средства коммуникации, которое не могло бы быть использовано для пропаганды. Особенности информационного общества заставляют пропагандиста знать о том, как быстро меняется интерес к средствам пропаганды. Так, в XX в. это были митинг, печать, радио. Глобальное информационное пространство вывело на передний план новое средство — Интернет, превратившийся в публичный ресурс глобального масштаба.

Необходимо отметить, что в настоящее время в силу повышения общего уровня образования, доступа к информации из различных источников рядовой гражданин получает больше возможностей для критического анализа того информационного потока, который на него воздействует. Э. Бернейс считал, что «если массы будут лучше проинформированы о том, как на самом деле устроена их жизнь, они будут более восприимчивы к разумным предложениям, отвечающим их собственным интересам» [1, с. 165-166]. Это требует постоянного совершенствования пропагандистских технологий воздействия на массовое сознание. Кроме того, субъекты политической пропаганды вступают в острую конкуренцию друг с другом, а поскольку современные схемы коммуникативного воздействия разработаны для подобного рода контек-

стов, пропаганда под теми или иными названиями будет совершенствоваться и в нынешнем столетии.

В целом можно говорить о том, что человечество уверенно вступает в глобальное информационное общество, которое охватило новейшими коммуникационными связями всю планету и распространяет действие соответствующих технологий на все сферы жизнедеятельности общества. При этом в современном мире пропаганда переживает качественно новый этап своего развития, поскольку без определенного объема идеологически окрашенных знаний жизнь больших социальных систем невозможна.

Библиографический список

1. Бернейс Э. Пропаганда. М.: Hippo Publishing, 2010.
2. Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты. М.: Гуманитарный центр, 2010.
3. Чернов А. А. Основные историко-теоретические этапы развития концепций глобального информационного общества // Информация. Дипломатия. Психология: сб. ст. М.: Известия, 2002.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЮЖНОРОССИЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

.....

П. П. Зети¹

Рассмотрены основные проблемы формирования российской идентичности в южнороссийском макрорегионе. По результатам эмпирических исследований выделены информационные механизмы, способствующие формированию позитивной гражданской идентичности в процессе обеспечения информационной безопасности региона.

Ключевые слова: идентичность, информационная безопасность, южнороссийский макрорегион, средства массовой информации.

The paper considers the main problems of formation of Russian identity in the southern Russian macro-region. According with the results of applied researches informational mechanisms of formation positive civil identity in the process of informational security of the region have been determined.

Key words: identity, informational security, southern Russian macro-region, mass-media.

Политические процессы, происходящие в развитых странах, и фрагментация политических систем приводят к усилению этническо-религиозных групповых идентичностей и размыванию национально-политической самоидентификации. Данные процессы снижают устойчивость политической системы и не способствуют сохранению стабильности в государстве и обществе. В России в 1990-е гг. конфессиональная идентичность была одним из множества факторов, которые удерживали трансформирующиеся российское общество и государство от рас-

¹ Зети Полина Петровна – кандидат политических наук, преподаватель кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, младший научный сотрудник отдела политологии и конфликтологии Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН. Эл. почта: zeti@yandex.ru

Публикация подготовлена в рамках проекта «Информационная безопасность в молодежной среде как фактор противодействия экстремизму», грант Президента Российской Федерации МК-1421.2012.6.

пада. Однако сегодня стало очевидно, что на этой основе не удастся сформировать прочный фундамент национальной идентичности [5, с. 7]. Вместе с тем опыт 1990-х гг. показал, насколько опасна политизация этничности, этнической идентичности. В современной политической стратегии приоритет отдаётся гражданской общероссийской идентичности. Национальную идентичность можно интерпретировать как отнесение граждан к определённым государствам. Она утверждается прежде всего через систему воспитания, образования, государственный язык, традиции, культуру и пр. В современном мире идентичность играет огромную роль, поскольку концепция перехода от структуры национальных государств к структуре глобального мирового сообщества оказалась несостоятельной [7, с. 80].

В сложившейся ситуации усиливается роль средств массовой информации как основного субъекта информационного воздействия, формирования общественного мнения, способствующего становлению идентичности. Средства массовой информации наполняют информационное пространство содержанием, способствующим как стабилизации общества, так и возрастанию в нём напряжённости. По мнению С. П. Капицы, позиция СМИ далеко не всегда отвечает интересам общества и только ведёт к деградации ценностей в современном мире, поскольку место в общественном сознании, которые навязывают этим событиям, не отвечают их значению в жизни общества [3, с. 75]. Соответственно в целях инновационного устойчивого развития современного общества большое внимание должно быть уделено обеспечению информационной безопасности.

На Юге России особенно остро ощущается потребность в формировании эффективной информационной политики, обеспечивающей основы безопасности полиэтнического, поликонфессионального региона. В политике по развитию региона комплексно переплетаются государственные интересы, национально-культурная самобытность и традиции местного самоуправления. Парадоксальным образом в глобальном открытом обществе усиливается фрагментация этнополитического сознания, которая усложняет, а порой и искажает межгрупповую коммуникацию, провоцирует эскалацию конфликтности и политизацию этничности [7, с. 81-82]. Вместе с тем региональная информационная политика характеризуется отсутствием стратегии, способствующей повышению политико-правовой культуры населения и консолидации общества. По мнению учёных Южного научного центра РАН, в ряде случаев СМИ, публикуя непроверенную информацию, способствуют эскалации социальной напряжённости [1, с. 34]. Следствием этого может стать апатия населения или страх, которые не способствуют консолидации общества в ответ на террористические угрозы, межэтнические конфликты, проявления насилия. Особенным образом это воздействует на молодёжь как наиболее активного потребителя информации.

В этой связи можно представить некоторые результаты экспертного опроса, посвящённого проблемам информационной безопасности Юга России, прове-

дённому базовой кафедрой политологии и политического управления Кубанского государственного университета и Южного научного центра РАН и при непосредственном участии автора статьи [6]. Опрос проходил в ряде субъектов Южного федерального округа (Краснодарский край, Ростовская область, Республика Адыгея) и Северо-Кавказского федерального округа (Ставропольский край, Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Северная Осетия). В группу экспертов вошли учёные и специалисты в сфере информационной и региональной безопасности, этноконфликтологии (в том числе сотрудники Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН), журналисты, политики. Всего были опрошены 30 экспертов.

По утверждению экспертов, динамика развития современного Российского государства и гражданского общества, а также процессы, протекающие в мировом сообществе, порождают множество новых проблем информационной безопасности не только на федеральном, но и на региональном уровне. Эксперты выделяют проблемы, которые требуют разрешения на региональном уровне: соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина на информационную деятельность; развитие регионального информационного рынка; развитие регионального сегмента единого информационного пространства, которое образуется совокупностью региональных информационных ресурсов и инфраструктуры. Решение этих проблем предполагает создание региональной системы обеспечения информационной безопасности, которая должна выявлять угрозы интересам субъекта Федерации в информационной сфере и защищать эти интересы, а также обеспечивать взаимодействие региона с федеральной властью, межрегиональное взаимодействие, координацию деятельности государственных и негосударственных структур, действующих на территории региона.

Один из экспертов выдвигает такой, с его точки зрения, важный аспект информационной безопасности, как противодействие информационному воздействию потенциальных противников России, а также целенаправленная и системная деятельность по закреплению позитивных установок граждан в отношении государства и соотечественников.

Отмечается и то, что на региональном уровне следует избегать чрезмерного акцентирования внимания всех средств массовой коммуникации на проблемах национальных и конфессиональных отношений, а также односторонней и непрофессиональной трактовки происходящих в регионе событий. В качестве аспекта информационной безопасности, наиболее важного на региональном уровне, выделяют и преодоление этноконфессиональных ярлыков и стереотипов.

В целом, по мнению экспертов, принявших участие в опросе, установки общественного сознания формируют следующие каналы информации:

— телевидение и Интернет (особенно социальные сети) (в этом уверены 100% экспертов);

- газеты, в целом печатные СМИ, особенно региональные (так считают 80% опрошенных);
- несколько видов каналов информации, характеризующихся как межличностное общение, в которое включается вся коммуникативная среда, в которой находится человек (микроколлективы), а также такой канал, как слухи (мнение 50% экспертов);
- радио и семья (мнение 30% опрошенных экспертов).
- лидеры общественного мнения (президент, глава правительства и др.), формирующие установки общественного сознания (точка зрения 10% экспертов).

При этом ряд экспертов отмечает, что в последнее время в формировании установок общественного сознания возрастает роль именно Интернета, который помимо прочего нацеливает молодых людей на националистические или патристические установки.

В целом эксперты подчёркивают комплексный характер воздействия каналов информации — от традиционных СМИ, социальных сетей в Интернете до межличностного общения, которые в разной степени влияют на формирование установок общественного сознания.

Как считает один из экспертов, безопасности полиэтнического общества несут угрозу множественные негативные стереотипы, присутствующие в групповом сознании представителей различных народов, составляющих региональный (локальный) социум. Большинство экспертов выделили наличие негативных стереотипов в отношении «лиц кавказской национальности» как фактор потенциальной угрозы безопасности полиэтнического региона. Данное обстоятельство усугубляется существующими в российском обществе мигрантофобией и исламофобией. Российские СМИ в недавнем прошлом сами способствовали распространению негативных этнических стереотипов. Сегодня средства массовой информации более строго следят за подачей информации, связанной с этнической проблемой, но не используют в полной мере свой потенциал для противодействия негативным этническим установкам в общественном сознании. Интернет даже способствует формированию данных стереотипов (об этом свидетельствует общение молодых людей на форумах и чатах). По мнению ряда экспертов, не менее острую опасность для российского общества представляет устойчивый негативный стереотип русского народа, составляющего большинство населения страны. Один из экспертов полагает, что на данный момент в общественное сознание все активнее проникает стереотип об ущербности и безнравственности русского народа. В этом есть доля вины и общенациональных средств массовой информации. Также выделяется проблема существования подогреваемого враждебной пропагандой стереотипа восприятия русского народа как народа-колонизатора.

Таким образом, эксперты обозначили как угрожающую интересам региональной и национальной безопасности группу негативных этнических стереотипов в отношении «лиц кавказской национальности». Данная проблема давно уже стала предметом обсуждения в российском научном, политическом и журналистском сообществе. Обозначена и другая не менее опасная для государства и общества угроза, а именно существование негативного стереотипа русского народа среди народов Северного Кавказа.

Учёные Южного научного центра РАН формирование российской идентичности и интегрирующего образа «мы — россияне» считают сложной проблемой, решение которой связано с особенностями нашей страны. С одной стороны, становление российской идентичности происходит в поликультурной и мультиэтнической среде, с интенсификацией потоков миграции, тотальным этническим самоопределением. В этих условиях не стоит вопрос, быть населению мультикультурным или нет. Множественность культур уже есть, и гражданам приходится выбирать между различными комбинациями элементов публичного выражения идентичности и решать, какое внимание уделять каждому из них. Сфера выражения идентичности весьма широка. Речь может идти об определении «культурного акцента» в системе образования, при проведении праздников, установке памятников, учреждении эмблем и т. д. С другой стороны, разрушение социалистической идеологии и официальной версии советской истории поставило под вопрос позитивную идентичность трёх поколений советских людей, переводя этот конфликт из плоскости политических или идеологических коллизий в персональную проблему и экзистенциальный кризис. В результате патриотическое сознание приобрело неустойчивый, аморфный, неопределённый характер [2, с. 53].

Поиски новой идентичности в современном обществе требуют выработки государственной стратегии в области внутренней и внешней политики, а также обеспечения национальной безопасности России. Учёные обращают внимание и на тот факт, что среди жителей Юга России российская идентичность более выражена, что может быть объяснено необходимостью консолидации всех социальных сил для стабилизации ситуации в южном макрорегионе [2, с. 58].

Из сказанного следует актуальность поиска оптимальных информационных механизмов формирования позитивной гражданской идентичности для обеспечения безопасности в мультикультурном обществе. Эксперты, принявшие участие в опросе, обращают внимание на то, что данная проблема тесно связана с затянувшимся кризисом идентичности российского общества, подчеркивают неразработанность идеологии гражданской идентичности (гражданского национализма) в России. Поэтому важнейшей задачей национальной безопасности является защита и сохранение российской идентичности как сущностной основы и одновременно важнейшего ресурса конкурентоспособности в современных условиях. Этническое самосознание не должно вступать в противоре-

чие с общероссийской гражданской идентичностью, на основе формирования подлинного доверия в отношениях между этническими группами должен создаваться важнейший сегмент информационного пространства [7, с. 81]. Приведем высказывания некоторых экспертов: «...с малых лет необходимо прививать чувство патриотизма, взаимоуважения и солидарности друг к другу, уважение к другим народам и культурам. Необходимо создавать фильмы с национальными героями в главных ролях, писать книги, издавать журналы, изображающие нашу славную Родину, нашу богатую историю». «Для Северного Кавказа наиболее актуальны художественные фильмы и детская анимация. Эти виды формирования установок общественного мнения чрезвычайно актуальны в силу высокой эмоциональности, популярности и возможности влияния на младшие возрастные группы. Актуальность художественных фильмов и детской анимации определяется тем, что для традиционного в своей основе мировосприятия низкоэмоциональные средства будут совершенно неэффективны» [6].

Вместе с тем формирование позитивной гражданской идентичности в России возможно только при тесном взаимодействии государства и сильного гражданского общества. Эксперты также подчеркивают важность задействования всех имеющихся информационных механизмов в формировании позитивной гражданской идентичности населения России. Однако успешно решить данную задачу невозможно только с помощью информационных технологий. Необходимо поощрение гражданской активности населения, укрепление гражданского общества, совместные усилия Российского государства и общества в решении наиболее болезненных для общества этнополитических, социально-экономических и социокультурных проблем.

В этой связи немаловажная роль отводится российской политике по реализации государственных интересов, которые должны быть направлены и на улучшение качества жизни, и на устойчивое развитие государства и общества с учётом интересов населения. При анализе результатов социологического опроса населения, проведённого кафедрой политологии и политического управления КубГУ в городах и районах Краснодарского края в 2011 г. в рамках научно-исследовательского проекта «Идеологическое обеспечение реализации государственных интересов на Юге России», были выявлены наиболее важные приоритетные направления реализации государственных интересов.

Несмотря на то что в соответствии полученными данными сложно выделить ярко выраженную консолидированную позицию по наиболее важным приоритетам, на первую позицию 30% респондентов ставят защиту территориальной целостности государства. 18% респондентов первоочередную задачу в реализации государственных интересов видят в преодолении коррупции во властных структурах. Особую остроту изучаемые проблемы приобретают в региональном измерении Юга России, на ситуацию в котором оказывают влияние специфические конфликтные факторы: геополитическое положение региона, его

близость к конфликтным зонам, угроза сепаратизма и терроризма (в том числе информационного), высокая этническая мозаичность, национализм, активное развитие информационных технологий. Всё это может способствовать распространению девиантных политических практик, которые не способствуют устойчивому развитию государства.

К методам преодоления данных деструктивных тенденций 13% респондентов отнесли повышение уровня правосознания населения и консолидацию населения на основе общих духовных ценностей, поставив данные направления реализации государственных интересов на третье и четвёртое места.

Следующим, пятым приоритетом в реализации государственной политики население Краснодарского края видит преодоление кризиса доверия с помощью повышения социальной ответственности власти. Примерно на такой же позиции в приоритетах государства, по мнению граждан, должно быть социальное оздоровление межгрупповых и межличностных взаимодействий, таких как, например, преодоление мигрантофобии и деструктивных конфликтов, что актуально для полиэтнического социально-политического пространства Юга России.

К важным аспектам в обеспечении региональной информационной безопасности относятся профессионализм и социальная ответственность СМИ. Зачастую именно от позиции журналистов и направления информационной политики государства во многом зависит социально-политический климат в государстве и обществе. Однако 17% респондентов отвели данному направлению седьмое место в приоритетах государства, не выделяя в число наиболее значимых.

На последних позициях в приоритетных направлениях реализации государственных интересов, по мнению опрошенных жителей Краснодарского края, должны быть восприимчивость бизнеса к инновациям, обеспечение более справедливых принципов распределения материальных благ и духовно-нравственное оздоровление общества через культурную, образовательную и информационную политику. Далее приведена таблица, в которой отданный процент мнений соответствует позиции приоритетного направления в рейтинге.

При ответе на открытый вопрос «На Ваш взгляд, на чём нужно в первую очередь акцентировать внимание для успешной реализации государственных интересов на Юге России?» респонденты высказывали самые разные мнения, однако можно проследить некоторые общие тенденции в видении данного вопроса. С точки зрения респондентов, необходимо акцентировать внимание на проблеме коррупции и усилить противодействие коррупции во властных структурах, обеспечивать защиту территориальной целостности и укрепление государственных границ.

Особое внимание следует уделять противодействию и борьбе с терроризмом и экстремизмом, организованной преступности, профилактике и урегулирова-

Ранжирование приоритетных направлений реализации государственных интересов России

Позиция	Приоритетное направление реализации государственных интересов	Количество опрошенных респондентов, %
1	Защита территориальной целостности	30
2	Преодоление коррупции во властных структурах	18
3	Повышение уровня правосознания населения	13
4	Консолидация населения на основе общих духовных ценностей	13
5	Преодоление кризиса доверия с помощью повышения социальной ответственности власти	16
6	Социальное оздоровление межгрупповых и межличностных взаимодействий (преодоление мигрантофобии и деструктивных конфликтов)	16
7	Профессионализм и социальная ответственность СМИ	17
8	Восприимчивость бизнеса к инновациям	17
9	Обеспечение более справедливых принципов распределения материальных благ	15
10	Духовно-нравственное оздоровление общества через культурную, образовательную и информационную политику	24

нию межэтнических и религиозных конфликтов и в целом способствовать гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений, преодолению мигрантофобии. Ряд респондентов высказали недоверие к существующей власти и указали на необходимость решения проблем в системе управления, аппарате чиновников, на важность преодоления бюрократизма.

Среди основных экономических вопросов требуют пристального внимания со стороны государства бедность, экономическое неравенство, безработица, рост цен и налогов. Поэтому к первоочередным задачам относятся развитие экономики, малого и среднего бизнеса, промышленного производства, сельского хозяйства, туристско-рекреационного комплекса, привлечение инвестиций, государственная поддержка населения, особенно молодых семей, и создание благоприятных условий для развития молодежи. Также респонденты подчеркнули необходимость внимания к таким вопросам, как культура и образование, развитие науки, проблемы детства и семьи, ответственность СМИ, правосознание граждан, исполнение законов, морально-нравственное состояние общества, социальные вопросы, здравоохранение, проблема СПИДа и наркомании, а также Олимпиада 2014 г. в Сочи и укрепление международного сотрудничества.

В результате анализа процесса формирования общероссийской гражданской идентичности южнороссийского макрорегиона в контексте обеспечения информационной безопасности можно сделать следующие выводы. В макрорегионе остаётся актуальной проблема соотношения этнической, региональной и гражданской политической идентичности. В развитии национального (этнического) самосознания действуют две тенденции: к этнической идентичности и к общероссийской идентичности. В сложившейся ситуации важно соблюдение баланса и наличие общей для всех народов объединяющей национальной идеи. В противном случае национальное самосознание может замкнуться на узкопрагматичных интересах либо превратится в агрессивный национализм [4, с. 74-75]. Поэтому для укрепления национальной и региональной безопасности представляется действенным способствовать формированию позитивной гражданской идентичности населения южнороссийского макрорегиона с использованием всех информационных механизмов.

Вместе с тем процессы регионализации, усиливающиеся в связи с глобализацией, и информационные угрозы остаются постоянными конфликтогенными факторами, которые требуют систематического отслеживания и теоретического осмысления в процессе формирования общегражданской идентичности.

Библиографический список

1. Авксентьев В. А., Зинев С. Н., Майборода Э. Т. Конфликтологическая экспертиза угроз и рисков региональной безопасности в контексте «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Труды ЮНЦ РАН. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009.
2. Иванова С. Ю., Шульга М. М. Компаративный анализ российской и цивилизационной идентичностей // Труды ЮНЦ РАН. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. Т. 5. Социальные и гуманитарные науки.
3. Капица С. П. Гиперболический путь человечества. Через демографическую революцию к обществам знаний. М.: ИД ТОНЧУ, 2009.
4. Михайлов В. Стратегия социально-политической стабильности на Российском Кавказе // Государственная служба. 2010. № 6.
5. Религиозный фактор и проблемы безопасности Юга России: колл. монография. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010.
6. Экспертный опрос «Информационная безопасность в полиэтническом социуме» // Научный архив исследовательского проекта «Информационная безопасность в полиэтническом социуме (на материалах ЮФО)» аналитической ведомственной целевой программы Министерства образования и науки РФ «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2011 годы)». Этап исследования 2011 г.
7. Юрченко В. М. Политическое сознание в структуре национальной идентичности // Государственная служба. 2010. № 1.

М. ВЕБЕР О ВЛАСТИ

В. В. Меньшиков¹

В статье дан анализ основных положений властной теории М. Вебера. Рассмотрены тенденции эволюционного развития власти, классификация разновидностей авторитета, политиков, основные характеристики политической деятельности, роль государства, политических партий. Особое внимание обращено на принцип организации и функционирования политических институтов, учреждений в условиях капиталистической политической системы.

Ключевые слова: власть, партии, парламент, политический процесс, выборы.

In the article author gives the analysis of the principal positions of powerful theory M. Veber: comprehension of tendencies evolutionary development of the power, it was considered classification varieties of the authority, politics, principal characteristics of political activity, role of the state and political parties. Special attention was paid to the principle organization and function of political institutions, establishments in conditions capitalistic political system.

Key words: power, parties, parliament, political process, elections.

В условиях осуществляемых в Российской Федерации преобразований, направленных на решение важных стратегических и тактических задач, особый смысл приобретает обращение к творчеству ведущих мыслителей прошлого, обозначивших некоторые аспекты концептуального видения процесса общественного развития, высказавших ряд идей, сохраняющих и сегодня свое научно-теоретическое значение. Ценность творческого наследия представителей философской и общественно-политической мысли состоит в исследовании теоретико-методологических оснований научного знания, расширяющих наши представления о научном инструментарии, методах и способах познания общественных процессов. К авторитетным представителям данной плеяды ученых относится М. Вебер (1864–1920), оставивший после себя большое творческое наследие по широкому спектру научных проблем исторического, социологического, философского характера. Среди них существенное место занимает исследование политики и власти.

¹ Меньшиков Валерий Владимирович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: politics@kubsu.ru

Приступая к рассмотрению работ М. Вебера по данной проблеме, нужно отметить принципиально иной, чем у Маркса, подход к пониманию процесса общественного развития. Здесь нет абсолютизации роли экономических отношений, классового фактора, некоторых других, присущих марксизму положений. В методологическом отношении М. Веберу больше свойственен социологический подход к исследованию процессов общественного развития, базирующийся на глубоком знании истории, трезвом анализе существующего положения вещей, своеобразном понимании роли науки в жизни общества. Вебер не навязывает истории конечной цели, в лучшем случае он говорит применительно к той или иной стране о возможных тенденциях, соответствующих изменениях, оставляя читателю право соглашаться с ним или нет.

Ответственное отношение к делу — основное требование, которым, по мнению Вебера, должен руководствоваться как исследователь, так и политик. «Недоказанное будущее», необходимость достижения которого выдвигали и выдвигают некоторые политики или представители общественной и философской мысли, Вебер считал в большинстве случаев («девять из десяти») в научном отношении несостоятельным. Стараясь быть объективным, он не был беспристрастным исследователем, болел за судьбу своей страны и происходящее в мире.

Согласно Веберу, власть составляет главный содержательный компонент политики. При этом политика понимается в двух основных значениях: как всякая деятельность, осуществляемая с целью руководства, безотносительно к тому, в какой сфере это происходит, и как отношения, где господствующим звеном выступает власть, стремление к власти. «Итак, «политика», судя по всему, означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами или между группами людей, которые оно в себе заключает» [2, с. 646]. Это стремление к власти может преследовать различные цели (идеальные, эгоистические). Власть может выступать в роли средства для решения соответствующих проблем, либо быть желанной сама по себе, чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает.

Государство М. Вебер рассматривает как человеческое сообщество, «политический союз», который располагает средством физического насилия. Поэтому оно выступает как властный институт, обладающий монопольным правом на применение легитимного политического насилия. Последнее предполагает наличие в обществе отношений господства и подчинения. Такое понимание государства логически приводит Вебера к признанию господства как неотъемлемого атрибута властного взаимодействия в обществе. Там, где есть государство, там имеется «легитимное насилие» и как следствие — господство. «Конечно, — отмечает Вебер, — насилие отнюдь не является нор-

мальным или единственным средством государства, об этом нет и речи, но оно, пожалуй, специфическое для него средство» [2, с. 645].

Особенностью Запада Вебер считает вождизм. Первоначально эту функцию выполнял свободный демагог (города-государства), затем парламентский партийный вождь, выросший на почве конституционного государства. Происходящие в обществе изменения приводят к тому, что в качестве влиятельной властной силы на арену государственной жизни выдвигаются чиновники и политики. Таким образом, переход к современному государству тесно связан с происходящими в обществе структурными изменениями в организации власти.

Системность капиталистического общества определяется соответствующим набором факторов, на основе которых оно функционирует. Все сферы общества взаимосвязаны и взаимозависимы в рамках рыночных капиталистических отношений. Поэтому независимо от, казалось бы, существенных внешних различий между государством и фабрикой, внутренне содержание властного взаимодействия базируется на аналогичных основаниях, что и позволяет Веберу говорить о них как о предприятии.

Как отмечают П. П. Гайденко и Ю. Н. Давыдов, современное государство Вебер понимает как легальное рациональное господство, в основу которого положено целерациональное действие. Отношения господства в этом государстве рассматриваются по аналогии с отношениями в сфере частного предпринимательства. Историческая тенденция в деятельности государства наиболее ярко проявляется в постепенном расширении области рационального. Становление бюрократического государства знаменует утверждение целерационального начала в деятельности государственного аппарата. Этот процесс внутренне противоречив, так как рационализация в условиях капитализма имеет свой антипод: существует наряду с неопределенностью и иррациональными моментами в развитии. Вебер считает, что доминирование рационального начала, как правило, имеет место при хорошей организации дела и, наоборот, при плохой организации возможны рецидивы проявления иррационального. Чиновничество в этой связи уже в силу своей организованности, знания, компетентности расположено к рациональному ведению дел. «...Чиновничество всегда образует ядро аппарата, и его дисциплина — абсолютная предпосылка успеха» [1, с. 139].

Размышляя о растущей роли бюрократии, Вебер формулирует ряд проблемных вопросов, которые он относит к актуальным в данный момент, так как они позволяют глубже понять возможные варианты усиления влияния бюрократии на политическую систему. Первый вопрос он формулирует следующим образом: «Как в связи с подавляющим превосходством тенденции к бюрократизации вообще еще возможно спасти хоть какие-то остатки хоть в каком-нибудь смысле «индивидуалистического» движения к свободе? Ибо в конечном счете

будет грубым самообманом полагать, будто без этих достижений эпохи «прав человека» мы (даже самые консервативные среди нас) вообще сегодня выживем» [1, с. 145]. С этим вопросом тесно связан другой, суть которого Вебер излагает следующим образом: «Как — в связи с необходимостью и обусловленным ею властным положением интересующего нас здесь государственного чиновничества — можно дать какую-либо гарантию того, что имеются силы, которые ограничивают господство этой непрерывно растущей по своему значению прослойки и действительно ее контролируют? Как будет вообще возможна демократия — хотя бы в этом органическом смысле?». Третий вопрос, который Вебер считает наиважнейшим, звучит так: «На что бюрократия как таковая не способна?» [1, с. 145-146].

Таким образом, понятие «бюрократическое государство» Вебер употребляет не случайно, ибо он отчетливо понимает значение бюрократии в буржуазном обществе. В возможностях ее влияния на государство он усматривает определенную опасность для политической организации в целом. Усиление власти бюрократии при соответствующем стечении обстоятельств может сделать человека придатком «государственного предприятия», ограничить его возможности «индивидуалистического стремления к свободе». С этим тесно связан вопрос о демократии в условиях бюрократического управления. Если не будет организован действенный контроль за деятельностью государственного чиновничества, то усиление его власти может привести к попранию прав человека, демократических завоеваний.

Анализируя возможности влияния бюрократии на государственную власть, Вебер приходит к выводу, что ее производительность в сфере социальных государственно-политических предприятий, равно как и в пределах частного хозяйства, имеет жесткие внутренние границы, «ибо ведущим умом в первом случае является политик, а во втором — предприниматель, что нечто иное, нежели чиновник. Не обязательно по форме, но, пожалуй, по сути» [1, с. 146].

Специфика бюрократической деятельности при правильной организации дела вынуждает чиновника заниматься строго определенными обязанностями, его власть над людьми носит ориентированный на сферу делопроизводства характер. Этому способствует ведущая роль политика и предпринимателя в решении проблем государственного и хозяйственно-экономического значения. К тому же формы и методы решения проблем, которые успешно используются в политике, не всегда приемлемы для чиновничества. «В качестве средства как отбора квалифицированных чиновников, так и критики их работы, специфическое средство чисто плебисцитарной демократии — прямые выборы и прямое голосование, а тем более — референдумы по поводу отстранения от должности, в современном демократическом государстве совершенно не пригодны» [1, с. 237].

Политиков в зависимости от отношения к своим обязанностям Вебер подразделяет на политиков «по случаю», политиков «по совместительству» и на «преимущественно профессиональных политиков». Основное внимание он сосредотачивает на последней разновидности. Профессиональным политик может быть в двух случаях: либо полностью отдаваясь политической деятельности («живя для политики»), либо существуя за счет политики и политикой. В первом случае необходимо, чтобы политик был материально обеспечен, имел собственные средства, которые позволяли быть ему свободным и независимым от зарабатывания денег.

Как правило, это политики, движимые преимущественно собственными убеждениями. Во втором случае политика для человека — основной род деятельности, обеспечивающей его существование, основная работа, приносящая ему заработок. «Политикой занимаются заинтересованные лица. (При этом под заинтересованными лицами имеются в виду не те материально заинтересованные лица, что при любой форме государственного устройства оказывают влияние на политику, а те политически заинтересованные лица, что добиваются политической власти и ответственности с целью реализации определенных политических идей.) И все-таки наиболее существенным здесь является как раз это «предприятие заинтересованных лиц». Ибо не политически пассивная «масса» рождает из своей среды вождей, но политический вождь вербует для себя свиту и завоевывает массу посредством «демагогии». Это происходит даже при самом что ни на есть демократическом государственном устройстве» [1, с. 240].

Согласно Веберу, профессиональным политиком по своим человеческим качествам может быть не каждый. Нужно иметь предрасположенность к такого рода деятельности, обладать соответствующими способностями, интеллектуальными склонностями, психологической ориентацией на работу с людьми. Призвание политика, его дело — вступать в битвы, сражаться за власть в соответствии со своими убеждениями. Чиновник, напротив, должен сохранять беспристрастность, преодолевая собственные склонности и мнения, чтобы добросовестно и осмысленно выполнять то, что требуют от него собственные правила, конкретные указания. Это требование не относится к руководителям чиновничества, их обязанность — ставить перед чиновничеством соответствующие задачи властно-политического и культурно-политического характера.

Контроль над деятельностью чиновничества должен осуществлять парламент. Это условие Вебер рассматривает как первую и основную задачу данного государственного органа. Политики должны быть своеобразным противовесом господству чиновников. «Ибо политическая зрелость выражается не в востугах недоверия, не в исках против министров и не в прочих зрелищных номерах французско-итальянского неорганизованного парламентаризма, а в том,

что нация ориентируется в способе ведения чиновничеством ее дел, непрерывно контролирует его и влияет на него» [1, с. 173].

При всей социальной и государственной значимости политики составляют лишь часть политической организации. Наряду с ними в политическую организацию входят парламент, политические партии, общественно политические образования, выполняющие государственные и социально-политические функции. Вебер подчеркивает, что современная ему демократия, будучи демократией большого государства, представляет собой «демократию бюрокративизированную» [3, с. 309]. Независимо от этого он самым решительным образом выступает за предоставление равного избирательного права.

Выход на арену политической борьбы политиков-профессионалов в значительной мере связан с деятельностью политических партий. Политические партии с целью привлечения на свою сторону избирателей стараются охватить агитацией значительные слои населения своей страны. «Именно партии — хотя они пользуются весьма многочисленными способами прочного привязывания к себе собственной клиентуры — по своему глубинному существу являются добровольно создаваемыми организациями, исходящими из свободной, при необходимости всегда обновляющейся агитации, в противоположность всевозможным объединениям, жестко регулируемым законами или контрактами» [1, с. 132].

Партия имеет ядро, состоящее из партийных кандидатов с весьма развитыми и устойчивыми подразделениями, зачастую с развитой бюрократией, объединенных вокруг вождя или группы уважаемых лиц, заботящихся о финансировании своей деятельности при помощи меценатов, заинтересованных лиц, партийных взносов, других источников. Значительная часть партии может не участвовать или участвовать лишь формально в определении программы и кандидатов. Независимо от того что формирование программ и списков кандидатов неизбежно оказывается в руках меньшинства, существование партий отменить невозможно, как и партийную борьбу, ибо в противном случае, считает Вебер, «отпадет активное народное представительство».

Другой важной политической фигурой, согласно Веберу, играющей весьма важную роль в организационной деятельности политической партии, является босс, который обеспечивает партию необходимыми средствами. Он не стремится к выдвижению своей личности на передний план, его интересует власть как источник денег или же как возможность властвовать, оставаясь в тени. В итоге Вебер делает следующий вывод: партийное предприятие представляет собой капиталистически заорганизованное сверху донизу образование, цель которого — получение прибыли через капиталистическое господство.

Политическая борьба между партиями в условиях жесткой конкуренции обуславливает возможность использования технологий, направленных на оказание соответствующего воздействия на сознание избирателей с целью

привлечения их на свою сторону. Чтобы достичь желаемого результата, политик должен быть хорошим демагогом. Понятие «демагог» Вебер употребляет в значении искусства, умения убеждать, как это делали в Древней Греции.

По его мнению, основные предпосылки устойчивого политического курса — сильный парламент и ответственные политические партии. Иррациональность массовой демократии с государственно-политической точки зрения Вебер видит в неорганизованности масс, в возможности преобладания эмоциональных элементов в политике. Массы как таковые (независимо от того, какие социальные слои они представляют в конкретных случаях) «мыслят только до послезавтрашнего дня», поскольку, как учит всякий опыт, они постоянно подвержены чисто эмоциональным и иррациональным сиюминутным влияниям [1, с. 243].

Одна из задач политика — стремление к преодолению иррационального в сфере политических отношений, внедрение разумного, рационального начала в политические действия. Для этого необходимо руководствоваться определенными правилами и принципами. В этой связи Вебер считает, что для политика решающую роль играют три качества: страсть, чувство ответственности, глазомер.

Страсть им понимается как ориентация на существо дела, как «страстная самоотдача делу». Ответственность — главная путеводная звезда деятельности политика. Глазомер — это способность с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальностей. Глазомер требует опосредованного отношения к вещам и людям, своеобразной дистанции. Сила политической личности в первую очередь означает наличие у нее этих качеств. По мнению Вебера, в сфере политики в конечном счете есть лишь два рода смертных грехов: уход от существа дела и безответственность.

В учении Вебера заслуживает особого внимания вопрос о соотношении политики и этики. Понимание этого вопроса он связывал с тем, что политика оперирует «при помощи весьма специфического средства — власти, за которой стоит насилие». Данное обстоятельство в политике зачастую создает весьма сложные ситуации, которые в этическом отношении разными сторонами могут толковаться по-разному, пониматься неоднозначно. Такие понятия, как «благородное намерение», «субъективная честность», «долг правдивости», мало что привносят в понимание объективной сущности этического в политике. Поэтому Вебер считает, что всякое этически ориентированное «действие» может подчиняться двум фундаментально различным, непримиримо противоположным максимам: оно может быть ориентировано либо на «этику убеждения», либо на «этику ответственности». При столь фундаментальной противоположности эти максимы не следует рассматривать как полностью взаимоисключающие друг друга. В методологическом плане смысл различия состоит в разной степени наполненности реалистичным объективным

содержанием. В случае «этики убеждения» превалирует фактор внушаемости желаемого, якобы достижимого в будущем, а в случае «этики ответственности» — рациональный расчет, доказательность, готовность нести ответственность за выполнение взятых на себя обязательств. «Исповедующий этику убеждения чувствует себя «ответственным» лишь за то, чтобы не гасло пламя чистого убеждения, например, пламя протеста против несправедливости социального порядка. Разжигать его снова и снова — вот цель его совершенно иррациональных с точки зрения возможного успеха поступков, которые могут и должны иметь ценность только как пример» [2, с. 697].

Получение конечного результата, достижение цели Вебер связывает с ответственным отношением политика к своему делу. Он понимает, что дать заранее готовый ответ на вопрос о соотношении политики и этических норм, требований — дело не реальное ввиду относительно изменчивого характера взаимосвязи между этими факторами. Как цель, так и средства могут быть наполнены различным содержанием, их взаимосвязь и конечный результат определяются соотносимостью с рационально осуществляемыми действиями (целерациональностью), которые должны лежать в основе ответственности.

Таким образом, независимо от того, что со времени написания работ М. Вебера прошло более 90 лет, его учение о власти во многом сохраняет свою методологическую и теоретическую значимость. Последнее связано с тем, что творческое наследие Вебера по вопросу власти и политики базируется на глубоком всестороннем анализе реальных процессов, происходящих в капиталистическом обществе. В его учении отсутствует ортодоксальный подход к пониманию истории как упорядоченному процессу общественного развития. Он старается понять реальную объективную действительность таковой, какой она есть на самом деле. В большинстве случаев его анализ политических отношений в условиях капиталистического общества сохраняет свою актуальность и значимость. Этим во многом объясняется тот факт, что сегодня интерес к учению Вебера не уменьшается, а возрастает.

Библиографический список

1. Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии (май 1918) // Политические работы. М.: Праксис, 2003.
2. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
3. Вебер М. Социализм (июнь 1918) // Политические работы. М.: Праксис, 2003.
4. Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

.....

И. В. Самаркина¹

В статье излагаются результаты теоретической работы автора по концептуализации понятия «политическая картина мира». Делается вывод о возможности использования результатов исследования научной картины мира для анализа картины исследуемой политической реальности. Прослеживается становление концепта «картина мира», происходившее первоначально в рамках философского знания; дальнейшая конкретизация и операционализация понятия осуществлялось с учетом специфики конкретных социальных и гуманитарных наук. Автор рассматривает политическую картину мира в системе категорий политической науки. Результатом анализа является ментальная картина проблемного поля политической картины мира и сформулированные проблемно-содержательные лакуны.

Ключевые слова: политическая картина мира, картина мира, научная картина мира, статика и динамика политической картины мира, носители политической картины мира.

In article results of theoretical work of the author on conceptualization «a political picture of the world» are presented. The author comes to conclusion about possibility of use of results of research of a scientific world-view for the analysis of a picture of an investigated political reality. Proves a conclusion that formation of a concept of «a world view» occurred originally within the limits of philosophical knowledge; further concrete definitions and operationalization concepts developed taking into account specificity concrete social science and the humanities. The author considers a political world view in system of categories of a political science. Result of the analysis is the mental map of the problem field of a political world view and substantial lacunas.

Key words: political world-view, world-view, scientific world-view, statics and dynamics of political world-view, carriers of political world-view.

Изучение субъективных особенностей социального опыта человека в ситуации неопределенности, смутности и неясности будущего сегодня — одно из актуальных направлений теоретического и практического познания. Следует

¹ Самаркина Ирина Владимировна — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: smrkn@mail.ru

согласиться, что «в когнитивной науке и эпистемологии как ее философской составляющей происходит сдвиг к феноменологии, к изучению субъективных особенностей опыта сознания, к «методологии от первого лица» ... в экономических и социальных науках возникает явная эпистемологическая ориентация» [6]. Этому теоретическому замечанию вторят наблюдения практиков, которые прогнозируют будущее за правополушарным человеком, способным синтезировать целостную картину окружающей многоликой реальности [10, с. 37].

Внимание к субъекту общественных преобразований заставляет вводить в предметное поле политической науки категории, позволяющие фиксировать и анализировать отражение окружающей социальной и политической реальности в сознании субъекта, а также проекцию этой картины в политическое действие.

Сложившиеся в рамках философии, социальных и гуманитарных наук теоретические представления о картине мира дают нам возможность двигаться от первичного эмпирического материала [13-16] и ряда теоретических концепций к более абстрактному конструкту. Концептуальная модель, в свою очередь, позволит вернуться к эмпирическому анализу субъективного отражения политики и, возможно, прогнозированию политических действий субъектов.

Таким образом, в плане концептуализации мы видим цель нашей работы в том, чтобы предложить «оптику» для исследования политического мира в сознании субъекта, а также задать представление об уровне организации изучаемого предметного поля.

Столкнувшись с задачей концептуализации когнитивных и эмоциональных оснований индивидуального политического действия, мы предлагаем обратиться к *концепту политической картины мира*. Позволим себе подчеркнуть актуальность обращения к теоретическим аспектам данной проблематики двумя цитатами известных российских исследователей социокультурных аспектов политики. Как отмечает И. С. Семененко, ««идентичность с прилагательными» — национальная, гражданская, политическая — стала восприниматься как осевая скрепа жизнеспособного политического сообщества» [17]. Вместе с тем исследования идентичности, в том числе ее гражданского и политического аспектов, тесно связаны с картиной мира субъекта. Таким образом, концепт картины мира приобретает политическое измерение. Нельзя не согласиться с мнением одной из авторитетных исследователей образов в массовом сознании россиян Е. Б. Шестопа, которая пишет: «Для того, чтобы раскрыть секреты воздействия власти на сознание граждан, важнее всего исследовать даже не власть как таковую, а сами образы, наполняющие наше политическое сознание» [9, с. 3].

Мы ставим задачу создания ментальной карты предметного поля политической картины мира, которая поможет прояснить выбор ряда понятий в качестве приоритетных. В первую очередь необходимо очертить пространство дискуссии и наметить задачи дальнейшей разработки категориального аппарата политической науки в предметном поле политической картины мира.

Политическая картина мира: концептуализация в рамках философского знания. Политическая картина мира как теоретическая категория политической философии или теоретической политологии практически не рассматривается. Анализ данного теоретического поля следует начать с концепта «картина мира». В современной философии, социальных и гуманитарных науках существуют разные трактовки понятия «картина мира».

Сложившееся в современной отечественной эпистемологии понятие картины мира и его теоретический анализ, на наш взгляд, позволяют эксплицировать ряд положений в концепцию политической картины мира. Зачастую бывает сложно дифференцировать категории «картина мира» и «научная картина мира». Анализируя содержательную экспликацию понятия «научная картина мира», В.С. Степин признает, что «четкого разграничения понятий «картина мира» и «научная картина мира» пока не проведено» [20, с. 15].

Речь идет о таких принципиальных вещах, как типология картин мира, внутренние компоненты картины мира, носитель картины мира. В.С. Степин в исследовании научной картины мира и ее роли в становлении техногенной цивилизации отмечает три типа научной картины мира, которые соответствуют трем этапам/уровням систематизации научного знания [20].

Первый тип научной картины мира представляет собой особый горизонт систематизации знаний в различных науках. В сущности, речь идет о научной картине мира как целостном образе мира.

Второй тип научной картины мира представляют естественнонаучная картина мира как целостное научное представление о природе и картина социального мира как целостное представление о социуме.

Третий тип научной картины мира — это горизонт систематизации знаний в отдельной науке, который фиксирует целостное видение предмета отдельной науки на определенном этапе ее исторического развития. В этом смысле точнее будет говорить не о научной картине мира, а о картине исследуемой реальности. Применительно к сфере социальных наук точнее будет говорить о картине исследуемой социальной реальности, картине исследуемой политической реальности.

Таким образом, для обозначения системы научных представлений о политике, которые отражает горизонт систематизации знаний в политической науке на определенном этапе исторического развития науки, следует использовать категорию «картина исследуемой политической реальности».

В этой связи кажется важным еще одно замечание о том, что научная картина мира — это видение реальности, которое определяет набор допустимых исследовательских задач и ориентирует исследователей в выборе средств их решения. Особенно это важно для предметного поля социальных наук, где часто требуется согласование представлений об исследуемой реальности для проведения междисциплинарных исследований.

Теоретические разработки понятия научной картины мира позволили также определить основные компоненты научной картины мира: это представления о фундаментальных объектах науки, представления о типологии этих объектов, о характере взаимодействия между ними, о пространстве и времени как координатах, в которых размещаются эти ключевые образы [20, с. 20]. Именно образы являются ключевыми компонентами картины мира. В. С. Степин подчеркивает, что наглядность элементов картин мира обеспечивает их понимание [20, с. 61].

Размышления о картине мира неизбежно приводят к исследованию проблемы носителя картины мира. Сошлемся на слова А. Эйнштейна, которые приводит В. С. Степин: «Человек стремится каким-то адекватным образом создать в себе целостную и ясную картину мира для того, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной» [20, с. 56]. Существует разница в картинах мира разных носителей. А. Эйнштейн говорит о разнице в картине мира физика-теоретика и физика-экспериментатора, которые в разной степени соприкасаются и погружаются в исследуемую ими физическую реальность. Но мысль о том, что социальные характеристики носителя влияют на контуры и содержание его картины мира, на наш взгляд, является значимой.

Становление концепта «картина мира» в философии связывают с именами А. Шопенгауэра, Э. Гуссерля, М. Вебера, О. Шпенглера, М. Хайдеггера, Э. Фромма и др. Философское осмысление человека и его восприятия окружающего мира постепенно привело к пониманию неразрывного единства бытия, индивида и отражения бытия в сознании субъекта — картины мира. По А. Шопенгауэру, картина мира, которая складывается у человека, есть результат объективации вовне воли и представления субъекта. Для Шопенгауэра вещный мир изначально не внеположен человеку, а служит его выражением и отражением.

Собственно феноменом картины мира в философской традиции одним из первых заинтересовался М. Вебер [3, с. 221-223]. Изучая социокультурные типы, он стремился сравнивать присущие им картины мира. Их своеобразие Вебер объяснял спецификой и историческими судьбами мировых религий.

На понятии «картина мира» во многом основывается культурно-историческая концепция О. Шпенглера, исходившего из того, что «вся действительность может быть созерцаема в ее образе... в форме единообразной, одухотво-

ренной, благоустроенной картины мира» [25, с. 108-109]. «...Такая картина... есть необходимая нам форма восприятия всего того, что действительно существует, как осуществляющего себя в установленном порядке» [25, с. 158-159]. Не менее важную роль в понимании феномена картины мира сыграла работа М. Хайдеггера «Время картины мира». «Это не простое изображение окружающего, а некая своеобразно и целенаправленно сконструированная система, как бы еще один «второй» мир, построенный человеком специально для себя и поставленный им между собой и «реальным» миром» [22, с. 51]. М. Хайдеггер подчеркивал, что картина мира есть упрощение, некий суррогат реальности, «в котором человек в качестве субъекта поднял собственную жизнь до командного положения в качестве всеобщей точки отсчета» [22, с. 51].

Э. Фромм утверждал, что «без определенным образом организованной и внутренне связанной картины мира, нашего места в ней люди просто растерялись бы и не были бы способны к целенаправленным и последовательным действиям, ибо без нее невозможно было бы ориентироваться... Знаменательно, что не было обнаружено ни одной культуры, в которой не существовала бы такая система ориентаций» [21, с. 142-143].

Э. Гуссерль объектом своего внимания сделал обыденный ненаучный жизненный мир, противопоставив его объективированному миру науки. Жизненный мир характеризуется специфическим единством субъективного и объективного, причем единство это имеет источник в субъекте и центрировано вокруг эмпирического Эго. Гуссерль настаивал на том, что любое познание осуществляется опосредованно, сквозь призму телесности и ценностей жизненного мира, в единстве субъекта и его бытия. Феноменологический анализ сознания предполагает полное исключение каких бы то ни было допущений относительно объективности и всех трансцендирующих предположений о существующем.

Таким образом, в рамках философской традиции введен в научный оборот термин «картина мира», отразивший понимание того, что объективную реальность и человека связывает мир субъективного отражения окружающей реальности, без которого человек не способен к последовательным и целенаправленным действиям, социальной активности. Этот мир — картина мира — внутренне един, организован, системен и универсален, поскольку картина мира как феномен присуща любой культуре.

Анализ проблемного поля картины мира и научной картины мира позволяет выделить ряд проблем концептуализации на данном этапе. Наиболее продуктивным направлением исследования политической картины мира нам видится экспликация феноменологической традиции в политическое. Политическое, несомненно, выступает одним из аспектов сложного жизненного мира индивида, который имеет социальные характеристики, существующие в определенном временном и культурном пространстве [26, с. 867].

Исследования научной картины мира нам также дают необходимые инструменты структурирования, типологизации и проблематизации носителя политической картины мира.

Опыт концептуализации в социальных и гуманитарных науках. Человек и его отношения с реальностью являются предметом исследования истории, социологии, психологии, этнографии. Концептуализация понятия «картина мира» постепенно происходила в отдельных науках и отражала их специфику.

В психологии акцентировано внимание на механизмах работы индивидуального сознания в процессе отражения окружающей действительности, в социологии — на процессе и институтах социального конструирования. В истории сделан акцент на культурно-исторических особенностях отражения исторической эпохи в общественном сознании (ментальности). Этнография предложила исследовательский метод, позволяющий увидеть «мир глазами туземца» (исследование картины мира).

Картину мира К. Б. Соколов сравнивает с инструментом, прорубающим дорогу во мраке жизненного леса и проливающего узенькую полоску света на то, что находится под ногами и непосредственно рядом, а со всех сторон жизненной дороги обступает необъятная темнота непонятного [18, с. 36]. И только от особенностей картины мира зависит, что ярко освещено в сознании людей, а что затемнено. Второй мир, или картина мира, конструируется обществом, каждый индивид становится активным участником этого процесса. Отдельные социальные группы выступают трансляторами этого процесса, а большинство воспринимают транслируемую информацию, формирующую определенные представления о мире. Социум со временем вырабатывает определенные процедуры (технологии) передачи основных концептов сконструированной картины мира. Социальный статус характеризует положение человека по отношению к этому транслируемому знанию по шкале «близко — далеко», определяя основную причину субкультурной стратификации.

Историки ментальности (Р. Шартье, А. Я. Гуревич, Ю. М. Лотман, М. М. Бахтин, Л. М. Баткин) подчеркивали особенность картины мира как нерелексивной системы, в отличие от релексивных систем мысли, запечатленных в документах и трактатах. Они предложили способ познания прошлого, позволяющий наряду с внешним описанием феноменов прошлого обрисовать *образ мира* и общества, который доминировал в сознании людей (точнее, образы мира в сознании представителей различных социальных групп) на определенном историческом этапе.

Современная антропология вооружает исследователя одним из основных методологических принципов изучения картины мира — методом эмпатии, с помощью которого сам исследователь может посмотреть на мир «глазами туземца».

Таким образом, в рамках социальных и гуманитарных наук в XX в. сложилось представление о картине мира как системе взаимосвязанных образов — наглядных представлений о мире и месте человека в нем (включая образы взаимоотношений человека с действительностью — с природой, с обществом, с другим человеком и с самим собой). Картина мира определяет своеобразие восприятия и интерпретации происходящих событий и явлений. Она представляет собой основу, фундамент мировосприятия, опираясь на который человек действует.

Политическая картина мира в проблемном поле политической науки. Для отражения собственно политического в индивидуальном сознании в современной политической науке используется несколько понятий, о смысловой нагрузке которых не утихают дискуссии. Речь идет о концептах «политическая культура», «политический менталитет», «политические ценности».

Классическим определением политической культуры, до сих пор используемым для изучения этого феномена, считается определение, которое дали Г. Алмонд и С. Верба: «Термин «политическая культура» подразумевает специфические политические установки в отношении политической системы и ее различных частей и установки по отношению к собственной политической роли в системе» [27, с. 13]. В. Розенбаум классифицировал политические ориентации в зависимости от объекта. Он определял политическую культуру как совокупность ориентаций относительно институтов государственного управления, относительно «других» в политической системе, относительно собственной политической деятельности [28]. Таким образом, политическая культура рассматривается как относительно устойчивая характеристика сложного актора, один из параметров политического процесса. Иными словами, политическая культура — понятие, с помощью которого характеризуют субъективную составляющую политического процесса, протекающего в масштабах политической системы в целом или ее отдельных довольно крупных составных частей [8, с. 130-131].

Рефлексию политики индивидуальным субъектом более точно помогает определить понятие «политическое сознание». Е. Б. Шестопал определяет политическое сознание как восприятие субъектом той части реальности, которая связана с политикой, вопросами власти и подчинения, государством и его институтами [24, с. 157]. Сложность этого феномена в содержательном плане отмечает А. И. Соловьев. Он считает политическое сознание наиболее общей категорией, отражающей всю совокупность чувственных и теоретических, ценностных и нормативных, рациональных и подсознательных представлений человека, которые опосредуют его отношения с политическими структурами [19, с. 330]. Таким образом, ни понятие «политическая культура», ни понятие «политическое сознание» не фиксируют в полной мере отражение политической системы в индивидуальном сознании.

Следует отметить, что термин «политическая картина мира» в современной политической психологии используется в контексте изучения политической социализации как ее промежуточный результат. В частности, Е. Б. Шестопал пишет о «поколенческой специфике политической картины мира постсоветских граждан», «этническом окрасе политической картины мира русских граждан» и «региональных особенностях политической картины мира россиян» [11], особо отмечая тот момент, что «в современной гуманитарной науке термин «политическая картина мира» окончательно не определен» [11, с. 338].

Однако это не мешает исследователям выбрать в качестве объекта их научного интереса представления о политике, отношение к политике, к власти, политическим деятелям, представления об идеальной форме правления, идеологических предпочтениях, образ страны, основанный на представлениях о своих и чужих.

Большинство работ, близких к описанию политической картины мира, имеет отношение к исследованиям ее центрального компонента — образа власти. Например, историко-философское исследование формирования образа власти представлено в работах Н. А. Романович [12, с. 23-31]. А. В. Курчатова и Е. В. Осетрова анализируют образ власти в современном русском языке [7]. А. В. Захаров изучает народные образы власти, «образные репрезентации», отраженные в фольклорных произведениях [4].

Вместе с тем руководитель московской школы политической психологии пишет: «...наряду и помимо образов отдельных политических деятелей в массовом сознании отдельно существует и более абстрактный образ власти в целом, который не получил пока должного внимания со стороны исследователей» [9, с. 12].

Конструированию образа права в картине мира посвящено исследование правовой социализации в России и во Франции М. Арутюнян, О. Здравомысловой, Ш. Курильски-Ожвэн [2]. Авторы подчеркивают взаимосвязь процессов формирования различных образов в картине мира, отмечают, что образ мира и образ права конструируются одновременно и неразделимыми так же, как неразделимы правовая социализация и общий процесс социализации [2, с. 9].

Политическая картина мира и ее составляющие, в частности образы власти, представляют собой «феномен, трудноуловимый традиционными политологическими методами» [9, с. 3]. Следует согласиться с тем, что в плане методологии и методики изучения политической картины мира сегодня больше вопросов, чем ответов.

Итак, в современной политологической и политико-психологической литературе, несмотря на многообразие терминологии, отражающей различные аспекты субъективного восприятия политики, нет термина, который бы по-

зволил адекватно описать все многообразие субъективного отражения политической сферы в индивидуальном сознании. Результаты исследований дают возможность описать систему сопряженных понятий в ментальной картине предметного поля политической картины мира: политическая культура, политическое сознание, политические ценности, политические установки, политическая социализация и ресоциализация.

Проблемы концептуализации политической картины мира. Обсуждение проблем концептуализации исследуемого предметного поля позволяет нам выделить несколько проблемно-содержательных лакун.

Определение специфики политического мира и многообразия сфер его отражения. По сравнению с естественнонаучной сферой (физическая картина мира, понимаемая как научная картина мира) политическая сфера имеет свои особенности, которые определяют необходимость дифференциации понятия «политическая картина мира». Специфика политической реальности как особой сферы общественных отношений предполагает существование индивида в системе властных отношений и соответственно отражение этой сферы в представлениях субъекта. Поэтому существует необходимость дальнейшего уточнения точек соприкосновения и параметров дифференциации политической картины мира как компонента научного знания, как транслируемого субъектом политики сообщения и как результата отражения политического мира в сознании субъекта.

Проблемное поле соотношения политического мира и политической картины мира и конкретизации ее (картины мира) составляющих. Теоретический анализ и концептуализация на основе данных эмпирических исследований позволяют выявить основные координаты, задающие структуру политического мира и его отражения: политическое пространство и политическое время. Возникает необходимость дальнейшей конкретизации системы образов, отражающих политический мир.

Проблема выстраивания понятийного ряда «политических картин мира», отражающего их многообразие по критерию статуса носителя. В самом первом приближении мы можем выделить как минимум три группы таких носителей: профессионалы, изучающие эту сферу; профессионалы, функционирующие в этой сфере, и носители «наивной» политической картины мира.

Проблемное поле разграничения процессов формирования/конструирования политической картины мира. Данный аспект анализа проблемного поля политической картины мира позволяет нам выделить в этом поле ряд сопряженных понятий: формирование политической картины мира, конструирование политической картины мира, политическая социализация, политическое воспитание и политическое образование.

Соотношение политической картины мира и гражданской идентичности. Политическая картина мира как часть картины мира социальной задает ориентиры формирования гражданской идентичности. Социальная идентичность рассматривается как производная процесса создания образа социального мира, или конструирования социального мира [1], а картина мира — как основа социальной идентичности [28, цит. по: 5, с. 109].

Результаты концептуализации проблемного поля политической картины мира позволяют нам в первом приближении представить его ментальную карту. Политическая картина мира есть отражение политической реальности в сложной структуре жизненного мира индивида, опосредованное его социально-статусными характеристиками. На наш взгляд, *рамочными понятиями* в этом поле являются составляющие политической картины мира, ее носители, типы политических картин мира, процессы и технологии ее формирования и конструирования различными субъектами.

Теоретический анализ позволил также выделить систему *сопряженных* с предметным полем исследования понятий. К ним мы относим картину мира, научную картину мира, ментальность.

Библиографический список

1. Андреева Г. М. Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 2000.
2. Арутюнян М., Здравомыслова О., Курильски-Ожвэн Ш. Образ и опыт права: правовая социализация в изменяющейся России. М.: Весь мир, 2008.
3. Гайденок П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность. М.: Политиздат, 1991.
4. Захаров А. В. Народные образы власти // Полис. 1998. № 1.
5. Иванова Н. А., Румянцева Т. В. Социальная идентичность: теория и практика. М.: Изд-во СГУ, 2009.
6. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики: Человек, конструирующий себя и свое будущее. М.: Либроком, 2011.
7. Курчатова А. В., Осетрова Е. В. Образ власти в современном русском языке (на материале политических текстов). URL: lib71.library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0088661.pdf, свободный.
8. Мелешкина Е. Ю. Политическая культура // Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. М.: Весь мир, 2001.
9. Образы российской власти от Ельцина до Путина/под ред. Е. Б. Шестопал. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008.
10. Пинк Д. Будущее за правым полушарием. Что делать, чем думать и как быть в век нового творческого мышления. М.: Открытый мир, 2009.
11. Политическая социализация российских граждан в период трансформации/под ред. Е. Б. Шестопал. М.: Новый хронограф, 2008.
12. Романович Н. А. Образ власти: противоречия традиционной и современной моделей // Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. 2009. № 2.

13. Самаркина И. В. Политическая картина мира: теоретическая модель и опыт эмпирического исследования. Краснодар: КубГУ, 2011.
14. Самаркина И. В. Политическая картина мира и общественные практики молодежи: опыт эмпирического исследования // Человек. Сообщество. Управление. 2011. № 1.
15. Самаркина И. В. Первое десятилетие XXI: константы и новации в политической картине мира российских детей // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 3.
16. Самаркина И. В. Образ власти в политической картине мира студенческой молодежи // Каспийский регион: экономика, политика, культура. 2011. № 1.
17. Семененко И. С., Лапкин В. В., Пантин В. И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. 2010. № 3.
18. Соколов К. Б. Введение в теорию социокультурной стратификации // Цветущая сложность: разнообразие картин мира и художественных предпочтений субкультур и этносов/науч. ред. К. Б. Соколов. СПб.: Элетейя, 2004.
19. Соловьев А. И. Политология. Политическая теория. Политические технологии. М.: Аспект-Пресс, 2002.
20. Степин В. С., Кузнецова Л. Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: ИФРАН, 1994.
21. Фромм Э. Иметь или быть. М.: Прогресс, 1990.
22. Хайдеггер М. Время картины мира // Время и бытие. М.: Республика, 1993.
23. Шестопал Е. Б. Политическая психология. М.: ИНФРА-М, 2010.
24. Шестопал Е. Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. М.: Российская политическая энциклопедия, 2000.
25. Шпенглер О. Закат западного мира: очерки морфологии мировой истории: 2 т. М.: Академический проект, 2009. Т. 1: Образ и действительность.
26. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.
27. Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Countries. Princeton, 1963.
28. Jarumovicz M. Self — We — Others schemata and social identifications // Social Identity (International Perspectives). London, 1998.
29. Rosenbaum W.A. Political Culture: Basic Concept in Political Science. New York, 1975.

СЛОЖНОСОСТАВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

.....

Е. В. Морозова¹

Автор обосновывает необходимость введения в научный политологический дискурс аналитической категории «сложносоставная идентичность», рассматривает соотношение её с категориями «политика идентичности», «двойная идентичность», показывает на эмпирическом материале факторы возникновения и развития подобных идентичностей, затрагивает проблемы политологического анализа сложносоставной идентичности.

Ключевые слова: идентичность, политика идентичности, референтные группы, политическое манипулирование, кливажи (социокультурные размежевания).

The author substantiates the necessity of introducing into the scientific discourse of political science analytic category «compound identity» examines the relationship of the categories «politics of identity», «dual identity», empirical evidence points to the factors of the emergence and development of such identities, political analysis examines the problem of a composite identity.

Key words: identity, identity politics, reference groups, political manipulation, cleavage (socio-cultural disengagement).

Современная политическая наука проявляет особое внимание к мотивации деятельности субъектов общественных изменений, к субъективному восприятию политики и проекции такого восприятия в политическое действие. Осмысливая социально-политические изменения и возможные сценарии развития современного мира, политическая наука всё чаще обращается к категории идентичности, которой совсем недавно оперировали только психологи, социологи и социальные антропологи.

Множественность идентичностей индивида обусловлена многообразием референтных групп, с которыми он соотносит себя. Составляющие идентичности относительно самостоятельны, их интеграция обеспечивает целостность самовосприятия индивида [1]. В условиях глобализации спектр таких

¹ Морозова Елена Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. E-mail: morozova_e@inbox.ru

составляющих стремительно расширяется и многосоставность идентичности становится скорее нормой, чем девиацией.

Вводя такую аналитическую категорию, как сложносоставная идентичность, мы имеем в виду соотношение индивида с референтной группой, в социокультурных паттернах которой неразрывно слиты две или более разнорядковые идентификационные характеристики. Наличие такой слитности позволяет дифференцировать ее от гибридной и множественной идентичности. В отличие от последней, сложносоставная идентичность способна создавать устойчивые сообщества, которые могут выступать активными акторами политического процесса. Возникновение подобных референтных групп происходило на разных этапах цивилизационного развития, и чаще всего можно выявить исторические корни их формирования.

Наиболее известны случаи двусоставной идентичности как вариации сложносоставной, которую необходимо отличать от двойной идентичности, предполагающей одновременное сочетание двух разных национально-политических идентичностей («русские американцы»).

В западнорусском обществе к началу XVII в. актуализировались этноконфессиональная и этносословная идентичности отдельных социальных групп. После заключения Брестской унии появились одновременно две конфессиональные группы общества, отстаивающие свою русскость и претендующие на приоритетность: униаты и православные. Для жителей Речи Посполитой того времени, называвших себя русскими, понятие «русская вера» объединяло этническую и конфессиональную самоидентификацию в единый узел. «В убежденности, что вне Восточной церкви — нет русскости, кроется главная ментальная причина нежелания православных признать униатов такими же русскими, как и они» [7]. Исторический пример этносословной идентичности дает так называемый шляхетский народ. Это слой полонизировавшейся шляхты XVI в., которая пыталась осмыслить себя в категориях польской культуры: как часть шляхетской политической нации, но особого — русского — происхождения. Этой идентичности соответствовала формула «gente Ruthenus natione Polonus». Формула интересна тем, что сохраняет русское самосознание шляхты, вписывая его в этносословную и внеконфессиональную идентичность шляхетского народа [7].

Казачество являет собой яркий пример сложносоставной идентичности. Феноменологическая природа казачества — одна из самых острых проблем в его историографии. Представители и наследники традиционной советской научной школы рассматривают казачество прежде всего как историческое сословие, а ныне — как специфическую этнографическую группу. Сторонники новых, альтернативных подходов считают казачество этническим образованием — субэтнсом в составе русского народа или даже отдельным этносом. Большинство исследователей все же склонны отмечать двойственность соци-

окультурной природы казачества, наличие у него и этнических, и сословных черт, расходясь в оценке их соотношения. Казаки подчеркивают самобытность, выражая свое отличие не только в широко известном и лишенном этнического содержания афоризме: «Я не русский, я — казак», но и в утверждении: «Слава Богу, что мы — казаки!». Причем оба лозунга четко вписываются в оппозицию «свой — чужой». Идентичность российских казаков формировалась особым путем, вбирая социальные (сословные), профессиональные (военная служба), региональные (территориальные), религиозные и этнические характеристики [4].

Активное движение по возрождению казачества, начавшееся с нашей стране в 1980-е гг., больше схоже с конструированием новой общности — неоказачества [5], так как простое воспроизводство исторических образцов казачьего бытия мало соответствует современным реалиям.

Основными факторами, стимулировавшими рост самосознания казаков и их объединение в постсоветский период, можно считать распад Советского государства, усиление центробежных тенденций в России в 1990-е гг., обострение межнациональных и межгосударственных отношений у её рубежей, стремление людей включиться в какую-либо устойчивую общность, чтобы противостоять нарастающей атомизации общества и защищать свои интересы [2]. Примечательно, что меры по возрождению казачества (современная политика идентичности в отношении казачества) ориентированы ретроспективно и направлены на поддержку как культурных (создание казачьих учебных заведений, издание соответствующей литературы, развитие форм традиционной культуры и др.), так и социально-профессиональных (создание реестра казачьих сообществ, государственная служба, налоговые льготы) составляющих идентичности. Ключевыми признаками внешней идентификации казачества в современном российском массовом сознании выступают православная религиозность, служение Российскому государству, воинская профессиональная служба, патриотизм. При проведении переписи населения 2002 г. казаками называли себя 140292 чел.

Сложносоставная идентичность находит выражение в каджунах, в самосознании которых нераздельно слились этнический, территориальный и профессиональный элементы. «Культура сильнее природы», — пишет об этой общности Л. В. Смирнягин [11]. Каджуны (cajuns) — потомки французов из Бретани, которые заселили в начале XVII в. Новую Шотландию (район Акадия), но в 1764 г. были изгнаны оттуда англичанами и частично переселились в устье Миссисипи. Они сумели не только выдержать напор многих других этносов, но и ассимилировать их: на французский язык постепенно переходили в Луизиане испанцы, немцы, афроамериканцы. Каджуны обладали яркими чертами единства, их эффективно цементировал католицизм, противостоящий протестантским церквям, а еще более — специфический

культурный настрой, резко контрастирующий со многими чертами культуры американского Юга. Оптимистический взгляд на жизнь, относительная слабость стимулов к приобретательству и накопительству, сочетание общинной сплоченности с известным равнодушием к межрасовому смешению — все это отличало каджунов от американского окружения. В 1984 г. Э. Эдвардс, вступая на пост губернатора Луизианы, прочел текст присяги по-французски, подчеркивая перед избирателями свое каджуновское происхождение [3].

На иных основаниях произошла идентификация в структуре современной немецкой нации двух групп с выраженной идентичностью — «осси» и «весси». Ее составляющими являются территориальная идентичность, что, впрочем, следует из названия, а также социокультурная и политико-культурная. Развитие расколотой нации (а процесс нациогенеза не был завершен, Германия как единое государство появилась в XIX в.) на протяжении 45 лет происходило в границах двух немецких государств с различными идеологическими и ценностными приоритетами. Политика идентичности в ГДР базировалась на концепции двух немецких наций. И сегодня, спустя 20 лет после падения Берлинской стены, восточные и западные немцы значительно расходятся в политических оценках. Согласно данным соцопроса, 47% респондентов в старых землях (бывшая Западная Германия) считают объединение полностью состоявшимся и завершившимся, в то время как в новых землях (бывшая ГДР) такого мнения придерживаются лишь 17%. 52% жителей Западной Германии полагают, что на востоке живется легче или чуть легче, чем на западе. В то же время 75% опрошенных в новых землях уверены, что в объединенной Германии легче живется как раз западным немцам [8]. Недаром же в ходу столько лет грустный анекдот, как «весси» на вопрос «осси»: «Ну почему вы на нас смотрите свысока? Ведь мы же один народ!» — отвечают: «Да, мы тоже один народ»... Как отмечает Л. А. Фадеева, нынешнее единство двух Германий оказалось весьма противоречивым. «Берлинская стена в головах» — такое выражение нередко используют для обозначения противоречий психологического характера. Одним из ярких проявлений этого феномена на уровне повседневного поведения можно считать то обстоятельство, что лишь 25% браков в современной ФРГ заключаются между «осси» и «весси» [12, с. 82].

Сложносоставная идентичность (этноконфессиональная, этносословная, этнокультурная, культурно-территориальная) выстраивается на взаимодействии двух и более значимых для сообщества его носителей составляющих, но этническая идентичность присутствует во всех случаях. Это объясняется особой ролью этнической мобилизации в политических процессах Нового и Новейшего времени. Появление сообществ с многосоставной идентичностью связано с масштабными историческими событиями (территориальными захватами, войнами, религиозными реформами, массовой миграцией населения и др.). Объяснительной моделью их возникновения и политической активно-

сти может служить теория кливажей (социокультурных размежеваний) — постоянного влияния национальных, этнических, языковых, конфессиональных расхождений на политические ориентации и политический процесс в целом [13]. Можно предположить, что многосоставная идентичность связана с кумулятивными кливажами, когда линии нескольких разломов совпадают, а отдельные социальные отличия усиливают друг друга.

В российской публичной политике, как отмечает И. С. Семененко [10], термин «политика идентичности» практически не используется, что связано, на наш взгляд, со стремлением участников политического процесса, и в первую очередь самих публичных политиков, избежать обвинений в идеологизации политического дискурса. Г. Я. Миненков пишет: «Стремления, охватываемые «политикой идентичности», являются коллективными и публичными, а не только индивидуальными и приватными. Это — борьба, борьба теоретическая и социально-политическая, а не просто объединение в группы по интересам, борьба, связанная с разрушением прежних легитимаций и поиском признания и легитимности, а иногда и власти, а не только возможностей для самовыражения и автономии. Политика идентичности является политикой и потому, что она включает отрицание или замену тех идентичностей, которую другие, часто в форме различного рода ярлыков, хотели бы навязать от имени «всеобщего» борющимся за признание индивидам» [6].

В современной российской и зарубежной политической науке под политикой идентичности понимается совокупность ценностных ориентиров, практик и инструментов формирования и поддержания национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм идентичности [10, с. 162-168]. Такая идентичность оказывается объектом целенаправленного воздействия и взаимодействия государства и групп интересов, формирования и целеориентированного конструирования ориентиров развития национального сообщества и групповых идентичностей внутри этого сообщества. Политика идентичности реализуется через вариативные социальные практики на различных уровнях власти и управления — наднациональном (макрорегиональном), региональном, локальном. Таким путем поддерживаются образы общего политического пространства и конструируются имиджи, работающие на реализацию политических интересов. В проведении политики идентичности государство активно использует символическую политику, языковую политику и политику памяти [10, с. 162-168].

Субъектами политики идентичности в отношении сообществ со сложносоставной идентичностью могут быть органы государственной власти, в случае с казачеством и федеральные, и региональные. Так, в период проведения кампании по выборам Президента РФ президентский Совет по делам казачества получил заверения от вице-преьера Д. Рогозина в том, что интересы этого сословия уже учтены в правительственной программе «Стратегия-2020».

Казакам обещана техника из госрезерва, земля и другие бонусы. По словам атамана Всевеликого войска Донского и депутата Госдумы Виктора Водолацкого, поставлена задача превратить каждое казачье общество к 2015 г. в экономически независимую ячейку.

Дмитрий Rogozin пригласил атаманов на заседание военно-промышленной комиссии, где будет рассматриваться новая модель формирования мобилизационного резерва, учитывающая интересы казачества. Важная часть будущего бонуса казакам — земельные владения. «Имея свой земельный фонд, например, в Оренбуржье в Сибири — огромный, в тысячу гектар кусок неиспользованной земли, мы хотим, чтобы казаки создавали агроказачьи комплексы», — говорит В. Водолацкий. Военная служба для казаков тоже будет «своя»: уже созданы казачьи бригады в Волгограде, Новороссийске, Буденновске, укомплектованные донскими, кубанскими и терскими войсками: «Наша задача: чтобы до 2015 года в этих подразделениях были только казаки — начиная от командира бригады и заканчивая рядовым солдатом» [9].

Вице-президент Центра политических технологий Ростислав Туровский считает понятной логику подключения казаков к кампании премьера: «Власть видит в казаках достаточно массовую, организованную и лояльную политическую группу, которая может быть использована в самых разных ситуациях. В том числе и для защиты существующего порядка» [9]. Эксперт полагает, что если государство будет обеспечивать казаков такими преференциями, то их ряды начнут быстро расти.

Казачество является системообразующим конструктом символической политики на Кубани. Здесь реализуется многоуровневая программа формирования региональной идентичности, включающая соответствующие образовательные компоненты (уроки кубановедения в школах и курсы истории Кубани в вузах, возвращение в регион казачьих святынь из-за границы, воссоздание памятников казачьей славы, парады и марши казачьих войск и т. д.).

В случае с «осси» и «весси» в качестве субъекта политики идентичности выступает политическая партия — Партия демократического социализма (ныне партия "Левые"), социальная база поддержки которой сконцентрирована в новых землях.

Политика идентичности применительно к сообществам со сложносоставной идентичностью может приобретать манипулятивный характер, обусловленный как выпячиванием одной из составляющих идентичности, так и демонстративным изменением статуса общности в социальной структуре общества (оказачивание и расказачивание). В таком случае она служит, как правило, сиюминутным выгодам власти, но в перспективе ведет к повышению уровня конфликтности в социуме.

Таким образом, рассмотрение сложносоставной идентичности в качестве объекта политологического анализа предполагает ответы на важные вопросы, ряд которых был поставлен в данной статье. Насколько сложносоставная идентичность в её самых различных формах является продуктом конструирования, результатом деятельности политических субъектов? Как сложносоставные идентичности связаны с социокультурными расколами? Проявляются ли сложносоставные идентичности в гетерогенных, в том числе фрагментированных, политических культурах? Каков потенциальный мобилизационный потенциал сообществ со сложносоставной идентичностью? Как эти идентичности актуализируются в современных сетевых практиках публичной политики? Ответы на эти вопросы могут существенно обогатить наши знания о механизмах влияния ценностных ориентаций участников политического процесса на эволюцию социальных и политических институтов.

Библиографический список

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс, 2001.
2. *Андреев А.П., Панасюк Е.В.* Казачье движение // Полис. 1993. №2. URL: <http://www.polisportal.ru>
3. *Каджунский Галф.* URL: http://americanist.narod.ru/205_06.htm
4. *Куква Е.С.* Этнокультурная идентичность казачества России // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп: ООО «Качество», 2010. Вып. 5.
5. *Маркедонов С.* Неоказачество на марше. URL: www.politcom.ru/5577.html
6. *Миненков Г.Я.* Политика идентичности: взгляд современной социальной теории // Политическая наука. 2005. №6.
7. *Неменский О.* Русская идентичность в Речи Посполитой в конце XVI — перв. пол. XVII века (по материалам полемической литературы). URL: www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/Nemenski.doc
8. «Осси» и «весси» разошлись в оценках объединения Германии. URL: <http://news.rin.ru/news/259966/>
9. *Самарина А.* Полувоенное сословие встроено в президентскую избирательную кампанию // Независимая газета. 2012. 17 февр.
10. *Семененко И.С.* Политика идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
11. *Смирнягин А.В.* Районы США. URL: <http://amergeo.livejournal.com/18655.html>
12. *Фадеева Л.А.* Политическая культура: курс лекций. Пермь: Пермский ун-т, 2000.
13. *Rokkan S., Urwin D.W.* Economy, Territory, Identity: Politics of West European Peripheries. London: Sage Publications, 1983.

ОТКРЫТОСТЬ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

.....

М. В. Савва¹

Статья посвящена изучению уровня открытости деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в Краснодарском крае. Появление новых технологий, позволяющих расширить масштаб и глубину прозрачности власти, требует формирования в нашей стране нового правового поля и политических практик. Автор, изучив степень выполнения требований российского законодательства по обнародованию информации органами власти на своих официальных сайтах, делает вывод о неудовлетворительном состоянии работы с информацией в муниципальных образованиях Краснодарского края.

Ключевые слова: доступ к информации о деятельности органов власти, общественный контроль, политическая стабильность.

Article is devoted studying of level of an openness of activity of public authorities and local government in Krasnodar territory. The transparency of the power is the major factor of trust of citizens to the power and maintenance of political stability. Occurrence of new technologies (for example, the Internet), allowing to expand scale and depth of a transparency of the power, demands formation in our country of a new legal field and political practice. The author of article studied performance of requirements of the Russian legislation on promulgation of the information by authorities on the official websites. The conclusion has been drawn on an unsatisfactory condition of work with the information in municipalities of Krasnodar territory.

Key words: access to the information on activity of authorities, public control, political stability.

Открытость деятельности органов власти, как показывает мировая практика, является важнейшим фактором доверия граждан к власти и поддержания социально-политической стабильности. Появление новых технологий (например, Интернета), позволяющих расширить масштаб и глубину прозрачности

¹ Савва Михаил Валентинович – доктор политических наук, профессор кафедры связей с общественностью факультета журналистики Кубанского государственного университета. Эл. почта: srcmike@list.ru.

власти, требует формирования в нашей стране нового правового поля и социально-политических практик.

В России с 1 января 2010 г. действует специальный закон, определяющий порядок доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ [4].

Указанный закон довольно подробно определил требования к составу информации, которая должна размещаться на официальном сайте органа государственной власти и местного самоуправления. В то же время закон не конкретизировал, какие требования по информационному наполнению официального сайта федерального органа государственной власти применяются к сайту территориального органа. Эта неопределенность позволяет ряду территориальных органов федеральных органов государственной власти в Краснодарском крае не обнародовать на своих сайтах важную для граждан информацию.

Закон Краснодарского края «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в Краснодарском крае» от 16 июля 2010 г. № 2000-КЗ [3] был принят для «обеспечения открытости деятельности государственных органов Краснодарского края и органов местного самоуправления в Краснодарском крае, активного использования информационных технологий, объективного информирования граждан и структур гражданского общества о деятельности государственных органов Краснодарского края, органов местного самоуправления в Краснодарском крае». Вопреки этой декларации, краевой закон не ввел новых по сравнению с Федеральным законом «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» форм информирования граждан. Он также не конкретизировал, каким образом в Краснодарском крае будет выполняться следующая норма Федерального закона: «В целях обеспечения права неограниченного круга лиц на доступ к информации, указанной в части 1 настоящей статьи, в местах, доступных для пользователей информации (в помещениях государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных библиотек, других доступных для посещения местах), создаются пункты подключения к сети Интернет». Какая-либо информация о создании пунктов подключения к сети Интернет в Краснодарском крае отсутствует. В то же время в Краснодарском крае есть опыт Новороссийска по созданию пунктов социального доступа в Интернет на базе общеобразовательных школ в рамках городской программы «Новороссийск без бюрократии», который может быть использован другими муниципальными образованиями либо в краевой целевой программе.

Наиболее актуальное направление реализации Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» — создание условий для информирования граждан посредством официальных сайтов в сети Интернет. Актуальность данной формы определяется, например, тем, что она обязательна в силу названного федерального закона в большом количестве случаев, в отличие от других форм информирования. Web-сайты по сравнению с другими способами информирования позволяют гражданам пользоваться важной для них информацией не только в день ее появления, но и по прошествии времени. Помимо того, сайты обеспечивают обратную связь, т. е. возможность информирования людьми органов власти.

При подготовке статьи автором изучались официальные сайты органов публичной власти трех видов: территориальных органов федеральных органов государственной власти, расположенных в Краснодарском крае; органов государственной власти Краснодарского края (Законодательного Собрания и администрации, иных органов, подведомственных главе края); органов местного самоуправления (городских округов, муниципальных районов, поселений).

Некоторые пункты ст. 13 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» содержат формулировки, обязывающие территориальные органы федеральных органов власти размещать на своих сайтах определенные сведения. Например, согласно п. 6 ст. 13 информация о деятельности государственного органа должна содержать: «тексты официальных выступлений и заявлений руководителей и заместителей руководителей государственного органа, его территориальных органов, органа местного самоуправления». На сайтах федеральных ведомств тексты выступлений руководства территориальных органов не размещаются, следовательно, они должны размещаться на сайтах территориальных органов.

Ряд сайтов территориальных (краевых) органов федеральных органов государственной власти не дает всей обязательной информации, установленной Федеральным законом «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», либо содержит устаревшую и вводящую в заблуждение информацию. Так, на информационном ресурсе Управления Федеральной службы судебных приставов по Краснодарскому краю <http://www.r23.fssprus.ru> не выявлены административные регламенты, которыми руководствуются сотрудники УФССП в своей деятельности.

На сайте Главного управления МВД по Краснодарскому краю <http://www.guvd-kuban.ru> по состоянию на 7 ноября 2011 г. не были обнаружены:

— установленные формы обращений, заявлений и иных документов, принимаемых территориальным органом (п. 2 «д» ст. 13 ФЗ-8);

- порядок обжалования нормативных правовых актов и иных решений, принятых территориальным органом (п. 2 «е» ст. 13 ФЗ-8);
- информация о результатах проверок, проведенных в территориальном органе, подведомственных организациях (п. 5 ст. 13 ФЗ-8);
- тексты официальных выступлений и заявлений руководителей и заместителей руководителей территориального органа (п. 6 ст. 13 ФЗ-8);
- сведения об использовании территориальным органом, подведомственными организациями выделяемых бюджетных средств (п. 7 «б» ст. 13 ФЗ-8).

Сайт ГУВД по краю содержит список государственных услуг, исполнение которых возложено на МВД Российской Федерации, однако на сайте не выявлены наиболее актуальные для граждан официальные документы — регламенты оказания данных услуг.

Возможность ознакомления посетителей сайта территориального органа с административными регламентами, принятыми соответствующим федеральным органом власти, организовать не сложно, и определяется наличие такой возможности лишь желанием ответственных за интернет-ресурс сотрудников. Так, например, интернет-ресурс Управления Федеральной налоговой службы по Краснодарскому краю <http://www.r23.nalog.ru> дает возможность ознакомиться с административными регламентами, в том числе принятыми недавно.

На сайте Следственного управления Следственного комитета России по Краснодарскому краю <http://www.skp-kuban.ru> в разделе «Правовая информация» по состоянию на 7 ноября 2011 г. были размещены лишь три документа: Конституция Российской Федерации, Федеральный закон РФ «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202-1 и Указ Президента РФ «Вопросы Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации» от 1 августа 2007 г. № 1004. Это с очевидностью свидетельствует о том, что сайт давно не обновлялся: на сайте отсутствует даже Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации» от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ, Указ Президента РФ «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» от 14 января 2011 г. № 38 и другая актуальная для граждан правовая информация (действующие нормативные документы). Подобный состав размещенных на сайте Следственного управления Следственного комитета РФ по краю устаревших правовых материалов может ввести в заблуждение людей, посетивших этот сайт, по вопросам полномочий указанного органа.

Для сайтов территориальных органов федеральных органов государственной власти в Краснодарском крае характерно практически полное отсутствие попыток информировать граждан о новых актуальных нормативных документах

в доступной форме, например: краткое и легкое для восприятия текстовое изложение содержания официальных документов; использование инфографики.

Как правило, выше качество тех интернет-ресурсов краевых территориальных органов, которые являются элементом web-сайта федерального органа государственной власти. В этом случае для посетителей территориального кубанского интернет-ресурса оказываются доступными сервисы федерального сайта (например, интернет-ресурс Федеральной налоговой службы по Краснодарскому краю и др.). В том же случае, когда краевой территориальный орган федерального органа исполнительной власти поддерживает собственный сайт (например, Главное управление внутренних дел по Краснодарскому краю), как правило, количество сервисов для посетителей сайта значительно меньше, а их качество намного хуже, что обуславливает сложность получения необходимой информации.

Сайты органов государственной власти Краснодарского края (Законодательного Собрания и администрации, иных органов, подведомственных главе края) в целом содержат достаточный с точки зрения соответствия законодательству массив информации. Необходимо отметить существенное улучшение содержания сайта Законодательного Собрания <http://www.kubzsk.ru> в период действия Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», т. е. с 1 января 2010 г. Сайт был приведен в соответствие с большинством требований указанного Федерального закона. На этом информационном ресурсе краевого законодательного органа появилась новая актуальная информация аналитического характера, например, доклады о состоянии законодательства Краснодарского края за 2009 и 2010 гг., «Путеводитель по законодательству края» и т. д.

В то же время на сайте Законодательного Собрания не найдены проекты законов, внесенных на его рассмотрение, хотя их размещение обязательно в силу требований федерального законодательства.

Сайт администрации Краснодарского края <http://admkrain.krasnodar.ru> имеет структуру, неудобную для пользователей, стремящихся получить информацию об официальных документах. Так, по состоянию на 7 ноября 2011 г. на указанном сайте отсутствовал реестр государственных услуг Краснодарского края и соответственно сами регламенты; не были найдены проекты законов Краснодарского края, направленные главой края в порядке законодательной инициативы в Законодательное Собрание Краснодарского края. Таким образом, проекты законов Краснодарского края, инициированные губернатором, оказываются недоступными как на сайте Законодательного Собрания, так и на сайте администрации, что противоречит требованиям Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».

В целом качество информирования граждан о деятельности органов государственной власти Краснодарского края можно оценить как удовлетворительное. Отметим, что определенные предпосылки для этого были заложены еще до принятия Федерального закона «О доступе к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Так, аналитический обзор «Институты и практики обеспечения доступа к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации (на примере Южного федерального округа)», подготовленный в 2006 г. в рамках Российско-канадской программы «Содействие реформирования государственного управления в Российской Федерации», констатирует: «Как пример позитивного регионального опыта по обеспечению информационной открытости, прозрачности процесса принятия решений властью можно привести требование обязательности публикации на официальном сайте администрации края темы и перечня вопросов публичных слушаний, а в случае рассмотрения на слушаниях проекта правового акта — его полного текста для ознакомления населения края» [1].

Наибольшие проблемы информирования о деятельности власти характерны для муниципальных образований Краснодарского края, особенно для сельских поселений. Так, на официальном сайте муниципального образования «станция Тбилисская» <http://tbilisskoe-sr.ru> по состоянию на 17 ноября 2011 г. не был выявлен целый ряд обязательных для обнародования информационных материалов:

- информация об исполнительном органе местного самоуправления станции (п. 1 «а» ст. 13 ФЗ-8);

- сведения о полномочиях органов местного самоуправления, задачах и функциях структурных подразделений указанных органов, а также перечень законов и иных нормативных правовых актов, определяющих эти полномочия, задачи и функции (п. 1 «б») (необходимо подчеркнуть, что на сайте отсутствует даже Устав муниципального образования);

- информация о нормотворческой деятельности органа местного самоуправления (п. 2), за исключением отдельных документов (на сайте размещен всего один муниципальный регламент: «Регламент исполнения муниципальной функции рассмотрения обращений граждан в администрации Тбилисского сельского поселения Тбилисского района»).

Наиболее актуальный для жителей муниципального образования раздел сайта станции Тбилисской «Услуги» по состоянию на 7 ноября 2011 г. не содержал ни одного информационного материала.

Пример официального сайта станции Тбилисской типичен для муниципальных образований поселенческого уровня. Основные проблемы инфор-

мационного обеспечения, выявленные на примере Тбилисской, характерны в различной степени для большинства официальных сайтов поселений края.

Качество информирования граждан посредством сайтов муниципальных районов значительно выше, но все же не соответствует требованиям Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Так, официальный сайт администрации Тбилисского района <http://www.adm-tbilisskaya.ru> содержит более полный массив информации, в том числе принятые административные регламенты. В то же время раздел сайта «Законодательная карта» наполнен лишь частично: по состоянию на 8 ноября 2011 г. в рубриках «Нормативно-правовые акты администрации МО», «Проекты муниципальных правовых актов» не было выявлено ни одного документа.

Для официальных сайтов муниципальных районов на примере Тбилисского района характерны следующие недостатки: отсутствие системы поиска информации по ключевым словам; расположение нормативных документов по годам принятия, что затрудняет их поиск; трудности обнаружения на сайте Устава муниципального образования.

Автор провел исследование официальных сайтов 44 городских округов и муниципальных районов Краснодарского края по одному актуальному параметру: наличие на сайте полной версии доклада главы муниципального образования о достигнутых показателях для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов за 2010 г. Обязательное обнародование такого доклада на официальном сайте установлено п. 3 Указа Президента РФ «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» от 28 апреля 2008 г. № 607 [5] и может служить показателем исполнительской дисциплины органов местного самоуправления в части обеспечения доступа к информации о своей деятельности. Доклады не были обнаружены на сайтах 21 муниципального образования из 44.

Внешний контроль за выполнением требований федерального законодательства по открытости власти в отношении муниципальных образований осуществляется прокуратурой Краснодарского края. Так, выступая с заключительным словом на межведомственном совещании по проблемам взаимодействия прокуратуры края и органов местного самоуправления 20 мая 2011 г., прокурор Краснодарского края А. Г. Коржинек сказал: «Органы местного самоуправления должны исполнять требования ст. 13 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности органов госвласти и местного самоуправления» о размещении на интернет-сайтах соответствующей информации. Принимать меры к ведению электронных баз данных правовых актов и аналитической работы, которые могут подлежать передаче в органы прокуратуры. Необходимо по максимуму размещать на сайтах в сети

Интернет имеющиеся информационные, аналитические и отчетные материалы» [2].

Чрезвычайно важным направлением обеспечения доступа к информации о деятельности органов власти является представление такой информации в доступной для восприятия форме. Такая подача информации практикуется, например, руководителем и сотрудниками департамента по финансам администрации Краснодарского края в ходе проведения публичных слушаний по отчету об исполнении краевого бюджета и по проекту бюджета на следующий отчетный период (электронные презентации; концентрированная подача наиболее важной информации). Однако подобная практика нехарактерна для публичных слушаний муниципального уровня.

В результате нашего исследования были систематизированы основные проблемы правоприменения Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» в Краснодарском крае:

- неисполнение или неполное исполнение требований Федерального закона при разработке структуры официальных сайтов органов власти и наполнении данных сайтов информацией (информация является неполной или труднодоступной);
- отсутствие доступа к официальным сайтам вследствие того, что их перестают поддерживать (например, владелец сайта, т.е. орган власти, не продлил услугу хостинга);
- отсутствие в муниципальных образованиях края нормативных документов, определяющих порядок решения вопросов местного значения;
- слабая ориентированность на результат деятельности органов власти при осуществлении информирования граждан (отсутствует стремление донести информацию, используя доступный язык изложения, современные графические средства представления информации и т.д.);
- отсутствие систематического общественного или общественно-государственного контроля эффективности деятельности по предоставлению информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления.

Для повышения уровня открытости органов власти в Краснодарском крае автор считает целесообразным организовать в рамках краевой целевой программы поддержки некоммерческих организаций и развития гражданского общества в 2012 г. следующие мероприятия:

- общественно-государственный мониторинг содержания официальных сайтов органов государственной власти и местного самоуправления в Краснодарском крае;

— информационную кампанию об участии граждан в разработке и экспертизе регламентов оказания услуг.

Необходимо также реализовать ряд рекомендаций:

— подготовить и провести краевой конкурс для органов государственной власти и местного самоуправления на лучшие популярные информационные материалы, представляющие нормативные документы в доступной для населения форме, сделать поощрение победителей данного конкурса действенным способом повышения мотивации сотрудников органов власти всех уровней на территории Краснодарского края;

— начать процесс разработки с участием независимых экспертов и принятия в муниципальных образованиях нормативных документов, определяющих порядок решения вопросов местного значения; включать в рабочие группы по разработке таких документов представителей гражданского общества; обнародовать эти документы на официальных сайтах муниципальных образований и другими способами.

— инициировать дополнения в Закон Краснодарского края «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов Краснодарского края, органов местного самоуправления в Краснодарском крае», конкретизирующие механизмы создания пунктов доступа в Интернет; стимулировать создание пунктов социального доступа в Интернет органами государственной власти и органами местного самоуправления в Краснодарском крае.

Библиографический список

1. Институты и практики обеспечения доступа к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации (на примере Южного федерального округа): аналитический обзор 2006. URL: <http://www.astrasocial.ru>.
2. Заключительное слово прокурора края на межведомственном совещании по проблемам взаимодействия органов прокуратуры края и органов местного самоуправления. 20.05.2011 г. URL: <http://www.prokuratura-krasnodar.ru/index.php>.
3. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в Краснодарском крае: Закон Краснодарского края от 16.07.2010 г. № 2000-КЗ. URL: <http://admkrasnodar.ru/content/section/717/detail/28584>.
4. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: Федеральный закон от 09.02.2009 г. № 8-ФЗ. URL: <http://www.rg.ru/2009/02/13/dostup-dok.html>.
5. Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов: Указ Президента РФ от 28.04.2008 г. № 607. URL: <http://www.consultant.ru/online/base>.

ФОРМИРОВАНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ

.....

И. В. Мирошниченко¹

В статье рассматриваются проблемы использования сетевой методологии в изучении публичной политики. Обосновывая потребность интеграции теоретического моделирования и эмпирических исследований, автор анализирует особенности формирования субъектности сетевых сообществ на различных уровнях и стадиях публичной политики в России.

Ключевые слова: сетевые сообщества, публичная политика, online- и offline-пространство, формирование политической субъектности, гражданское общество, мобилизация протеста, инкорпорирование в процесс принятия решений.

In article is studying problems of network methodology in a public policy. Argue the need for integration of theoretical modeling and empirical research, the author analyzes features of network community's subjects formation at various levels and stages of a public policy in Russia.

Key words: network community, public policy, online and offline environment, subjects formation, civil society, protest mobilization, incorporating in policy making process.

Изучение публичной политики как одно из быстро развивающихся направлений прикладной политической науки чрезвычайно востребовано в решении актуальных политических проблем. В то же время исследование феномена российской публичной политики предполагает создание адекватных политической действительности концептуальных моделей и инструментов научного анализа, позволяющих интегрировать теоретико-методологические разработки с эмпирическими исследованиями.

¹ Мирошниченко Инна Валерьевна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: mirinna78@mail.ru

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ № 11-03-00519а «Конструктивный потенциал социальных сетей в сфере публичной политики в условиях модернизации современного российского общества».

В современной политической науке сложилось несколько методологических подходов к содержательному наполнению термина «публичная политика». В американской традиции публичная политика определяется «как относительно стабильный целевой курс действий, которому следует правительство при решении некоторых проблем и вопросов» [3, с. 12]. В данном случае публичная политика встраивается в процесс формирования и реализации государственной политики с учетом общественных запросов.

Европейская традиция исследования публичной политики основана на концепции публичной сферы, заложенной в работах немецких ученых Ю. Хабермаса и Х. Арендт. Системообразующим основанием развития публичной сферы Ю. Хабермас считает способность людей формировать политическое сообщество или политическую публику, принимать участие в обсуждении значимых для общества проблем. «Публичная сфера понимается как особая коммуникативная среда, где рождается общественное мнение, которое выполняет функцию критики и контроля по отношению к государству» [15, с. 46]. Данный концепт получил свое дальнейшее развитие в отечественной политической науке. Ю. А. Красин определяет публичную сферу как пространство «реализации присущих любому обществу коммунитарных интересов» [16, с. 16], куда входят акторы, которые не вовлечены непосредственно в процесс реализации властных функций. Как отмечает Т. А. Алексеева, публичная сфера приобретает политическое измерение, когда интересы общества направлены на деятельность государства [1, с. 145].

Ряд отечественных исследователей, интегрируя различные теоретические подходы, характеризуют публичную политику как «деятельность органов власти, направленную на решение значимых для населения проблем и осуществляемую с участием структур гражданского общества... Это процесс открытого достижения согласия власти и общества» в решении социальных проблем» [4, с. 23]. Л. И. Никовская под публичной политикой понимает «программы и приоритеты органов власти, а также механизмы и технологии их реализации, выработанные на основе и с учетом ожиданий социальных групп общества через их представителей», что тесно связано общественным участием в принятии властных решений [23, с. 123].

Описывая методологию исследования публичной политики в российской политической науке, М. Н. Кондрашина выделила следующие характеристики публичной политики, которые «могут стать узловыми точками анализа:

- коммуникационный процесс, поскольку публичная политика, на каком бы уровне развития она ни находилась в той или иной стране, всегда представляет собой информационное взаимодействие;
- открытость, которая означает доступность публичного пространства для определенного круга субъектов (общественных институтов, граждан,

СМИ, государства и т. д.) и максимальное свободное циркулирование информации;

— обеспечение условий для участия граждан в политическом процессе, в том числе через создание дискуссионных площадок и формирование общественного мнения;

— содержательная направленность на формулирование и реализацию общественных интересов в целях достижения общего блага» [15, с. 46].

Появление и развитие концепта публичной политики в российской политической науке было обусловлено потребностью расширить пространство публичной сферы в условиях социально-экономических и политических преобразований, которая актуализируется сегодня как со стороны экспертного сообщества, так и институтов гражданского общества. Пытаясь примерить на объективную политическую реальность различные теоретические подходы, российские ученые создали национальную модель публичной политики, которая является скорее отражением нормативных представлений, чем эмпирических исследований.

Сетевая методология открывает новые возможности для теоретического моделирования и эмпирических исследований современной публичной политики. Как отмечает Д. Дзола, сетевой анализ публичной политики позволит учесть сложность и многосоставность социально-политических процессов [10, с. 35-37]. Основанием для интеграции сетевого анализа в сферу публичной политики служит когнитивная конструкция формирования субъектности сетевых сообществ в сфере публичной политики, которая позволяет рассматривать взаимообусловленность ряда аспектов.

Во-первых, актуализацию политической субъектности социальных сетей, способствующих возникновению позитивных и негативных экстерналий эффектов в политическом пространстве [22, с. 60-76]. Позитивные сетевые эффекты связаны с процессом формирования и развития гражданского общества посредством мобилизации социального капитала горизонтальных сетевых структур. Развивая традиции, заложенные Р. Патнэмом, ряд зарубежных исследователей проецируют проблему гражданского участия на социальные сети незападных политических систем и развивающихся по пути демократии обществ [см.: 34]. В случае ослабления политических партий и иных институционализированных структур способность социальных сетей выдвигать эффективные требования и санкционировать действия органов властей остается ограниченной. Кроме того, отсутствие дееспособных медиативных агентов ведет к негативным экстерналий эффектам актуализации социальных сетей в политическом процессе. Впоследствии в интерпретации М. Олсона данные эффекты были определены как «негативный социальный капитал», или социальные связи, препятствующие политическому и экономическому процветанию государства [2, с. 92-114].

Во-вторых, динамику и характер институционализации социальных сетей в сферу публичной политики в online- и offline-пространстве. Большинство политологических работ, выполненных в рамках сетевого подхода, описывают структуру политических сетей, действующих в секторе госуправления, оставляя без внимания вопросы, связанные с их инкорпорированием в процесс принятия политико-управленческих решений, оценки взаимосвязи конструктивных практик и уровня институционализации сетевых структур в современном политическом пространстве.

Для исследования публичной политики этот подход приобретает еще большее значение в результате того, что «государственная политика сегодня включена во все шире разветвляющуюся и все более плотную сеть транснациональных и внутриобщественных зависимостей и договорных отношений» [36, с. 621]. Как отмечает М. Кастельс, сетевая форма общественной организации, в том числе и публичной политики, становится доминирующей, образуя новую общественную морфологию, где «власть структуры оказывается сильнее структуры власти» [13, с. 492].

Процесс формирования политической субъектности сетевых сообществ имеет многоуровневый характер, обусловленный сложностью феномена публичной политики. При этом под сетевыми сообществами понимается совокупность социальных взаимоотношений, социальных связей, действующих в различных средах (offline и online) между определенными индивидами, и самих индивидов, позволяющих обмениваться различными видами ресурсов в процессе их взаимодействия.

Элементы публичной политики, которые интерпретируются в различных теоретических концепциях, объединены Ж.-А. Ле Муанем в системную модель публичной политики, основанную на трудах Д. Истона и Ж.-В. Лапьерра [см.: 33]. Согласно данному подходу публичная политика — это совокупность действий, ориентированных на решение публичной проблемы в окружении политической системы [11, с. 28]. Развивая положения данного подхода, можно выделить следующие уровни публичной политики, в которых формируются различные типы политической субъектности сетевых сообществ:

- внешнее и внутреннее окружение публичной политики;
- коммуникативные площадки на «входе» и «выходе» политической системы;
- процесс разработки и реализации программ политического действия органами власти, направленный на реализацию публичных проблем.

Первый уровень представляет собой внешнее и внутреннее окружение, включающее в себя гражданское общество и являющееся источником публичного начала в тех проблемах, на решение которых нацелена публичная политика. Гражданское общество как внутреннее и внешнее окружение пу-

бличной политики выполняет функцию связующего звена между личностью и государством, частной и публичной сферами, частными и общими интересами. В данном случае под гражданским обществом понимается среда, которая способствует формированию действенных солидарностей и складывающихся на ее основе формах самоорганизации и гражданской активности [18, с. 14-15]. Переход от межличностных взаимодействий (внешнее окружение публичной политики) к отношениям общественных организаций и государства (внутреннее окружение публичной политики) происходит в результате образования социальных сетей, действующих на основе доверия, что в свою очередь является социальным капиталом. Так, Ф. Фукуяма в качестве индикаторов развития гражданского общества рассматривает на примере исследования «Янки Сити» включенность граждан в различные сетевые сообщества, где в общине из 17000 членов было насчитано 22000 различных общественных групп [29, с. 86]. Плотность горизонтальных сетевых отношений обеспечивает доверие не только к ближайшему социальному окружению, но и к институтам власти и позитивной оценке их роли в поддержке общественного доверия. Социальный капитал как система сетевых отношений солидарности, помощи, поддержки и взаимного сотрудничества способствует мобилизации гражданского участия и созданию общественных организаций с целью развития сообщества в целом [6, с. 149]. Исследователи выделяют следующие разновидности солидарных действий, основанных на социальном капитале и типичных для России: 1) взаимную помощь, оказываемую в режиме межличностного взаимодействия, не предполагающую образование коллективного субъекта; 2) объединение для решения собственных проблем, предполагающее образование *ad hoc* коллективного субъекта «малого радиуса действия»; 3) объединение для решения общественных проблем, предполагающее общественно значимое гражданское действие и формирование устойчивого социального субъекта [24, с. 301]. Для первого действия характерны реальное включение и готовность граждан участвовать в социальных сетях поддержки. Результаты серии крупномасштабных опросов, проведенных ФОМ осенью 2007 г., показывают, что в результате родственных и дружественных связей была получена помощь соответственно 79,7 и 68% респондентов. В свою очередь сети поддержки служат предпосылками создания НКО как аккумулятора социального капитала и механизма, упрощающего коммуникации между индивидами и властными структурами [8, с. 69-73]. Последние два типа солидарных действий способствуют институционализации гражданских объединений (общественных движений и НКО) и формированию потенциальных субъектов сетевых сообществ в сфере публичной политики, которые могут дифференцироваться в зависимости от социальных различий и видов социального неравенства: социально-экономического, экологического, этнического, социокультурного, политического, неравенств, связанных со степенью мобильности населения (миграционными потоками), доступом к информации и включенностью в гло-

бализационные процессы [30, с. 265-280]. При этом под потенциальными политическими субъектами понимаются сообщества, обладающие определенными ресурсами (капиталами), сформулированными потребностями и интересами, но не имеющие внутренних (мобилизационного потенциала) или внешних оснований (условий, обстоятельств), которые могли бы способствовать политическим действиям [20, с. 58].

Актуализация политической субъектности гражданских инициатив/объединений происходит на втором уровне публичной политики, который характеризуется информационно-коммуникативными процессами, связанными с формированием общественного мнения на «входе» и «выходе» политической системы. «Вход» и «выход» политической системы соответствуют «окантовочным», коммуникативным составляющим процесса публичной политики, который состоит из нескольких стадий: 1) стадии составления политической повестки дня (определение приоритетных общественных проблем и включения в официальную повестку публичной политики); 2) стадии формирования политики (процесса разработки политики, на которой официально выдвинутые предложения прорабатываются и принимаются/отвергаются должностными лицами); 3) стадии реализации политики (процесс проведения в жизнь определенных политических решений); 4) стадии оценки политики (анализ публичной политики с целью определения того, насколько она успешна). Учет процессуального компонента в научном анализе публичной политики весьма значим, так как позволяет не только выявить состав задействованных в ней участников, но и процедуры, используемые для принятия решений, и степень сотрудничества или конфликтности, которые им обычно сопутствуют [9, с. 528].

На «входе» политической системы происходит агрегация и артикуляция интересов сетевых сообществ и их встраивание в качестве политических акторов в коммуникативную площадку публичной политики соответствующей стадии — «составление политической повестки дня». На «выходе» сетевые сообщества, включаясь стадию оценки политики, оценивают эффективность деятельности органов власти по решению актуализируемых ими общественных проблем. Следует отметить, что основной тенденцией функционирования публичной сферы в компаративном срезе является интернетизация, которая способствует усложнению информационно-коммуникативного взаимодействия субъектов публичной политики. Коммуникативные площадки на «входе» и «выходе» политической системы отражаются в online-пространстве публичной политики. Н. А. Рябченко определяет online-пространство публичной политики как совокупность спроектированных пользователями систем, основанных на применении технологиях web 2.0 и web 3.0, отражающих offline-пространство публичной политики, а также создающих и расширяющих единое информационно-коммуникативное пространство публичной сферы. [27,

с. 376-382]. Функционирование online-пространства публичной политики обусловило следующие узловые точки в актуализации политической субъектности сетевых сообществ: а) с развитием блогосферы и online-социальных сетей происходит усложнение сетевой структуры российского общества и формирование новых сетей поддержки; б) создание на коммуникативных площадках публичной политики интерактивной среды «медиакомьюнити», способствующей не только формированию принципиально новых информационных возможностей для политических дискуссий и участия, но и конституированию новых групп и контргрупп политической сетевой общественности; в) мобилизация сетевой общественности посредством интернет-технологий, которые способствуют институционализации политической субъектности в offline-пространстве публичной политики [см.: 19; 31].

В условиях закрытости российской политики Интернет становится инструментом мобилизации сетевой общественности и организации протестных действий в публичной сфере. Институционализация политической субъектности сетевых сообществ на этом уровне в большей степени носит мобилизационный характер и приобретает партисипационную форму субъектности публичной политики (в качестве постоянно действующего субъекта политических отношений, практически использующего свои ресурсы в целях изменения характера функционирования государственной власти и управления) при объединении с сильноресурсными политическими субъектами (политическими партиями, элитными группами и т. д.).

На третьем уровне публичной политики происходит процесс разработки и реализации программы политического действия органами власти, направленный на реализацию публичных проблем: политическая субъектность сетевых сообществ актуализируется через механизмы инкорпорирования в стадии формирования и реализации публичной политики, т. е. осуществляется процесс принятия государственных решений. Рассмотрим эти механизмы подробнее.

1. *Рекрутирование элит на основе местнических сетей (земляческих, этнических, мигрантских и т. д.)*, когда представительство интересов сводится к включению в процесс принятия решения членов социальных сетей путем обретения ими бюрократического капитала. Тогда горизонтальные сетевые взаимодействия, основанные на доверии, могут трансформироваться в патрон-клиентарные формы, где доверие выстраивается на основе уже иерархических принципов «авторитет — подчинение». К ним мы можем отнести криминально-мафиозные группировки, тюремные сообщества и патрон-клиентарные отношения в политике, столь распространенные в «плотных» сетевых обществах [2, с. 92-114].

2. *Инкорпорация посредством сетевых форм коррупционных практик*, при которых коррупция выступает альтернативным способом выдвижения

политических интересов. Коррупционные практики получают свое развитие с помощью социальных сетей в условиях дефицита возможностей повлиять на принятие публичных решений. В этих условиях политико-административные решения превращаются в товар (административный рынок), который распространяется с помощью сетевого маркетинга, где сети служат каналами распространения бюрократических услуг. Как указывает Я. Карнаи, дефицит автоматически порождает серые и черные рынки, а их функционирование и защита поддерживаются коррупцией [12, с. 454]. Так, например, созданию механизмов теневой политики и экономики способствуют формы сотрудничества власти и бизнеса по смягчению неблагоприятной институциональной среды. Если интересы сетевого сообщества игнорируются формальной политической системой, то коррупция в этих условиях становится альтернативным каналом политического влияния [5, с. 29-36], с помощью которых возможно воздействие на процесс уже имплементации политического решения.

Инкорпорирование социальных сетей в систему публично-государственной политики посредством сетевых форм рекрутирования политических элит и коррупционных практик способствует формированию политических сетей, используя терминологию Р. Роудза и Д. Марша, «политических сообществ», для которых характерны следующие черты:

- ограниченное число участников с намеренным исключением некоторых групп;
- интенсивное и регулярное взаимодействие всех членов сообщества по поводу любой проблемы, относящейся к государственной политике;
- общность ценностей, чувство причастности и согласие по поводу результатов политики, которое не меняется со временем;
- консенсус, при котором участники придерживаются общей идеологии, общих ценностей и предпочтений, относящихся к государственной политике;
- наличие права обладания ресурсами у всех членов данного сетевого сообщества (их отношения представляют собой либо обмен, либо торг ресурсами);
- равновесие сил, что не всегда предполагает ситуацию, при которой все члены сообщества получают одинаковые преимущества, но все члены всегда считают, что участвуют в игре с положительной суммой;
- иерархическая структура участвующих групп, что позволяет их лидерам гарантировать подчинение [35, с. 176].

Как правило, политико-управленческие сообщества воспроизводят существующий институциональный порядок, ориентируясь при этом на достижение не общественных, а частных интересов.

3. Инкорпорация социальных сетей в систему принятия политических решений с помощью создания институционализированных форм сотрудни-

чества органов власти и сетевого гражданского общества. Как правило, это находит свое отражение в виде функционирования проблемных политических сетей, которые представляют собой «подвижное взаимодействие» акторов, различных по уровню (институционализированные, коллективные, индивидуальные) и по статусу (органы власти, общественность), для решения общественно значимой проблемы в условиях конфликтной ситуации. Основным инструментом согласования различных групп интересов в проблемных сетях служат консультации. М. Липски, называя непосредственное взаимодействие с населением «уличным уровнем» политики, отмечает приближенность к проблемам граждан чиновников низшего звена управления, высокую скорость принятия решений [17]. Наибольшую роль проблемные сети играют на этапах рассмотрения управленческих альтернатив, выдвижения целей и согласования позиций.

4. Краудсорсинг представляет собой механизм инкорпорирования *online-социальных сетей* в процесс принятия политико-управленческих решений. Согласно терминологии американского экономиста Э. фон Хиппеля, краудсорсинг — это «инновация с расчетом на пользователя» [32]. Особенности технологии краудсорсинга в публичной политике заключаются в том, что органы власти (в отличие от экономических субъектов) полагаются на пользователей не только в вопросе формулировки потребностей, но и в определении эффективных управленческих практик, которые бы удовлетворили эти потребности с использованием информационных технологий. Краудсорсинг позволяет интегрироваться членам социальных сетей в экспертное политическое сообщество и продуцировать инновационные проекты, способствующие не только распространению эффективных управленческих практик, но и модернизации отдельных сфер жизнедеятельности человека [21, с. 99-109].

Таким образом, интеграция методологических установок сетевого подхода в эмпирические исследования публичной политики дает возможность расширить научные знания о конструктивном потенциале сетевых структур гражданского общества как в *offline*-, так и в *online*-среде, механизмах их политической мобилизации, институционализации и инкорпорировании в процесс принятия политических решений. Кроме того, сетевая методология как мета-теоретическая конструкция позволяет выйти на практический уровень реализации публичной политики.

Библиографический список

1. Алексеева Т.А. «Публичное» и «частное»: где границы «политического»? // Проблемы и суждения: голоса российской политологии: сб. тр. М.: КДУ, 2004.
2. Алексеенкова Е.С. Когнитивные механизмы интеграции социальных сетей // Полис. 2007. № 3.

3. *Андерсон Дж.* Публичная политика: Введение // Публичная политика: от теории к практике/сост. и науч. ред. Н.Ю. Данилова, О.Ю. Гурова, Н.Г. Жидкова. СПб.: Алетейя, 2008.
4. *Беляева Н. Ю.* Публичная политика в России: сопротивление среды // Полис. 2007. № 1.
5. Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции. СПб.: Алетейя, 2007.
6. *Бузгалин А. В.* Социальный капитал: клей, обеспечивающий устойчивость позднего капитализма, или гексоген в его основании? // Общественные науки и современность. 2011. № 3.
7. *Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
8. *Градосельская Г. В., Петренко Е. С.* Российское гражданское общество: реконструкция по результатам крупномасштабных опросов // Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.
9. *Джанда К.* [и др.] Трудным путем демократии/К. Джанда, М. Берри, Дж. Голдман, В. Хула. М.: РОССПЭН, 2006.
10. *Дзола Д.* Демократия и сложность: реалистический подход. М.; Изд. дом Гос. ун-т — Высшая школа экономики, 2010.
11. *Желтов В. В.* Публичная политика: учеб. пособие. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004.
12. *Карнаи Я.* Дефицит. М.: Наука, 1990.
13. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая индустриальная волна на Западе. М.: Academia, 1999.
14. *Кертман Г. А.* Межличностное доверие в России // Социальная реальность. 2006. № 4.
15. *Кондрашина М. Н.* Публичная политика как поле: к вопросу методологии исследования // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 327 (окт.).
16. *Красин Ю. А.* Российские проблемы публичного // Публичная политика. Приложения. М.: Университет Калгари — Горбачев-фонд, 2005.
17. *Липски М.* «Уличный» уровень бюрократической системы управления: важнейшая роль чиновников данного уровня // Классики теории государственного управления: американская школа. М.: Изд-во МГУ, 2003.
18. *Мерсиянова И. В., Якобсон А. И.* Институционализация гражданского общества и третий сектор // Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.
19. *Мирошниченко И. В.* Конструирование сетевой общественности в цикле online публичной политики // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 4.
20. *Мирошниченко И. В.* Политическая культура социально-профессиональных групп. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006.
21. *Мирошниченко И. В.* Политическое измерение краудсорсинга в условиях модернизации современной России // Экстраординарность, случайность и протест в по-

- литике: тематическое и методологическое поле сравнительных исследований: сб. науч. ст. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2001.
22. Морозова Е. В., Мирошниченко И. В. «Инвесторы политического капитала»: социальные сети в политическом пространстве региона // Полис. 2009. № 2.
 23. Никовская А. И. Публичная политика в современной России: между корпоративно-бюрократическим и гражданско-модернизаторским выбором // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия. М.: РОССПЭН-РАПН, 2008.
 24. Оберемко О. А. Общество как пространство для самоидентификации и гражданского действия // Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.
 25. Олескин А. В. Сеть как метафорический образ культурной онтологии и сетевые структуры в социуме: приложимость к экологической проблематике. URL: <http://iph.ras.ru/~imosk/Seminar/oleskin/Oleskin.htm>
 26. Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения: международные сравнения. М.: СОВПАДЕНИЕ, 1998.
 27. Рябченко Н. А. Online публичная сфера России в преддверии электорального цикла 2011-2012 гг. // Экстраординарность, случайность и протест в политике: тематическое и методологическое поле сравнительных исследований: сб. науч. ст. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2011.
 28. Сморгунув А. В. Сетевая методология исследования политики. URL: <http://politanalysis.narod.ru/smorgunov2.htm>.
 29. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2008.
 30. Халий И. А. Институты гражданского общества в современной России: к методологии изучения // Россия реформирующаяся: ежегодник. М.: ИС РАН, 2007. Вып. 6.
 31. Control + Shift: Публичное и личное в русском Интернете: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
 32. Crowdsourcing. Материал из Википедии — свободной энциклопедии. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Crowdsourcing>
 33. Easton D. A. Systems Analysis of Polical Life. New York, 1965.
 34. Krishna A. Enhancing Political Participation in Democracies: What is the Role of Social Capital? // Comparative Political Studies. 2002. Vol. 35, № 4.
 35. Marsh D., Rhodes R. F. W. Policy Networks in British Government. Oxford, 1992.
 36. Scharpf F. W. Die Handlungsfähigkeit des Staates am Ende des zwanzigsten Jahrhunderts // Politische Vierteljahresschrift. 1991. 32 Jg., Heft 4.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ С НАСЕЛЕНИЕМ РЕГИОНА

.....

С. А. Миронцева, И. С. Башмаков¹

В статье публикуются результаты прикладного исследования символической составляющей информационно-коммуникативного взаимодействия Законодательного Собрания Краснодарского края с населением региона. С помощью методики контент-анализа выпусков информационного приложения ЗСК к городским и районным газетам были выявлены основные смыслы символической политики регионального парламента, а также их значение в информационно-коммуникативном взаимодействии данного органа власти с населением региона.

Ключевые слова: символическая политика, информационно-коммуникативное взаимодействие, Законодательное Собрание Краснодарского края.

The results of applied research of Krasnodar region Legislative Assembly symbolic communication are published in this article. By means of content analysis of the Legislative Assembly informational supplement to regional newspapers chief meanings of Kuban parliament symbolic politics and their significance in communication interaction of this body of power were brought to light.

Key words: symbolic politics, communication interaction, Legislative Assembly of Krasnodar region.

Наряду с передачей фактической информации в коммуникативной подсистеме политики важное значение имеет трансляция смыслов, ценностей и идей. Подобные символические представления соединяют разрозненные части общества, интегрируют его в единое целое, легитимизируют существующий властный порядок, а также имеют важное целеполагающее значение

¹ Миронцева Светлана Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: mirontseva@mail.ru

Башмаков Игорь Станиславович – аспирант кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: igorbash87@mail.ru

Работа выполнена в рамках проекта 6.1134.2011 «Сетевой ландшафт российской публичной политики: проблемы развития и безопасность».

для развития социума. Данную функцию в политической жизни выполняет символическая политика, с помощью которой осуществляется обмен символическими смыслами между властными структурами и рядовыми гражданами. По мнению С. П. Поцелуева, символическая политика представляет собой особый род политической коммуникации, нацеленный не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством визуальных эффектов [14, с. 62]. Как отмечает О. Ю. Малинова, символическая политика является неотъемлемой составляющей политической сферы и заключается в производстве и продвижении определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих [6, с. 8].

К символическим акциям властей можно отнести реформы законодательства, праздничные мероприятия и торжества, обращения к гражданам, поездки по стране, посещение социальных и промышленных объектов, организацию встреч с представителями общественности и т. д. С помощью символической политики представители органов власти транслируют необходимые значения и трактовки политических событий, формируют определенные поведенческие установки. Символические действия и события образуют своеобразную символическую подсистему политики, которая повышает стабильность и управляемость общества, вводит определенные правила и обычаи в политическую жизнь. Большую роль в символической политике играют средства массовой информации. Диалог с населением через СМИ, в том числе с использованием значимых символов и идей, формирование нужных власти представлений и мнений — неперенная задача любого органа управления, во многом определяющая его успешность и популярность у жителей страны или региона.

Информационная деятельность региональных парламентов также выполняет символическую функцию. С помощью различных форм информационно-коммуникативного взаимодействия с гражданами представительная власть может добиваться создания положительного образа регионального Законодательного Собрания, изменять мнение населения о власти и ее деятельности. Например, инструментами символической политики в информационно-коммуникативном взаимодействии с населением могут становиться информационные приложения к местным и региональным газетам, а также рубрики и программы других видов СМИ, посвященные работе органов власти. Данные печатные и интерактивные издания, а также теле- и радиопрограммы служат важными средствами общественно-политического просвещения граждан, увеличения информированности населения о деятельности тех или иных властных структур. Кроме того, они наполнены символическими смыслами и идеями, меняющими представления населения о власти, формирующими чувство удовлетворенности ее деятельностью. Так, А. А. Семёнова, исследуя информационную политику Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, отмечает, что распространение благоприятных новостей о деятельности парламента, решении социальных,

экономических и других проблем способствует продвижению положительного имиджа законодательного органа власти [16, с. 73].

В нашей работе мы попытались исследовать характер и тенденции символической политики Законодательного Собрания Краснодарского края с помощью контент-анализа 18 выпусков информационного приложения к городским и районным газетам «В Законодательном Собрании Краснодарского края», освещающего деятельность данного органа власти. Мы постарались выявить основные темы приложения, символические смыслы, транслируемые читателям, а также попытались проследить динамику и тенденции изменения информационной политики ЗСК края.

Объем выборки контент-анализа (информационные приложения второго полугодия 2010 и первого 2011 г.) был обусловлен необходимостью выявить устойчивые черты символической политики ЗСК, а также их трансформацию под воздействием тех или иных изменений в политической жизни Краснодарского края. Например, такими событиями могут быть проведение в крае публичных отчетов глав муниципалитетов с февраля 2011 г. и начало предвыборной активности всей властной вертикали. Объединив наиболее часто встречающиеся слова, словосочетания и выражения, относящиеся к деятельности Законодательного Собрания, а также его взаимодействию с другими органами федеральной, региональной и местной власти, в основные категории, мы выявили их добавочное, символическое значение, передаваемое читателям информационного приложения. Так, основными смыслами символической политики ЗСК стали: результативность деятельности власти, внимание власти к мнению и проблемам населения, открытость и доступность власти, а также ее подотчетность и ответственность за жителей края (табл. 1).

Таблица 1

Основные смыслы символической политики ЗСК, их распределение в общем объеме анализируемых единиц

Основные смыслы	Всего упоминаний	Доля в общем объеме, %
Результативность деятельности власти	791	61,7
Внимание к мнению и проблемам населения	298	23,3
Открытость, доступность власти	102	8
Подотчетность, ответственность власти	89	7
Всего	1280	100

Итак, самым обширным по результатам контент-анализа оказался блок значений, объединенный общим смыслом — результативностью работы власти. Действительно, первоочередной задачей в информационной политике власти является донесение до населения успехов и результатов действий власти, всестороннее освещение деятельности органа управления. Одновременно с этим

символически подчеркивается решительность и активность представителей власти, их труд на благо жителей региона, необходимость сохранения существующего политического курса и элиты.

При этом в категории «результативность деятельности власти» мы выделили наиболее часто освещаемые моменты в работе Законодательного Собрания края, объединив их в подкатегории: «решительность и активность власти», «успехи власти», «финансовые расходы и помощь власти», «анализ проблем и контроль над ситуацией в регионе» (табл. 2).

Таблица 2

Основные смыслы категории «результативность деятельности власти». Их доля в общем объеме единиц категории

Основные смыслы	Всего упоминаний	Доля в общем объеме, %
Успехи власти	251	31,7
Финансовые расходы и помощь власти	217	27,4
Решительность и активность власти	178	22,5
Анализ проблем и контроль над ситуацией в регионе	145	18,3
Всего	791	100

Как видно из табл. 2, самое большее внимание в информационном приложении уделяется подкатегории «успехи власти». К ней мы отнесли констатацию положительного результата работы власти, сообщения о решенных проблемах, задачах, с которыми предстоит справиться, а также упоминание позитивных изменений, произошедших при участии Законодательного Собрания края. Например, в одном из выпусков приложения говорится о большом успехе реализации краевых целевых программ: «Благодаря их действию решены ключевые социально-экономические проблемы. Многое сделано в таких важнейших сферах, как здравоохранение, образование, сельское хозяйство, социальное обеспечение, культура, развитие инфраструктуры» [5, с. 1].

Также в информационных приложениях важная роль в решении проблем, достижении положительного результата отводится депутатам местного уровня. Так, например, освещается деятельность одного из депутатов Совета муниципального образования: «...из дня в день находит возможность для решения вопросов избирателей...», «...он не собирается менять своей настойчивости в решении проблем избирателей, в достижении положительного результата» [7, с. 4]. Подобным образом описывается деятельность и молодых депутатов Кубани: «Они заявляют о себе конкретными делами, учатся убедительно отстаивать свое мнение, решать проблемы избирателей» [11, с. 3].

Подкатегории «финансовые расходы и помощь власти» также уделяется большое внимание в приложении ЗСК (см. табл. 2). Практически в каждом выпуске присутствует информация о суммах, предусмотренных в бюджете и вы-

деляемых властями на решение социально-экономических проблем региона, финансовой помощи тем или иным категориям граждан. Особенно отмечается социальный характер краевого бюджета: «Главный приоритет краевого бюджета... сохранение стабильности финансового обеспечения социальной сферы, на которую... будет направлено 52 процента ассигнований», «Социальные выплаты получают более 1,5 млн кубанцев» [1, с. 2]. Таким образом, символически подчеркивается забота власти о гражданах, помощь наиболее уязвимым слоям населения.

Кроме мер финансовой помощи, в выпусках приложения часто упоминаются другие формы поддержки, например, создание условий для развития предпринимательской активности в Краснодарском крае: «Она, как известно, в крае существенна. Достаточно сказать, что по созданию делового климата для ведения бизнеса, устранению барьеров и препон на его пути наш регион признан одним из лучших в стране» [13, с. 3]. Освещение мер содействия как отдельным гражданам, так и целым секторам экономики и социальным группам является непременной составляющей информационной политики Законодательного Собрания края, демонстрирует опеку власти над жителями края, стремление создать условия для роста благосостояния граждан, социально-экономического развития региона.

В подкатегорию «решительность и активность власти» мы включили упоминания о мерах и усилиях власти, направленных на изменение проблемных ситуаций в регионе, о повседневной работе органов власти над теми или иными вопросами, а также об инициативах и предложениях представителей власти. Подобные сообщения не только информируют жителей о деятельности органов власти, но и формируют положительный имидж государственных служащих и политического руководства. Символические фразы убеждают читателей в том, что представители власти работают на благо рядовых граждан, прилагают большие усилия в целях улучшения жизни в регионе. Приведем пример: «Надо прилагать особые усилия для применения в малом бизнесе высоких технологий, инноваций... пора, наконец, начинать конкретную и масштабную работу по их использованию» [8, с. 2].

Также нами была выделена подкатегория «анализ проблем и контроль над ситуацией в регионе», объединившая слова и выражения, отражающие внимание чиновников к процессам, происходящим в крае, глубокий анализ его социально-политического положения и контроль как над общей ситуацией в регионе, так и отдельными сферами жизни. Например, в своем выступлении председатель ЗСК В.А. Бекетов говорит о необходимости следить за выполнением краевого Закона «О хлебе»: «Органы власти будут контролировать исполнение закона... Мы добьемся того, чтобы закон работал на всей территории края» [3, с. 1]. Подобный «неусыпный» контроль и мониторинг демонстрируют

защиту интересов граждан, жесткость и эффективность работы власти, создают ощущение безопасности жизни в регионе.

Следует отметить, что в информационном приложении «В Законодательном Собрании Краснодарского края» помимо результативности деятельности власти довольно значительное место отводится выделенной нами категории «внимание к мнению и проблемам населения» (см. табл. 1). Так, большое количество статей приложения посвящено встречам с населением и представителями общественных организаций, работе с обращениями граждан. При этом часто подчеркивается необходимость общественных обсуждений проблем, публичных слушаний важных законопроектов, участия населения в деятельности органов власти. Внимание власти к мнению и проблемам населения символически передается такими фразами, как «замечания и поправки населения будут учтены», «учет пожеланий граждан», «внимательный подход к обращению», «выполнение наказов избирателей».

Очевидно, что в настоящее время большое количество символических действий, обращений власти направлено на демонстрацию новых форм и механизмов взаимодействия власти и общества. Работа общественных советов, экспертных комиссий, публичных слушаний и обсуждений широко освещается в прессе, в том числе и в приложении к региональным газетам ЗСК. Подобная составляющая информационной политики направлена на привлечение населения к участию в государственном управлении, повышение общественно-политической активности граждан. Так, комментируя программу модернизации здравоохранения, председатель ЗСК В. А. Бекетов делает следующее заявление: «Хочу призвать специалистов здравоохранения активно включиться в этот процесс... Обсуждайте положения проекта, вносите свои предложения...» [15, с. 1]. Одновременно подобные символические обращения формируют образ власти, беспокоящейся о своих гражданах, стремящейся прислушаться к мнению жителей, что ясно вытекает из следующего изречения В. А. Бекетова: «Когда можно получить результат?.. Когда власть слышит население, а население власть... Все поднятые вопросы мы ставим на контроль...» [4, с. 1].

На демонстрацию налаживания взаимодействия власти и населения направлено значение и других смысловых единиц, анализируемых в нашей работе. Так, к категории «открытость, доступность власти» мы отнесли слова и выражения, символизирующие гласность и публичность административных структур, ее заботу о своевременном и полном информировании граждан, всестороннем освещении деятельности власти. Как отмечает А. А. Семёнова, позитивный имидж, включающий компоненты открытости, прозрачности работы Законодательного Собрания, способны укрепить доверие населения [16, с. 74]. Например, в одном из выпусков информационного приложения сообщается, что в ходе встреч с председателем Законодательного Собрания края жители «узнают о работе, которую депутаты провели... получают информацию о том,

как решались вопросы, поднятые ими... Во время такого общения избиратели имеют возможность спросить о наболевшем...» [12, с. 2]. Читателей убеждают в доступности власти, открытости для вопросов и замечаний со стороны населения. В приложении встречаются фразы о том, что на встречах с населением или во время общественных обсуждений «каждый желающий мог выступить», «задать вопросы», «высказать мнение», «внести корректировки» и т. д.

Со смысловым блоком открытости власти тесно связана еще одна выделенная нами тема, а именно «подотчетность и ответственность власти», которая также находит свое отражение в текстах приложения Законодательного Собрания края. Так, встречаются упоминания о недочетах и недостатках власти. Чаще всего это относится к деятельности местной власти, наиболее близкой к населению: «...если люди обращаются к нам, а они, как правило, это делают, когда не смогли решить вопрос на месте, значит, это можно расценивать как определенную недоработку местных властей (В. А. Бекетов)» [2, с. 1]. Также часто отмечаются необходимость ответственного подхода представителей власти к работе, повышенные ожидания со стороны общества. Вот как комментирует особенности работы в качестве депутата В. А. Бекетов: «...к тебе предъявляются повышенные требования со стороны всего общества, и ты не имеешь права обмануть ожидания людей, которые тебе оказали доверие» [10, с. 1]. Таким образом, с помощью тем ответственности и подотчетности власти создается образ добросовестного политика, открытого для критики и работающего над недостатками в своей работе.

Отметим, что в приложениях большое внимание уделяется проведению отчетов местных глав перед законодательными органами районов и городов края, введенных по поручению Президента РФ. По инициативе губернатора Кубани А. Н. Ткачева и председателя ЗСК В. А. Бекетова данные отчеты превратились в открытые сессии муниципальных парламентов с участием депутатов ЗСК, вице-губернаторов, местной общественности и рядовых жителей. Данные мероприятия, особенно в крупнейших городах Краснодарского края, проходящие при участии первых лиц региона, а также их широкое освещение в прессе демонстрируют открытость и подотчетность власти, контроль над деятельностью местных глав, ответственных за благополучие территорий, а также учет мнений и пожеланий рядовых граждан. Приведем пример символических выражений из приложения ЗСК на данную тему: «...жители городов и районов положительно восприняли и поддержали новую форму работы власти и то, что она становится более открытой, доступной и подотчетной народу» [9, с. 1]. Более того, в заметках об открытых сессиях употребляются такие образные выражения, как «экзамен власти», «власть держит отчет», «оценка работы власти» и т. д.

Проведенный нами контент-анализ показывает, что за исследуемый промежуток времени (2-е полугодие 2010 г., 1-е полугодие 2011 г.) объем смысло-

вых единиц, относящихся к категориям «открытость, доступность власти» и «подотчетность, ответственность власти», увеличился. Это свидетельствует о том, что данные темы становятся все более важными элементами символической политики власти. Наличие подобных смыслов в символической политике, а также частое упоминание в СМИ таких новых форм взаимодействия с гражданами, как открытые сессии и публичные отчеты местных властей, могут быть объяснены, во-первых, начавшейся предвыборной активностью партии власти в регионах, всячески стремящейся повысить свою популярность у населения, во-вторых, стремлением руководства страны и региона продемонстрировать общественности свою приверженность принципам гражданского участия в управлении. Так, в первом полугодии 2011 г. совокупный объем двух упомянутых категорий составил около 20%. Увеличение доли данных категорий наблюдается даже, несмотря на общее уменьшение исследуемых единиц (табл. 3).

Таблица 3

Изменения в объемах символических смыслов

Основные смыслы	Кол-во упоминаний (2-е полугодие 2010 г.)	Доля в общем объеме (2-е полугодие 2010 г.), %	Кол-во упоминаний (1-е полугодие 2011 г.)	Доля в общем объеме (1-е полугодие 2010 г.), %
Результативность деятельности власти	474	65,5	317	56,9
Внимание к мнению и проблемам населения	171	23,6	127	22,8
Открытость, доступность власти	42	5,8	60	10,8
Подотчетность, ответственность власти	37	5,1	52	9,5
Всего	724	100	556	100

По результатам проведенного контент-анализа выпусков информационного приложения Законодательного Собрания Краснодарского края к районным и региональным газетам можно сделать вывод о том, что символическая политика играет важную роль в информационно-коммуникативном взаимодействии данного органа власти с населением региона. На страницах печатного издания можно встретить целый ряд символических смыслов, относящихся к работе регионального парламента, направленных на изменение восприятия власти со стороны жителей края. Сообщения и новости о деятельности депутатов призваны убедить читателей в действенности регионального парламента и всей властной вертикали, положительных результатах работы народных избранников, их активном взаимодействии с населением региона. Так, в ин-

формационном приложении ЗСК большое внимание уделяется констатации успехов кубанского парламента и решенным при его участии проблемам, а также сообщениям об оказанной помощи населению. Вместе с тем часто упоминаются усилия депутатов и председателя ЗСК по улучшению социально-экономического положения края, контролю над общей ситуацией в регионе. Таким образом, с помощью перечисления многочисленных заслуг и задач власти символически передается результативность ее деятельности, решительность и активность представителей власти, их труд на благо жителей региона, стремление создать условия для процветания Кубани.

Важную смысловую нагрузку также несет тема внимания к мнению и проблемам населения, которая формирует образ власти, опекающей своих граждан, поощряющей их участие в общественно-политической жизни региона. Кроме того, в ходе исследования нами были выделены смысловые блоки, относящиеся к открытости и доступности власти, а также ее подотчетности и ответственности, которые символически подчеркивают прозрачность, откровенность и самокритичность власти, демонстрируют налаживание взаимоотношений власти и общества в регионе. Увеличение объема упоминаний анализируемых единиц данной категории свидетельствует о важности этой темы для общественно-политической жизни как Краснодарского края, так и России в целом. В своей совокупности перечисленные символические смыслы призваны формировать положительный имидж кубанского парламента и региональной власти, повышать их легитимность, а также усиливать воздействие передаваемой в выпусках приложения ЗСК информации на сознание жителей региона.

Библиографический список

1. Бюджет: вложения в будущее // В Законодательном Собрании Краснодарского края (информационное приложение к городским и районным газетам). 2010. № 17.
2. Внимательный подход — к каждому обращению // В Законодательном Собрании Краснодарского края (информационное приложение к городским и районным газетам). 2010. № 11.
3. Все решения — важные // В Законодательном Собрании Краснодарского края (информационное приложение к городским и районным газетам). 2011. № 5.
4. Избиратели и власть: продолжение диалога // В Законодательном Собрании Краснодарского края (информационное приложение к городским и районным газетам). 2010. № 18.
5. Максимально учитывать пожелания населения // В Законодательном Собрании Краснодарского края (информационное приложение к городским и районным газетам). 2011. № 9.
6. Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 1.

7. *Мишина Т.М.* Когда за словом дело // В Законодательном Собрании Краснодарского края (информационное приложение к городским и районным газетам). 2011. № 8.
8. Новый уровень взаимодействия // В Законодательном Собрании Краснодарского края (информационное приложение к городским и районным газетам). 2010. № 19.
9. Новый формат работы власти поддержан населением // В Законодательном Собрании Краснодарского края (информационное приложение к городским и районным газетам). 2011. № 6.
10. О парламентаризме от первого лица // В Законодательном Собрании Краснодарского края (информационное приложение к городским и районным газетам). 2011. № 8.
11. Оптимизация? Только в разумных пределах // В Законодательном Собрании Краснодарского края (информационное приложение к городским и районным газетам). 2010. № 14.
12. От выставок в домах культуры к кубанской «Зеленой неделе» // В Законодательном Собрании Краснодарского края (информационное приложение к городским и районным газетам). 2011. № 3.
13. Поддержка малого бизнеса будет усилена // В Законодательном Собрании Краснодарского края (информационное приложение к городским и районным газетам). 2010. № 15.
14. *Поцелуев С.П.* Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Политические исследования. 1999. № 5.
15. Разумно тратить и уметь зарабатывать // В Законодательном Собрании Краснодарского края (информационное приложение к городским и районным газетам). 2010. № 13.
16. *Семёнова А. А.* Позитивный имидж Законодательного Собрания Санкт-Петербурга: идеи формирования. URL: http://www.terrahumana.ru/arhiv/10_03/10_03_14.pdf

ЖЕНСКИЕ СООБЩЕСТВА В ONLINE-ПРОСТРАНСТВЕ: «РЕЖИМЫ ВИДИМОСТИ» В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ РФ

.....

А. А. Гнедаш¹

В статье исследуются существующие в России женские online-сообщества, выделяются легитимные и «частично видимые» режимы функционирования женских online-сообществ в рамках публичной политики в online-пространстве. Автор показывает, что online-сфера продолжает оставаться средой, воспроизводящей гендерные стереотипы, и средой, закрепляющей существующие в offline-пространстве патриархальные механизмы.

Ключевые слова: online-социальные сети, блоги, гендер, гендерные стереотипы в online- и offline-пространствах, общественная и приватная сферы, женские online-сообщества, «режимы видимости» в публичной политике.

In this paper is studying the women's online-social community in Russia, the author distinguishes legitimate and «partially visible» regimes of women's online-communities existence within the framework of public policy in the online-space. The author also shows that the online sector continues to be a sphere that reproduces gender stereotypes, and a sphere, which enshrines the patriarchal arrangements are existed in offline space.

Key words: online-social networks, blogs, gender, gender stereotypes in online-and offline-spaces, public and private spheres, women's online-community, «regimes of visibility» in public policy.

Сегодня Рунет считается элитарной и стратифицированной средой [11], в которой доминируют городские и образованные пользователи. Причем наблюдается большой разрыв между крупными городами и пригородными районами, 37 миллионов российских интернет-пользователей составляют менее 40% населения, те, кто выходит в Интернет, делают это довольно часто и весьма неравнодушно к социальным медиа. Так, по статистическим данным [15], доля активных пользователей Интернета, которые постоянно пользуются бло-

¹ Гнедаш Анна Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: anna_gnedash@inbox.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 11-03-00519а «Конструктивный потенциал социальных сетей в сфере публичной политики в условиях модернизации современного российского общества» (2011–2013 гг.).

гами и online-социальными сетями, в России выше, чем в США. Кроме того, те, кто используют сайты online-социальных сетей, гораздо больше вовлечены в это, чем пользователи в других странах [16]. Согласно данным компании Яндекс [3], среднестатистический блогер РФ — 22-летняя девушка, проживающая в г. Москве. Ее блог существует год и девять месяцев, обновляется раз в пять дней. Блоги в среднем ведут 58% женщин и 42% мужчин — пользователей Интернета.

В октябре 2010 г. центр Беркмана опубликовал исследование «Публичный дискурс в российской блогосфере: анализ политики мобилизации в Интернете» [4], которое проводилось в течение двух лет и направлено на изучение роли Интернета в российском обществе. База исследования составила более пяти миллионов блогов, среди которых выделили активное дискуссионное ядро, состоящее из 11 тысяч блогов общественно-политической направленности.

Структура дискуссионного ядра online-пространства России, описанная исследователями центра Беркмана, включает шесть online образований:

- общественный дискурс, ссылающийся на международные источники;
- общественный дискурс, ссылающийся на российские медиа;
- националисты;
- демократическая оппозиция;
- бизнес, экономика и финансы;
- социальный и экологический активизм.

Гендерные показатели только одного кластера — «социальный и экологический активизм» (66,7% женщин, 33,7% мужчин) демонстрируют высокую долю женщин на карте, противоположную общему распределению в других кластерах: 67,3% мужчин и 32,7% женщин. Кластер включает в себя ряд блоггеров из Санкт-Петербурга, которые активно противостояли строительству башни «Газпром»; блоггеров, пишущих об общих проблемах, связанных с сохранением архитектуры городов, садов и общественных зданий. Также присутствуют антифашистские и антиэкстремистские блоги, блоги известных общественных деятелей [4].

С развитием блогов постоянно растет число женщин-блоггеров, это частично можно объяснить тем, что культура написания и работы с дневником присуща женщинам больше, чем мужчинам. Современные блоги как раз и представляют собой дневник как культурный образец по форме и содержанию. Несмотря на то что женщин-блоггеров больше, пользователи предпочитают обращаться к блогам мужчин. Основная причина заключается в выборе тем, на которые пишут в блогах: у мужчин преобладают общественно-политические, у женщин — приватные темы.

Используя метод включенного наблюдения за рейтингами сервисов, предоставляемых компанией Yandex [5], выделим тематические сообщества женской аудитории online-пространства.

Первую и одну из самых многочисленных групп обозначим как «Женские (традиционные) темы»: например, сообщество сайта www.myjulia.ru (сеть функционирует с 2008 г., сервер расположен на территории РФ). Пользователи данного сообщества согласно тегам чаще и активнее всего обсуждают такие темы, как «женщина, любовь, отношения, фото»; на втором месте по обсуждаемости идут темы «дети, рукоделие, кулинария, мода, здоровье»; на третьем — «мужчина, природа, работа». Ежедневно сайт посещают около 75000 пользователей, постоянными ежедневными участниками являются примерно 24000 пользователей. Организаторы позиционируют данную сеть как «женскую социальную сеть myJulia.ru, женский журнал, женское сообщество». В поисковой системе Yandex данная online-сеть определяется следующими ключевыми словами (запросами пользователей): «отпуск», «фото», «ножки»; в поисковой системе Google — «рукоделие», «отношения», «мужчина». Индекс Яндекса ТИЦ² для данного сообщества равен 500.

Аналогичными online-сообществами можно назвать www.myjane.ru («сайт для женщин», посещаемость — около 80000 ежедневных пользователей, Яндекс ТИЦ — 2300, ключевые слова — «дети», «секс», «мой дом»), «www.woman.ru» («женский журнал», посещаемость — около 500000 ежедневных пользователей, Яндекс ТИЦ — 1600, ключевые слова — «рецепты», «секс», «песни») и т. д. В итоге данные online-социальные сети можно определить как свободную от политики и экономики зону online-общения, связанную исключительно с оформлением традиционного женского образа жизни.

Вторую по многочисленности группу можно назвать «Традиционное материнство»: например, сообщество сайта www.baby.ru (сеть функционирует с 1998 г., сервер расположен на территории РФ). Согласно анализу постов пользователи данного сообщества чаще всего обсуждают темы «Роды», «Беременность», «Дети». Ежедневно сайт посещают около 100000 пользователей, постоянными ежедневными участниками являются около 30000 пользователей. Организаторы позиционируют данную сеть как «сеть все для мам и беременных». В поисковой системе Yandex данная online-сеть определяется следующими ключевыми словами (запросами пользователей): «мой ребенок», «дети — это»; в поисковой системе Google — «беременность», «роды», «имена». Индекс Яндекса ТИЦ для данного сообщества равен 1 500.

Сходные сообщества сформированы на сайте «www.materinstvo.ru» («Форум Материнство — беременность, роды, питание, воспитание», посещаемость —

² Яндекс ТИЦ — один из показателей релевантности интернет-ресурса, который определяется поисковой системой Яндекс благодаря внутреннему анализу качества, внешних ссылок на данный ресурс (подробнее см.: [2]).

около 60000 ежедневных пользователей, Яндекс тИЦ — 650, ключевые слова — «материнство», «беременность», «месячные»). Данные online-социальные сети также можно отнести к разряду площадок online-пространства, закрепляющих гендерные роли и разделяющих приватную (для женщин) и публичную (для мужчин) сферы. Еще один отрицательный результат существования данных материнских сетей — исключение пап из семейной и родительской сферы. Эти сети характеризуются большим числом участников с ограниченной степенью взаимозависимости. Данному типу не свойственны такие характеристики, как стабильность и постоянство, их структура имеет склонность к атомистичности.

К наименее численным группам женского сетевого взаимодействия относятся online-сообщества, сформированные женскими политическими и феминистскими интересами: например, «forum.gender.ru», «ravnopravka.ru».

Forum.gender.ru — информационно-просветительский форум научного женского online-сообщества, являющийся ответвлением сайта gender.ru (работает с 1999 г.) — сайта РОО «Московский центр гендерных исследований», существующей с 1990 г. Индекс Яндекс тИЦ равен 300, индивидуальных пользователей с момента регистрации сайта — более 1000 000. Ключевые слова для поиска: «гендер», «права женщин», «гендерное равенство». Данный сайт и форум осуществляют информационное сопровождение offline-деятельности МЦГИ. Подобного рода online-социальные сети, как правило, обладают достаточными интеллектуальными, финансовыми и административными ресурсами. Основные направления деятельности сообществ данного типа: поддержка социальной активности женщин и женского движения; проведение исследований по правам женщин; экспертиза законодательства и социальной политики государства; развитие гендерного просвещения и образования. При поддержке МЦГИ возникло не менее 20 женских организаций: «ЖенСет» (Женская информационная сеть-1990), «Ассоциация независимых женских инициатив» (1991), первый «Кризисный центр для женщин» (Москва, 1993), Союз «Женщины Дона» (Ростов-на-Дону, 1993), а также Тверской, Мурманский, Петрозаводский центры гендерных исследований. В настоящее время многие из этих организаций носят зонтичный характер и включают в себя как индивидуальных, так и коллективных членов.

Ravnopravka.ru — online-сообщество Московской феминистской группы, основанной в 2008 г. и задумывавшейся как «одна из закрытых женских групп роста самосознания, где участницы «лицом к лицу» могли бы обсуждать женский опыт и проблемы гендера». Участницы сети регулярно встречаются в offline-пространстве. Сайт существует с 2011 г. Индекс Яндекс тИЦ равен 0, ежедневная посещаемость — около 70 пользователей. Согласно тегам активнее всего обсуждаются такие темы, как: «Феминизм», «Женское движение», «Известные феминистки», «Маскулинность» и т. д. Данные сообщества зани-

маются обсуждением и защитой прав женщин, борьбой за гендерное равноправие, просветительской деятельностью в области защиты прав и повышения статуса женщины в обществе.

Женские «политические» online-сообщества, встраиваясь в политический процесс, выступают механизмом донесения до государства основных социальных проблем, с которыми сталкивается как женщины в целом, так и мужчины и другие социально-демографические группы. Женские «традиционные/неполитические» online-сообщества замыкаются на внутреннем тематическом цикле и обсуждают только приватные темы, не выходят в offline-пространство для решения своих проблем. Необходимо отметить, что женские «политические» online-сообщества имеют больше ресурсов и каналов для взаимодействия с органами власти, НКО, НПО. Данные сети выходят на более высокий уровень — от непосредственного обсуждения проблемы к ее решению.

В начале 1990-х гг. феминистское сообщество имело противоречивые взгляды на развитие online-пространства [7]. Одна часть исследователей и исследователей называли Интернет сферой деятельности исключительно мужчин [17], и такое восприятие было сформировано под влиянием интерпретации Интернета как суммы технологий. Кроме того, использование женщинами компьютерных технологий и влияние на развитие вычислительной техники было тривиальным [13], в то время как значительные достижения в компьютерной технике были маскулинизированы. Мужчины доминировали в обсуждениях в форумах и в чатах [9], и Интернет считался частью системы, пронизанной гендерным неравенством и отношениями власти, как и в реальном мире. В то же время Интернет был связан с надеждами и ожиданиями солидарности между женщинами, более активно участвующими в социальных сетях. Феминистки обсуждали возможности для развития общественных пространств и изменения границ данных пространств путем удаления границ между государственной и частной сферами [8]. В этой связи Интернет был интерпретирован не как технология, а как среда. Феминистки были вдохновлены постструктуралистской теорией, разработавшей ряд утопических проектов для мира за пределами бинарных отношений полов. В Интернете, как киберфеминисты надеялись, границы между технологией и человеком, а также между мужчинами и женщинами будут разрушаться. В частности, возможности «бестелесного» общения через Интернет и «гендерной замены» в чатах и форумах, где идентичность может быть изобретена заново, сделали Интернет проекционным экраном для постмодернистской теории [6; 19].

Как показали эмпирические исследования зарубежных авторов и наблюдения за общением на форумах, чатах и социальных сетях, в последнее десятилетие, несмотря на то, что «цифровой» гендерный разрыв сведен к минимуму в большинстве развитых стран [10], гендерные роли играют неожиданно важную роль в «бестелесном» взаимодействии. Например, дизайн регистра-

ции и самопрезентации на сайтах таких социальных сетей, как «MySpace», «Facebook», предполагает обязательную актуализацию пользователя как мужчины или женщины. Таким образом, половая бинарность (гетеронормативность) вписывается разработчиками и администраторами как данность. Необходимо отметить и постоянно усиливающуюся в online-пространстве сексуализацию женского тела [1].

Согласно данным некоторых исследователей [12; 18], в современных социальных сетях пользователи активно транслируют традиционные представления о мужественности и женственности. По мнению ученых, негативные высказывания и комментарии допустимы только для пользователей-мужчин, но никак не для пользователей-женщин, что можно интерпретировать как двойной стандарт в online-пространстве [14].

Таким образом, «режимы видимости» женских сообществ в online-пространстве включают три допустимых ракурса: «женщина», «мать», «активистка», причем первых два ракурса намного легитимнее в российском online-пространстве, третий ракурс «активистка» для большинства пользователей носит негативный «флер» женской (несвойственной или ненужной) игры в публичной политике.

Библиографический список

1. Гапова Е. Полный Фуко: тело как поле власти. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/2/ga8.html>
2. Гнедаш А.А., Рябченко Н.А. Гендерная политика online: субъекты, механизмы и проблемы функционирования // Политическая экспертиза. 2011. Т. 7, № 1.
3. Рост блогосферы замедляется. URL: <http://www.seonews.ru/events/detail/43740.php>
4. Центр Беркмана. URL: http://cyber.law.harvard.edu/publications/2010/Public_Discourse_Russian_Blogosphere
5. Яндекс-блоги: рейтинг сервисов. URL: <http://blogs.yandex.ru/services/>
6. Bruckman A. Gender Swapping on the Internet. URL: www.mith2.umd.edu/WomensStudies/Computing/Articles%2BResearchPapers/gender-swapping
7. Carstensen T. Gender Trouble in Web 2.0. Gender perspectives on social network sites, wikis and weblogs. URL: http://www.informatik.unibremen.de/soteg/gict2009/proceedings/GICT2009_Carstensen.pdf
8. Consalvo M., Paasonen S. (eds.). Women & Everyday Uses of the Internet. Agency & Identity. New York: Peter Lang, 2002.
9. Herring S. C. Bringing Familiar Baggage to the New Frontier: Gender Differences in Computer-Mediated Communication. Boston, Allyn & Bacon, 1996.
10. Initiative D21. (N) Onliner Atlas 2008. URL: http://old.initiated21.de/fileadmin/files/08_NOA/NONLINER2008.pdf
11. Internet in Russia. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/smi/smi_int/int0309
12. Kolek E. A., Saunders D. Online disclosure: An empirical examination of undergraduate Facebook profiles // NASPA Journal. 2008. № 45.

13. *Light J.* When Computers were Women. *Technology and Culture*. 1999. №40 (3).
14. *Manago A.M.* [a. o.] Self-presentation and gender on MySpace/A.M. Manago, M.B. Graham, P.M. Greenfield, G. Salimkhan // *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2008. Vol. 29, Is. 6.
15. Russia has World's Most Engaged Social Networking Audience. URL: http://www.comscore.com/Press_Events/Press_Releases/2009/7/Russia_has_World_s_Most_Engaged_Social_Networking_Audience
16. *Soldatova G.* Russian Schoolchildren as Internet Users: Types and Risk Groups. URL: <http://pewInternet.org/Reports/2010/Social-Media-and-Young-Adults/Summary-of-Findings.aspx?r=1>
17. *Spender D.* Nattering on the Net. Toronto: Garamond Press, 1996.
18. *Strano M.M.* User descriptions and interpretations of self-presentation through Facebook profile images // *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*. 2009. February 20. URL: <http://www.cyberpsychology.eu/view.php?cisloclanku=2008110402>
19. *Turkle S.* Life on the Screen. Identity in the Age of the Internet. New York: Simon & Schuster, 1995.

ПРОБЛЕМЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПОГРАНИЧНОГО КОНФЛИКТА МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И УКРАИНОЙ В КЕРЧЕНСКОМ ПРОЛИВЕ

.....

А. В. Баранов¹

В статье дан сравнительный анализ позиций Российской Федерации и Украины в пограничном конфликте в Керченском проливе. Определены причины конфликта и его роль в системе рисков безопасности Черноморского региона. Проанализированы методы урегулирования конфликта.

Ключевые слова: пограничный конфликт, урегулирование, Российская Федерация, Украина, Керченский пролив.

In this article a comparative analysis of the positions of the Russian Federation and Ukraine in border conflict in the Kerch Strait is realized. The causes of the conflict and its role in the security risks the Black Sea region are determined. The methods of resolving the conflict are analysed.

Key words: border conflict, resolving, the Russian Federation, Ukraine, Kerch Strait.

Актуальность темы статьи состоит в том, что глобализация качественно меняет привычное разграничение конфликтов по масштабу. Локальные межгосударственные и внутригосударственные конфликты «повышаются в цене», становятся объектом международного урегулирования [23, с. 172-174]. Особенно часто эффект глокализации проявляется в тех пограничных ареалах, которые могут стать значимыми для межгосударственных коммуникаций и обеспечения безопасности. Пограничные конфликты активизируются между государствами, имеющими конкурирующие либо противоположные геополитические ориентации. Российско-украинский конфликт из-за разграничения Керченского пролива важен для понимания стратегий акторов политики в Черноморском регионе, взаимного геополитического позиционирования РФ и Украины, динамичного баланса локальных факторов в развитии российско-украинских отношений.

¹ Баранов Андрей Владимирович – доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: baranovandrew@mail.ru

Степень научной разработанности темы неравномерна в различных аспектах. Наиболее глубоко исследованы военно-политический баланс сил на Черном море и базирование Черноморского флота РФ в Крыму. Этим вопросам посвящена серия монографий под эгидой Института Европы РАН [3; 8; 31], работы российских политологов С. Р. Гриневецкого, С. С. Жильцова и И. С. Зонна [36; 10], монография В. Н. Рябцева [26]. Точка зрения сторонников нейтралитета Украины и ее сотрудничества с Россией в регионе выражена в работах С. А. Усова [35], С. В. Юрченко [39], В. Ю. Богдановича, Ю. В. Егорова и А. Я. Маначинского [4]. Евроатлантическую ориентацию Украины в проблемах безопасности Черноморского региона аргументируют С. Кулик [20], Д. Штыбликов [37], А. Шелест [44], А. Клименко [43]. Экспертные оценки западных политологов выражены в докладах С. Э. Корнэлла, А. Йонссон, Н. Нильссона и П. Хаггстрёма [41], а также Г. Фликке, Э. Вигена, Х. Блаккисруд, П. Колсто [42], С. Воереля [45], адресованных органам государственной власти стран НАТО.

Вместе с тем ещё создано мало специализированных исследований проблемы статуса Керченского пролива и Азовского моря. Исторический аспект конфликта освещен в статье А. М. Авраменко [1] и публицистической брошюре А. И. Травникова [32]. Состояние конфликта к началу 2007 г. охарактеризовано в статьях А. В. Баранова [2] и А. А. Просёлкова [22]. Но тема почти не изучена с позиций политической конфликтологии.

Эмпирическая основа нашей работы включает в себя такие виды источников, как межгосударственные договоры Российской Федерации и Украины; тексты выступлений политических деятелей обоих государств; статистические данные; материалы периодической печати и интернет-сайтов. Для оценки аргументации сторон конфликта информативны пророссийские сайты www.flot2017.com, www.ruscrimea.org, а также украинские — www.president.org.ua, www.ukraine-foreign-policy.com, www.blackseanews.net, www.nomos.com.ua.

Цель статьи — определить причины пограничного конфликта между Российской Федерацией и Украиной в Керченском проливе (1992-2012 гг.), его роль в системе рисков безопасности Черноморского региона и возможные методы урегулирования.

Предпосылки российско-украинских противоречий по вопросам статуса Керченского пролива и Азовского моря сформировались в ходе распада СССР, когда выяснилась спорность бывших внутригосударственных границ. Российская Федерация стремилась выстроить особые отношения с постсоветскими государствами, включая Украину, исходя из мнения о неизбежности экономической и политической интеграции стран СНГ. Украина, напротив, заняла позицию многовекторности, на деле приводившую к колебаниям между Западом и РФ [14, с. 11]. В геополитическом

аспекте Украина не может быть ведущим актором в системе безопасности Черноморского региона. Участие Украины в программах «Партнерство ради мира» по сотрудничеству с НАТО, «Новое европейское соседство» и «Черноморская синергия» по сотрудничеству с Евросоюзом, «Сообщество демократического выбора» (с участием Грузии, Румынии и других стран) дистанцирует Украину от РФ.

Следует учитывать, что российско-украинский спор все более встраивается в систему геополитического соперничества. Страны НАТО, прежде всего США, являются активными субъектами конструирования новой системы безопасности в Черноморском регионе. Их военно-морской потенциал ныне многократно превосходит российский. Хартия о стратегическом партнерстве между Украиной и США от 19 декабря 2008 г. поставила задачи двустороннего сотрудничества в сфере модернизации газотранспортной инфраструктуры Украины и диверсификации источников ядерного топлива, что уменьшит зависимость от России [11]. Украина регулярно участвует в военно-морских учениях стран НАТО, в региональных системах безопасности — Черноморской военно-морской группе оперативного взаимодействия («Блэксифор») и «Черноморской гармонии». После вступления Румынии и Болгарии в НАТО в этих странах развернуты военно-морские базы и объекты противоракетной обороны. В 2009 г. бывший посол США в Украине С. Пайфер определил цель курса: «Вашингтон не должен и не может отпускать Украину в московскую геополитическую орбиту» [9, с. 109]. При полномасштабных конфликтах между США и Ираном, Грузией и РФ территория Украины превратится в важный компонент военных коммуникаций. Таким образом, локальный пограничный конфликт в Керченском проливе становится для НАТО средством ограничения российского влияния в Крыму и оправдания своего военно-политического влияния.

Статус Керченского пролива и Азовского моря стал объектом конфликта интересов также по экономическим причинам. 65% военных и гражданских судов, проходящих через пролив, следуют под российским флагом [10, с. 136-137]. Ежегодные платежи РФ Украине за использование Керчь-Еникальского канала составляют 15 млн дол. (по сведениям Министерства транспорта РФ) [22, с. 101-102]. Таково следствие разграничения де-факто, по которому Украина контролирует глубоководный фарватер и остров Тузла. Цена вопроса включает также возможную прибыль от добычи 100 млн т нефти и 24 млрд куб. м газа на Прикерченском морском шельфе, а также 98 млрд куб. м газа Палласовского подводного месторождения [24; 19]. За освоение энергоресурсов конкурируют украинский концерн «Черноморнефтегаз» и российский «Газпром». Перспективные запасы энергоресурсов находятся именно в оспариваемой части акватории.

Двусторонние переговоры об урегулировании статуса Керченского пролива и Азовского моря ведутся с 1996 г. 31 мая 1997 г. подписан Договор «О дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной», установивший принцип признания сложившихся межгосударственных границ. В 1998 г. достигнута договоренность о признании Азовского моря внутренним морем России и Украины. Однако каждая сторона продолжала истолковывать этот статус по-своему. Договор «О российско-украинской государственной границе» между РФ и Украиной от 28 января 2003 г. подтвердил, что Азовское море и Керченский пролив являются внутренними водами двух государств [12, с. 590]. Урегулирование статуса смежных морских пространств в Азовском море и Керченском проливе проводится по соглашению между странами и с учетом их позиций. То есть Договор от 28 января 2003 г. зафиксировал нерешенность проблемы и вместе с тем недопустимость одностороннего установления границы.

Локальный конфликт по вопросу принадлежности острова Тузла в Керченском проливе (осень 2003 г.) активизировал переговоры. 24 декабря 2003 г. президенты двух государств подписали Договор «О сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива» и Совместное заявление по Азовскому морю и Керченскому проливу [13]. Эти документы содержат ряд важных положений. Они закрепляют за Азово-Керченской акваторией статус внутренних вод двух государств, устанавливают свободу судоходства для их флотов и запрещают вход в Керченский пролив и Азовское море военных кораблей третьих стран без согласия РФ и Украины, признают необходимость сохранения акватории как целостного экономического и природного комплекса, используемого в интересах двух стран.

Рассмотрим в сравнении позиции сторон конфликта. Российская Федерация настаивает на том, что Азово-Керченская акватория как единый объект находится в общем пользовании двух стран, морское пространство не подлежит разграничению, контроль и управление за навигацией совместны [6; 25]. Это означает, что доходы от эксплуатации Керчь-Еникальского канала должны быть разделены поровну между РФ и Украиной. Морское дно может быть по двустороннему договору разделено на зоны преимущественных либо исключительных прав России и Украины в недропользовании. Позиция РФ основана на тезисе, что в СССР внутренние морские воды не разграничивались и находились в общем пользовании союзных республик. Следовательно, межгосударственная граница РФ и Украины на водной поверхности и шельфе устанавливается впервые. Статус же спорных сухопутных участков (остров Тузла и др.) должен быть урегулирован отдельным соглашением.

Украина, напротив, полагает, что Азовское море и Керченский пролив должны быть разделены как по водной поверхности, так и по шельфу на основе административных границ советского периода. МИД Украины ссылается

на Распоряжение Президента Украины от 6 августа 1999 г., установившее в одностороннем порядке линию охраны государственной границы в Азовском и Черном морях, Керченском проливе [27]. РФ не признает данный акт, противоречащий двусторонним договорам. На переговорах 2006 г. дипломаты Украины предложили коренным образом изменить статус Азово-Керченской акватории, перевести ее под международную юрисдикцию. Это создало бы возможность допуска в Азовское море кораблей третьих стран без согласия РФ [7]. Украинский эксперт Р. Юнусов предлагал разграничить Азовское море и Керченский пролив в одностороннем порядке на основе законопроекта «О внутренних водах, территориальном море и прилегающей зоне Украины», принятого в первом чтении Верховной Радой еще в 2003 г. [38].

Стороны конфликта спорят также о выборе исходной точки разграничения Керченского пролива по методу срединной линии. Россия в соответствии с нормами международного права требует провести границу ближе к украинскому берегу на линии, соединяющей мысы Железный Рог (Тамань) и Кыз-Аул (Крым). Украина смещает эту линию к середине пролива, включая в свою пользу основной фарватер и остров Тузла. Подчеркнем, что международное право с 1969 г. допускает не только принцип равноудаленности от берегов спорящих государств, но и правило равноправного соглашения. С тех пор только 40% межгосударственных соглашений о разграничении морских акваторий применяют принцип равноудаленности (в той или иной степени) [22, с. 99-100].

Победа на президентских выборах 2010 г. в Украине В.Ф. Януковича породила надежды на урегулирование пограничного конфликта. Харьковское Соглашение РФ и Украины (апрель 2010 г.) продлило пребывание российского Черноморского флота в Крыму до 2047 г. Принято решение построить мост через Керченский пролив, активизировать приграничные межрегиональные связи. Но неоправданно рассматривать данный акт как победу российской дипломатии. Он означал новый компромисс, так как увязывал сохранение Севастопольской базы ЧФ РФ с ценой за газовый транзит [30, с. 74]. Не меньшее значение имело Соглашение о демаркации границы между РФ и Украиной от 17 мая 2010 г. [29]. Дело в том, что обе страны заинтересованы в переходе на безвизовый режим со странами Евросоюза, для чего требовалась демаркация границ. Но влияние Соглашения о демаркации на пограничное урегулирование противоречиво. Ускорив переговоры, данный акт одновременно сделал более зримыми претензии сторон друг к другу.

Характерно, что общественное мнение Украины позитивно отнеслось к Харьковским соглашениям и сближению позиций двух стран. В апреле 2010 г. Институт Горшенина (г. Киев) провел телефонный опрос 1000 респондентов во всех областных центрах, г. Киеве и Севастополе [34]. 56,4% респондентов одобрили то, что российский Черноморский флот останется в Крыму до 2047 г. Отрицательно оценивали сохранение флота 37,0% респондентов.

Большая часть опрошенных (43,3%) считала, что в итоге Харьковских соглашений выиграли обе страны. 60,5% не видели в договоре угрозы суверенитету Украины, а усматривали угрозу суверенитету 31,8%. По мнению половины респондентов (49,0%), после подписания договора отношения между Россией и Украиной укрепятся. Позитивные ожидания вместе с тем прагматичны. Рассчитывали на то, что Украина будет получать дешевый газ, 37,5% респондентов. Столько же считали, что это приведет к позитивным сдвигам в украинской экономике. Негативные ожидания, напротив, носили политизированный характер. Предполагали усиление влияния РФ на политику Украины 32,1% опрошенных. 26,5% думали, что у населения Крыма возникнет желание принять гражданство РФ. Опасались междоусобных конфликтов в Крыму 22,6% респондентов, а того, что Крым перейдет в собственность России, — 21,9%. Итак, в общественном мнении Украины проявилось отчетливое размежевание на сторонников и противников компромисса в пограничных конфликтах с РФ, причем сторонники компромисса преобладают.

Политические партии и блоки Украины занимают весьма контрастные позиции по проблеме статуса Керченского пролива и Азовского моря. Кроссийской точке зрения близки позиции левых партий — Коммунистической партии Украины, Прогрессивной социалистической партии, Русского движения Крыма и движения «Севастополь — Крым — Россия» [18]. Но они маргинальны по влиянию в украинском обществе. Правящая с 2010 г. Партия регионов и Президент Украины В. Ф. Янукович лавируют и продолжают в смягченных формах политику своих предшественников [28]. Партии правоцентристской оппозиции «Батькивщина», Фронт перемен, «Свобода» и др. отстаивают курс превращения Азовского моря и Керченского пролива в открытые для третьих стран [5; 33].

Поскольку политическая система страны нестабильна, накануне парламентских выборов (октябрь 2012 г.) позиция Украины в конфликте станет более неустойчивой и конъюнктурной. Корпорации и группы интересов Восточной Украины, получившие власть, заинтересованы в росте электоральной поддержки Партии регионов и В. Ф. Януковича на западе и в центре страны. Они не оспаривают необходимость евроатлантической ориентации Украины, ее вступления в Евросоюз и НАТО. Уступки в сфере газового транзита и военно-промышленного сотрудничества с РФ ограниченные и вынужденные. Следовательно, разрешение пограничного конфликта по вопросу статуса Керченского пролива и Азовского моря для элит и органов государственной власти Украины носит соподчиненный характер. Налицо разрыв между общественным мнением страны и политическими ориентациями элит.

Развитие переговоров о статусе Керченского пролива и Азовского моря в 2010-2011 гг. доказало, что обе страны соподчиняют решение проблемы более глобальным аспектам взаимоотношений.

В развитии переговоров после харьковских соглашений можно выделить два этапа по степени конфликтности позиций. На первом из них (до августа 2011 г.) РФ и Украина демонстрировали сближение взглядов и декларировали быстрое разрешение всех вопросов. Судя по сообщениям периодической печати, группа украинских экспертов готова была сместить линию границы в Керченском проливе к берегу Крыма, предоставить для российских судов гарантии свободы судоходства по Керчь-Еникальскому каналу и не допускать в Азовское море суда третьих стран без взаимного согласия. Но министр иностранных дел Украины К. Грищенко опроверг эту информацию, хотя и признал существенное сближение позиций сторон [11; 21].

Официальный представитель МИД РФ А. Лукашевич и посол РФ в Украине М. Зурабов объявили, что Россия стремится к созданию совместной госкорпорации по управлению Керченским проливом. Предполагалась разработка нефтяных и газовых месторождений на спорных участках шельфа на паритетных началах. Судя по интервью министра иностранных дел РФ С. Б. Лаврова 5 июня 2011 г., российская позиция предусматривала достижение договоренности, охватывавшей «во всеобъемлющем контексте все три компонента этой проблемы: Керченский пролив, Азовское море, Черное море» [15; 25].

Второй этап переговоров начался на встрече президентов Российской Федерации и Украины 11 августа 2011 г. в Сочи. Она примечательна резким обострением конфликта и стремлением сторон жестко увязать пограничную проблему со стратегическими вопросами взаимоотношений. Речь идет о вступлении Украины в Таможенный союз с РФ, о согласовании цен на поставки российского газа. В ответ В. Ф. Янукович предложил вынести проблему цены газа на арбитраж международного суда, отверг сотрудничество в оборонной и атомной промышленности. Украина возобновила претензии на маяки Черноморского флота в Крыму, повысила оплату аренды Севастопольской базы флота [40]. 8 сентября 2011 г. большой десантный корабль «Азов» Черноморского флота РФ получил запрет на прохождение Керченского пролива от Центра регулирования движения судов. Активизировались посещения украинских портов кораблями военно-морских сил США [19; 16].

Вместе с тем РФ и Украина продолжают переговоры, хотя и без прежней интенсивности. Обе стороны делают заявления о скором решении пограничных противоречий. 28 декабря 2011 г. Кабинет министров Украины одобрил проект межправительственного Соглашения о мерах по обеспечению безопасности мореплавания в Азовском море и Керченском проливе [17]. Его задача — обеспечить безопасность мореплавания в Азовском море и Керченском проливе путем совместных и согласованных мер.

В итоге исследования темы можно сделать следующие выводы. Российско-украинский конфликт по вопросу статуса Керченского пролива и Азовского

моря относится к числу долгосрочных, многосоставных, двусторонних. Это конфликт политических и экономических интересов, возникший на локальном уровне, но интернационализированный вследствие действий сторон. В системе региональной безопасности данный конфликт малой интенсивности играет важную роль в конкуренции стран НАТО, России и Украины.

Стратегии Российской Федерации и Украины по проблеме Керченско-Азовской акватории до 2010 г. носили бескомпромиссный характер, что позволяет оценить конфликт как «игру с нулевой суммой». Позиция России основана на признании целостности объекта спора, статуса Азовского моря как внутреннего для РФ и Украины, находящегося в совместном использовании. РФ настаивает на недопущении в Азовское море и Керченский пролив флотов третьих стран. Позиция Украины противоречива. От признания Азовского моря внутренним Украина с 1999 г. перешла к идее территориального моря, разграничения наводного и подводного пространств, допуска в Азовское море судов третьих стран. Попытка заключить компромисс в 2010-2011 гг. на основе взаимовыгодных уступок не состоялась вследствие противоречивых геополитических и экономических ориентаций сторон.

Позитивными методами разрешения конфликта можно признать двусторонние межгосударственные договоры России и Украины на основе совместного использования Керченского пролива и Азовской акватории (за пределами территориальных вод), создания совместного консорциума по разработке нефтегазовых ресурсов региона. Морское дно может быть разделено с учетом его ресурсного потенциала и рельефа, аналогично прецеденту Каспийского моря. Недопустимо, чтобы в Керченский пролив и Азовское море получили доступ военно-морские силы третьих стран. Положительную роль в урегулировании может сыграть активизация межрегиональных приграничных взаимодействий двух стран, контакты неправительственных общественных организаций и особенно целенаправленная информационная политика РФ, адресованная украинской аудитории.

Библиографический список

1. Авраменко А.М. Казачество как фактор современной геополитики // Голос минувшего. 1997. № 1.
2. Баранов А.В. Геополитическая динамика российско-украинских отношений после «оранжевой революции» // Юг России и Украина в геополитическом контексте. Ростов н/Д: Изд-во Сев.-Кав. НЦВШ, 2007.
3. Безопасность России: Черноморский регион/отв. ред. Н.А. Ковальский. М.: Интердиалект+, 1997.
4. Богданович В.Ю., Егоров Ю.В., Маначинский А.Я. НАТО и Украина (кто и зачем тянет Украину в НАТО?). Киев: Изд. дом «Румб», 2008.
5. В БЮТ считают провалом переговоры с Россией по Азовскому морю. URL: <http://www.sevbat.com.ua/tag/kerchenskij-proliv>.

6. Время новостей. 2005. 15 июня.
7. Гамова С. Ющенко затевает морской передел // Независимая газета. 2006. 8 июня.
8. Глобализация и регионализм: Черноморский регион. Балканы/пред. редсов. В. В. Журкин. М.: Интердиалект+, 2001.
9. Григорьянц В. Е. [и др.]. Федерализация Украины: к единству через разнообразие/В. Е. Григорьянц, С. С. Жильцов, А. В. Ишин, А. В. Мальгин. М.: Восток-Запад, 2011.
10. Гриневецкий С. Р., Жильцов С. С., Зонн И. С. Геополитическое казино Причерноморья. М.: Восток — Запад, 2009.
11. Дегтерев Д. А. Хартия о стратегическом партнерстве между США и Украиной // Национальная безопасность. 2011. № 1-2. URL: <http://www.mgimo.ru/publications/?id=189635>.
12. Делимитация границ в Керченском проливе. URL: <http://afonined.livejournal.com/296552.html>.
13. Договор между Российской Федерацией и Украиной о российско-украинской государственной границе от 28 января 2003 г. // Международное публичное право: сб. документов/авт. и сост., предисл. К. А. Бекашев, Д. К. Бекашев. М.: Проспект, 2009.
14. Договор между Российской Федерацией и Украиной о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива от 24 декабря 2003 г.; Совместное заявление Президента Российской Федерации и Президента Украины по Азовскому морю и Керченскому проливу. URL: <http://2004.kremlin.ru/priorities/events31016/2003.shtml>.
15. Журженко Т. Ю. Евразийцы без энтузиазма, европейцы без приглашения: дилеммы украинской геополитической идентичности // Политическая наука. 2006. № 2.
16. Зурабов обещает Украине поделить Керченский пролив поровну. URL: <http://www.rosbalt.ru/ukraine/2011/06/10/857981.html>.
17. Ильченко С. Киев зовет американский флот. URL: <http://svpressa.ru/war21/article/52032>.
18. Кабинет Министров Украины. Распоряжение от 28 декабря 2011 № 1344-р «О подписании соглашения между Кабинетом Министров Украины и Правительством Российской Федерации о мерах по обеспечению безопасности мореплавания в Азовском море и Керченском проливе». URL: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/1344-2011-%D1%80>.
19. Коммунисты требуют отчета Бойко о газовых переговорах. URL: http://rss.novostimira.com/n_2010550.html.
20. Кузниченко А. Безграничный пролив, или О разделе Азово-Керченской акватории. URL: <http://finzah.com.ua/analitica/politica/8316.html>.
21. Кулик С. Черноморский диалог — возможен ли он? // Чорноморська безпека. Севастополь, 2010. № 3 (17). URL: <http://nomos.com.ua/content/view/320/77>.
22. МИД: Украина не отдаст России Керченский пролив. URL: <http://ru.tsn.ua/ukraine/mid-ukraine-ne-otdast-rossii-kerchenskii-proliv.html>.
23. Просёлков А. А. Проблема Азово-Керченской акватории в российско-украинских отношениях (геополитический аспект) // Юг России и Украина в геополитическом контексте. Ростов н/Д: Изд-во Сев.-Кав. НЦВШ, 2007.

24. Розенау Дж. К исследованию взаимопересечения внутривнутриполитической и международной систем // Теория международных отношений: хрестоматия. М.: Гардарики, 2002.
25. Россия готова воевать за Керченский пролив с Украиной. URL: <http://newskey.ru/news/106027>.
26. Россия и Украина достигли согласия по Керченскому проливу. URL: <http://www.forbes.ru/news/68875-rossiya-i-ukraina-dostigli-soglasiya-po-kerchenskomu-prolivu>.
27. Рябцев В.Н. Геополитические особенности Черноморско-Каспийского региона в условиях постбиполярного мира. Ростов н/Д: Изд-во Сев.-Кав. НЦВШ, 2007. 172 с.
28. СКР: МИД Украины подтвердил отсутствие границы между Россией и Крымом. URL: <http://zarusskiy.org/novoross/2011/02/20/s-k-r>.
29. СМИ: Янукович грозит выгнать ЧФ и разместить ПРО на Украине. URL: <http://www.rosbalt.ru/ukraina/2011/10/03/896496.html>.
30. Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о демаркации российско-украинской государственной границы. 17 мая 2010 г. URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/351AFA24361366CE44257991004160BC.
31. Соглашение между Российской Федерацией и Украиной по вопросам пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины // Бюллетень международных договоров. 2010. № 10.
32. Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком/под ред. Н.П. Шмелева, В.А. Гусейнова, А.А. Языковой. М.: Граница, 2006.
33. Травников А.И. Коса Тузла и стратегические интересы России. Ростов н/Д: Феникс, 2005.
34. Украина должна судить Россию за границу в Керченском проливе. URL: <http://www.rupor.info/news-politika/2011/09/13/ukraina-dolzha-sudit-rossiju-zagranicu-v-kerchenskom-prolive>.
35. Украинцы позитивно оценивают договор о продлении срока пребывания ЧФ РФ на территории Украины — опрос. URL: http://institute.gorshenin.ua/news/64_ukraintsi_pozitivno_otsevivayut.html.
36. Усов С.А. Проблема Черноморского флота и Севастополя в условиях распада Российской империи и СССР (историко-политологический анализ). Севастополь: ЭКОСИ-Гидрофизика, 2003.
37. Черноморская энциклопедия/авт. и сост. С.Р. Гриневецкий, С.С. Жильцов, И.С. Зонн и др. М.: Международные отношения, 2006.
38. Штыбликов Д. Главные угрозы и вызовы в Черноморском регионе. URL: http://nomos.com.ua/index2.php?option=com_content&task=view&id=359&pop.
39. Юнусов Р. Украина и Россия: противостояние усиливается. URL: http://http://kontinent.org/article_rus_494c334a0fe20.html.
40. Юрченко С.В. Концептуальное обеспечение политики Украины в Черноморском регионе // Религия и гражданское общество: геополитическое измерение глобализации культурного пространства. Севастополь: Вебер, 2011.

41. Ядуха В. Ну все, началось. URL: <http://www.rosbalt.ru/ukraina/2011/08/12/878947.html>.
42. Cornell S.E., Jonsson A., Nilsson N., Haggstrom P. The Wider Black Sea Region: An Emerging Hub in European Security. Washington: John's Hopkins Univ.; Uppsala: Uppsala Univ., 2006.
43. Flikke G. (coord.), Wigen E., Blakkisrud H., Kolsto P. The Shifting Geopolitics of the Black Sea Region: Actors, Drivers and Challenges. URL: http://www.nupi.no/content/download/11908/117843/version/6/file/black+sea+geopolitics_description.pdf.
44. Klimenko A. The Black Sea Triangles: Is there a Solution? URL: <http://blackseanews.net/read/7603>.
45. Shelest H. The Black Sea Region as a Security Challenge for Ukraine // Turkish Policy Quarterly. 2011. Vol. 10, № 3. URL: <http://www.od.niss.gov.ua/content/articles/files/Hanna-Shelest-b1379.pdf>.
46. Woehrel S. Ukraine: Current Issues and U.S. Policy. Washington: Congressional Research Service. 2011. May 12. URL: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/RL33460.pdf>.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЗАЦИИ ЭТНИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

.....

Е. В. Савва¹

В статье анализируются информационные механизмы политизации этничности. Автор приходит к выводу, что этнические элиты активно используют технологии манипулирования этничностью, насаждают идеологемы традиционализма. Борьба в общественном сознании модернизационной и традиционалистской стратегий характеризуется как одно из важных идеологических противоречий современной России. Подчеркивается, что государство и общество на современном этапе недостаточно эффективно применяют информационные механизмы противодействия этническому и религиозному экстремизму.

Ключевые слова: политизация этничности; этнополитический конфликт; технологии манипулирования; этнонационализм; информационные механизмы.

The information mechanisms of ethnicity's politicization are analyzed in the article. The author comes to conclusion that ethnic elite actively uses technologies of an ethnicity's manipulation and actively spread the ideas of traditionalism. One of the major ideological contradictions of modern Russia is a struggle between the modernization and tradition strategys in public consciousness. It's underlined in the article, that the state and a society at the present stage insufficiently effectively apply information mechanisms of counteraction to ethnic and religious extremism.

Key words: ethnicity's politicization; an ethnopolitical conflict; technologies of a manipulation; ethnic nationalism; information mechanisms.

Политизация этничности — понятие, прочно вошедшее в научный оборот после выхода работ Дж. Ротшильда, который обратил внимание на процесс «превращения этничности из психологического, культурного или социального фактора в собственно политическую силу с целью изменения или стабилизации сложившихся в обществе конкретных систем неравенства среди этнических групп» [10, р. 2]. Причины политизации этничности в современном мире стали предметом изучения специалистов в различных областях науки. В настоящее время большинство исследователей связывают данное явление с не-

¹ Савва Елена Владимировна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: ev.savva@yandex.ru

равномерностью модернизационных процессов, парадоксами глобализации. Без сомнения, глобализация усилила такую характерную черту современной жизни, как нестабильность. По наблюдению С. Хантингтона, процесс глобализации прямо ведет к тому, что люди «вынуждены переопределять собственную идентичность» [9, с. 37].

Актуализация этнической идентичности может приобретать самые разные формы, в том числе и конфликтные. Если этнический фактор, по образному выражению Дж. Ротшильда, превращается в собственно политическую силу, конфликт в обществе неизбежен. Этнополитические конфликты очень часто приобретают деструктивный характер и не могут служить (в отличие от других форм социальных конфликтов) источником позитивных перемен. Наиболее опасным видом этнополитического конфликта является этнический сепаратизм, часто принимающей форму вооруженной борьбы. Вооруженный сепаратизм можно определить как особую форму этнополитического конфликта, где одна из противоборствующих сторон, идентифицирующая себя в этнических терминах, заявляет о стремлении создать собственное государство и формирует вооруженные отряды, позиционирующие себя как основу будущей армии. Другой противоборствующей стороной такого конфликта выступает государство, столкнувшееся с угрозой своей территориальной целостности [5, с. 387]. Помимо вооруженной борьбы сепаратисты развязывают и информационную войну против государства и общества. Как отмечает В. А. Тишков, лозунг достижения независимости подкрепляется пропагандой вражды к существующему государству и к остальному населению страны, а само положение субъекта сепаратизма рисуется в намеренно искаженном виде [8, с. 351]. Поэтому актуальной по сегодняшний день остается задача информационного противодействия сепаратистским угрозам.

В мобилизации этничности не последнюю роль играют технологии манипуляций общественным сознанием. Признание современной политологией целенаправленного характера мобилизации этничности позволяет особое внимание уделить технологиям этнического манипулирования, хотя ряд авторов справедливо предупреждают об опасности абсолютизации фактора манипулирования вне контекста работающих на этническую конфронтацию объективных и субъективных факторов (от социально-экономических до социально-психологического) [2, с. 89]. По словам Д. Смита, политическим лидерам легко манипулировать этничностью с целью мобилизации населения, особенно в периоды, когда общество сотрясают социально-экономические перемены [6, с. 126].

В этой связи актуален вопрос об изучении конкретных механизмов политизации этничности на примере такого проблемного региона современной России, как Северный Кавказ.

Этнополитические конфликты на Северном Кавказе принимали различные формы, но им всегда предшествовал процесс этнополитической мобилизации, когда от имени этнической группы формировались и предъявлялись политические требования, шли поиски этнического «врага» и могла в более или менее завершённом виде сформироваться идеология подобных движений, чаще всего основанная на постулатах этнонационализма. Этнонационализм, как и любая разновидность национализма, не представляет собой целостной идеологии. Авторы разделяют взгляды тех исследователей, которые считают, что более корректно вести речь о множестве этнонационализмов, проявляющих себя в конкретном политическом контексте. Общее в идеологии этнонационализма то, что она основана на представлении о нации как этнической общности. Идеология политического этнонационализма, при всей условности данного понятия, обосновывает притязания этнической группы на те или иные институты суверенитета, на изменение политических границ и политического статуса территории. Новые политические элиты, пришедшие к власти в постсоветских государствах в начале 1990-х гг., активно использовали классические лозунги политического этнонационализма: каждому народу — свое государство, приоритет прав коренного народа. В первой половине 1990-х гг. реальной была угроза распада Российской Федерации. В первую очередь это было связано с провозглашением независимости Чеченской Республики — Ичкерия. Рассмотрим особенности этнонационализма на Северном Кавказе.

Политический этнонационализм в данном регионе в начале 1990-х гг. не сумел ни мимикрировать к демократическим лозунгам, ни создать или приспособить под себя демократические движения. В этом его существенное отличие от прибалтийского варианта этнонационализма конца 1980-х — начала 1990-х гг. Данная особенность вполне объясняется незавершенностью модернизационных процессов на Северном Кавказе: демократия должна опираться на достаточно высокий уровень автономизации личности.

Особенностью политического этнонационализма на Северном Кавказе стала его неспособность предложить проект институализации правовых норм и создания современного государства. Этой причиной во многом объясняется крах сепаратистского проекта непризнанной Ичкерии. В период с 1996 (подписание Хасавюртовских соглашений) по 2000 г. де-факто Чечня полностью выпала из правового поля Российской Федерации, и этот период большинство российских исследователей оценивают как квазигосударственность. «Традиционалистская революция», т. е. ревитализация архаических элементов социума [3, с. 123] сыграла разрушительную роль в первую очередь для чеченского общества. Не случайно, не сумев выполнить интегративную функцию и функцию легитимации новой власти, чеченский политический этнонационализм вступил в союз с идеологией исламского радикализма.

И хотя в настоящее время в Российской Федерации нет сколько-либо значительных политических сил, выступающих с открытыми сепаратистскими лозунгами, потенциал вооруженного сепаратизма на Северном Кавказе остается высоким. Между тем противодействие сепаратистским угрозам в информационной сфере не поставлено на должный уровень.

В формировании информационных потоков значительная доля ответственности лежит на интеллектуальной элите. По мнению авторов коллективной монографии «Российский Кавказ», в настоящее время на Северном Кавказе общественная мысль и наука тратят непропорциональные ресурсы на второстепенные для развития общества занятия, как то: на доказательства древности и уникальности каждого народа, их великие свершения или страдания, на подсчет и дележку культурных героев, на пропаганду нынешних «возрожденческих» доктрин и на поиск внешних врагов [4, с. 10]. На наш взгляд, особую роль в политизации этничности на Северном Кавказе играют технологии манипулирования общественным сознанием, связанные с сакрализацией традиционной культуры и возрастанием роли исламского фактора. Хотя идеологиемы традиционализма и исламизма взаимосвязаны, они не являются тождественными и периодически конфликтуют друг с другом. Однако технологии внедрения данных идеологем в массовое сознание однотипны. И в первом, и во втором случае активно используются информационные технологии. Разница на сегодняшний день состоит в том, что традиционализм на Северном Кавказе поддерживается региональными правящими элитами, а радикальный исламизм трактуется как нечто привнесенное извне. Поэтому если идеи салафизма пропагандируются в нелегальных печатных изданиях, то идеи исключительности той или иной этнической культуры тиражируются в научных монографиях, учебной литературе, газетных статьях и т. д.

Таким образом, с точки зрения обеспечения информационной безопасности в полиэтничном обществе важно, как СМИ освещают те или иные элементы традиционной культуры. Этническим элитам, которые активно демонстрируют свою вербальную лояльность федеральному центру, выгодно апеллировать к лозунгам сохранения этнокультурной самобытности, используя как раз те элементы традиционной культуры, которые сакрализуют власть, исключая либо существенно ограничивая участие населения в принятии политических решений. Такое состояние дел прямо противоречит провозглашенному курсу на модернизацию. Между тем современные российские СМИ преподносят как нечто романтическое такие элементы традиционной культуры, как умыкание невест, абречество и т. д. Настоящий вызов правовой системе Российской Федерации представляли прозвучавшие на самом высоком уровне весной 2009 г. угрозы применить кровную месть в отношении братьев Ямадаевых. В то же время не получили информационной поддержки усилия президента Республики Ингушетия Юнус-Бека Евкурова по примирению се-

мей, находящихся в состоянии кровной мести [7, с. 80]. Необходимо понимать, что значительное число боевиков на Северном Кавказе рекрутируется с помощью традиционного института кровной мести. Борьбу в общественном сознании модернизационной и традиционалистской стратегий мы считаем одним из важнейших идеологических противоречий современной России.

В условиях высокой напряженности межэтнических отношений усиливается противопоставление «свои — чужие» и соответственно внутригрупповая солидарность. Нарушения прав «чужих» перестают восприниматься в качестве преступлений (если, конечно, ранее они воспринимались так представителями традиционалистских культур). Информация в СМИ о таких нарушениях подается предвзято, ее направленность определяется этническими симпатиями лиц, контролирующих эти средства массовой информации. Фактически в подобных ситуациях законность подменяется этнически ориентированными трактовками справедливости. Яркий пример — события июля 2010 г. в лагере отдыха «Дон» на Черноморском побережье Краснодарского края. В лагере, принадлежащем администрации Ростовской области, отдыхали несколько сотен подростков из Чеченской Республики и юношеская команда этой республики по вольной борьбе. В результате драки, спровоцированной поведением выходцев из ЧР и затеянной чеченскими подростками и взрослыми, конфликт стал массовым. Все отдыхающие из Чечни досрочно покинули лагерь. Средства массовой информации Чеченской Республики представили эту конфликтную ситуацию как погром с избиением чеченских детей, центральные телевизионные каналы и печатные издания дали совершенно иную трактовку событий, в которой вина возлагалась на выходцев из Чечни. Эти события получили очень широкий, общероссийский резонанс.

О подобных фактах целесообразно информировать, используя формат case-study, т. е. описания конкретной ситуации. Это дает возможность использовать опыт восстановления гражданского равноправия в других похожих случаях. Информация о наказании виновных будет содействовать профилактике подобных случаев в будущем. Успех данного направления информационной политики возможен только при широком вовлечении различных структур: правоохранительных органов, образовательных учреждений, СМИ, общественных организаций.

Профессиональное сообщество журналистов России хотя и медленно, но внедряет в практику своей работы правила подачи материалов с этнической проблематикой. Но информационное поле формируется не только официально издаваемой прессой. Угрозу региональной и общенациональной безопасности представляет литература, издаваемая и распространяемая подпольно в виде брошюр и листовок, а также сайты экстремистов. Авторы коллективной монографии «Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе» приводят примеры литературы, в которой

проповедуются идеи насильственной исламизации российского общества, разрушения Российского государства, вражды к русскому народу как носителю идеи государственности, к тем представителям северокавказской элиты, которые активно борются с сепаратизмом. Последних упрекают в «русизме» и масонстве [1, с. 388-389].

Интернет в настоящее время уже является доминирующим информационным каналом для городской молодежи. Уверенное расширение аудитории активных пользователей Интернета позволяет предположить, что в ближайшее время в России он станет основным информационным каналом для всей социально-демографической группы молодежи. Следует отметить, что в настоящее время технологии противодействия сепаратистским идеологиям в кибер-пространстве разработаны слабо.

В научной литературе информационные войны, сопровождающие этнические конфликты, зачастую связываются исключительно с внешними угрозами, с деятельностью зарубежных центров, тем самым недооценивается уровень внутренних угроз. Российское государство и общество должны договориться о стратегии совместного информационного противодействия этническому и религиозному экстремизму и начать эту общую работу. Важно задействовать все имеющиеся информационные механизмы в формировании позитивной гражданской идентичности населения России. Однако успешно решить данную задачу невозможно только с помощью информационных технологий (при всей важности последних). Необходимо поощрение гражданской активности населения, укрепление гражданского общества, совместные усилия Российского государства и общества в решении наиболее болезненных для общества этнополитических, социально-экономических и социо-культурных проблем.

Библиографический список

1. Алиев А. К., Арухов З. С., Хаибабаев К. М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М.: Наука, 2007.
2. Богданович В. Ю., Маначинский А. Я., Егоров Ю. В. Конфликты и войны после распада СССР. Киев: Кий, 2008.
3. Мاستюгина Т., Перепелкин Л. Косово и Чечня в контексте международной политики // Проблемы национального самоопределения на современном этапе: сб. ст. М.: ИВ РАН, 2000.
4. Российский Кавказ. Книга для политиков. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2007.
5. Савва Е. В. Потенциал вооруженного сепаратизма в Российской Федерации // Конфликты в социальной сфере и их регулирование. Казань: Печатный двор, 2009.
6. Смит Д. Причины и тенденции вооруженных конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергхофского центра. М.: Наука, 2007.
7. Тангиев М. Миротворческие инициативы президента Ингушетии // Бюллетень сети этнологического мониторинга. № 85. Май-июнь 2009. М.: УОП ИЭА РАН, 2009.

8. *Тишков В. А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
9. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: Транзиткнига, 2004.
10. *Rothschild J.* Ethnopolities: A conceptual framework. New York: Columbia University Press, 1981.

МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОНФЛИКТЕ МЕЖДУ СТРУКТУРАМИ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВОМ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ)

.....

А. И. Кольба, А. А. Ильченко¹

В статье рассматриваются модели коммуникации, возникающие в конфликтах между властными структурами и обществом, приводится их классификация. Особую значимость информационно-коммуникативного взаимодействия как фактора управления политическим конфликтом авторы видят в существовании зависимости между коммуникативными практиками власти и конфликтным потенциалом её отношений с обществом. Исследованные примеры подобных взаимодействий на региональном уровне подтверждают это.

Ключевые слова: модели политической коммуникации, управление конфликтом, власть, общество.

The paper considers the communication model as a result of conflicts between authorities and society, and their classification. In the opinion of the authors, the information-communicative interaction has a particular significance as a factor in a political conflict management, as there is a relationship between the communicative practices of power and conflict potential of its relations with society. The studied examples of such interactions at the regional level prove this thesis.

Key words: political communication models, conflict management, power, society.

Коммуникативные аспекты отношений между участниками конфликта имеют существенное значение в контексте проблематики управления им. В зависимости от типа сложившихся коммуникаций могут формироваться условия, способствующие преобладанию в конфликтных взаимодействиях деструктивной или конструктивной составляющей, их развития по сценариям эскалации

¹ Кольба Алексей Иванович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: alivka2000@mail.ru

Ильченко Анна Александровна – аспирант кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: anutai@yandex.ru

Работа выполнена в рамках проекта 6.1134.2011 «Сетевой ландшафт российской публичной политики: проблемы развития и безопасность».

или деэскалации. И напротив, формирование устойчивых и институционализированных практик коммуникации между социальными субъектами может повлиять на уровень конфликтности в их отношениях и формы её развития. Особую значимость проблемы коммуникации имеют в случае возникновения конфликтов между властными структурами и широкими слоями общества, поскольку от эффективности управления ими во многом зависит общественная стабильность. Поэтому представляется необходимым рассмотреть, какие варианты информационного взаимодействия существуют между этими субъектами и каковы последствия их реализации в ходе конфликта.

Для разработки возможных моделей коммуникации в конфликтах такого рода необходимо учесть существующие варианты типологизации конфликтных отношений. Масштабная типологизация политических конфликтов была разработана А.В. Глухой. По степени и характеру нормативной регуляции она выделяет институционализированные и неинституционализированные (внеинституциональные) конфликты, по роли в развертывании политических процессов — конструктивные и деструктивные. Кроме того, возможно протекание конфликта как в насильственной, так и в ненасильственной форме. Беря за основу стратегии поведения конфликтующих сторон, можно выделить рациональные и иррациональные конфликты. В зависимости от степени публичности конфликтных отношений они могут быть латентными (скрытыми) и явными (открытыми) [3, с. 137].

А.Н. Цой акцентирует внимание на двух типах конфликтов — социально-конструктивных (позитивных) и социально-деструктивных (негативных). В соответствии с этим формулируется основная задача власти, да и «каждого мыслящего и ответственного человека», по переводу социально-негативных (деструктивных) конфликтов в социально-позитивное русло [18, с. 53-59].

Российский политолог А.Ю. Сунгуров предлагает три варианта информационно-коммуникативного взаимодействия органов власти и гражданских структур: сотрудничество, отсутствие сотрудничества (игнорирование) и конфронтацию [15]. При этом сотрудничество рассматривается в диапазоне от партнерства, подразумевающего равенство сторон, до взаимодействия, построенного на доминировании, вплоть до полного подчинения одной из сторон.

Таким образом, различные типологии конфликтов выражают возможные оттенки и нюансы взаимодействий сторон. Для рассмотрения всего спектра возможных моделей взаимодействия в конфликте между властными структурами и обществом необходимо наложение различных типологий (как своеобразных систем координат) друг на друга. Мы предлагаем вести моделирование в этой области с дифференциацией по основанию реализуемой коммуникативной стратегии и учётом различий взаимодействия при разных типах конфликтов. Сложность для моделирования составляет то, что диалог общества и власти на разных уровнях далеко не всегда имеет устоявшиеся способы

организации и закреплённые коммуникативные каналы. Неоднозначность институционализации ряда коммуникативных практик усугубляется отсутствием у граждан информации о возможностях и механизмах реализации полноценного диалога с представителями властных структур.

По предложенным нами основаниям можно выделить несколько моделей, при этом применив принцип их группировки.

I. Модели, основанные на конвенциональных (диалоговых) стратегиях информационно-коммуникативного взаимодействия между органами власти и структурами общества

Модель свободного диалога. В данной модели властные структуры применяют институционализированные коммуникативные практики, реализуемые в форме диалогов с действующими механизмами обратной связи. Представители власти являются инициаторами обращений снизу, которые позволяет «держать руку на пульсе» общественных настроений и максимально оперативно реагировать на возникновение потенциально конфликтных ситуаций. В конкретном случае реализации подобной модели завершение конфликта обычно происходит в форме разрешения, поскольку стороны конфликта имеют реальную возможность консенсусного подхода с последующей ликвидацией всех противоречий.

Модель артикуляции претензий. Модель демонстрирует развитость демократических институтов в обществе. Цель реализации модели — выявление и санация болевых точек общества, их артикуляция и разрешение конфликта до его перехода к открытому противостоянию. Таким образом, реализация данной модели посредством применения институционализированных диалоговых коммуникативных практик позволяет предупреждать развитие деструктивных конфликтов. Завершение конфликта происходит в форме разрешения или устранения.

Модель перехода на запасной путь. Демократическая диалоговая модель, направленная на перевод деструктивных конфликтов в конструктивное русло с последующим потенциалом разрешения или устранения. Административный ресурс используется для принудительной институционализации конфликта (проведение официальных общественных слушаний, референдумов и т. д.).

Модель тайной комнаты. Диалоговая модель, включающая мониторинг общественных настроений с целью выявления проблемных точек, последующую артикуляцию результатов и поиск компромиссов и перспектив разрешения проблемной ситуации. Завершение конфликта происходит в форме устранения, затухания или перехода в другую (конструктивную) форму. Данная модель вполне успешно реализуется на местных, локальных уровнях управления.

II. Модели, основанные на манипулятивных стратегиях информационно-коммуникативного взаимодействия

Модель кукольника. Одна из наиболее распространенных моделей политической коммуникации в политической практике современной России. Конструктивная направленность позволяет трактовать эту модель в позитивном ключе. В данном случае власть, заботясь о поддержании стабильности в обществе, относится к нему как к объекту манипуляции. Используемые в модели институционализированные коммуникативные практики манипулятивного характера позволяют избежать деструктивных последствий конфликта. Представители властных структур демонстрируют готовность к решению вопроса, общую позитивную настроенность и предлагают встречные варианты разрешения проблемы, наличие которых позволяет использовать возможности манипулирования общественным мнением. При этом предлагаемые варианты, в сущности, не являются решением объективно существующего противоречия. Таким образом, игнорирование общественного мнения и подмена диалоговой коммуникации односторонним вертикальным информированием не дают возможности завершить конфликт посредством его разрешения, а приводят к временному затуханию конфликта и его переходу в латентную форму. Это чревато новыми конфликтами, способными возникнуть при появлении новых провоцирующих факторов или же изменении позиций (либо усилении) одной из конфликтующих сторон.

Модель позитивного информирования. При реализации данной модели представителями власти реализуются такие формы политической коммуникации, как вертикальное информирование, псевдо- и квазикоммуникации. Цель реализации данных коммуникативных практик не разрешение ситуации, а изменение отношения стороны конфликта, представляющей общество, и склонение к уступкам или соглашению с позицией властей. Однако в связи с наличием объективных противоречий (в случае реально существующего конфликта) завершение происходит в лучшем случае в форме затухания или же конфликт переходит в открытую форму.

Модель марионетки. Популярная у российских властных структур модель политической коммуникации. Позволяет посредством применения неинституционализированных коммуникативных практик, а также с использованием псевдо- и квазикоммуникации вполне успешно манипулировать общественным мнением для достижения собственных целей, повышения авторитета, удержания власти и т.д. Завершение конфликта может оттягиваться на неопределенно долгий срок с временными переходами в латентное состояние, но полное разрешение конфликтной ситуации невозможно в силу отсутствия или игнорирования действующих институционализированных механизмов принятия управленческих решений.

Модель Арлекина. В ряде случаев властные структуры демонстрируют игнорирование существующего конфликта. Подобно вечно улыбающемуся персонажу итальянской комедии, афишируется ситуация абсолютного благополучия. Объективно существующее противоречие замалчивается и скрывается под иллюзией контроля ситуации. Представители власти, по сути, транслируют информацию сверху вниз, применяют псевдо- и квазикоммуникативные практики. Конфликт завершается устранением или переходом в другую форму.

III. Модели, основанные на конфликтных стратегиях информационно-коммуникативного взаимодействия

Модель лобового столкновения. В данном случае властные структуры сознательно избирают заведомо провокационную тактику эскалации конфликта. Полное и демонстративное игнорирование общественных настроений с реализацией политики, противоположной позиции озвучиваемой народными массами. Завершение конфликта происходит в форме устранения с привлечением административного ресурса.

Модель открытой провокации. Используется в случае существования конфликта в латентной форме и необходимости его перевода в другую форму или радикального устранения. Представители власти прибегают к моноловым вертикальным коммуникациям, но при этом институционализированные и легитимные. Цель коммуникативного акта состоит в обострении существующего конфликта. Возможные причины: затраты существенных ресурсов на поддержание конфликта в конструктивном состоянии, радикальное изменение позиции одной из сторон конфликта и т. д.

Модель спирали насилия. Модель применяется в случае необходимости устранения или дискредитации одной из сторон конфликта. Реализуются неинституционализированные коммуникативные практики, используются средства псевдо- и квазикоммуникации. Завершение конфликта в таких случаях происходит в форме устранения или затухания.

Модель усугубления конфликта. Реализуется посредством применения неинституционализированных коммуникативных практик, привлечения механизмов псевдо- и квазикоммуникации. Завершение конфликта в форме устранения, затухания или перехода в другую форму.

В целом информационно-коммуникативное взаимодействие между органами власти и общественными структурами прямо или косвенно отражают объективный расклад общественно-политических сил в стране и обществе. Предложенная парадигма информационно-коммуникативного взаимодействия в системе факторов управления политическим конфликтом демонстрирует наличие зависимости между коммуникативными практиками власти и конфликтным потенциалом отношений с обществом. Как факторы снижения деструктивной конфликтности в обществе нами выделены: использование

конвенциональных коммуникативных моделей (свободного диалога, артикуляции претензий, перехода на запасной путь, тайной комнаты), сопровождающееся созданием и поддержанием функционирования механизмов обратной связи, широким освещением обращений граждан к органам власти, включая действия, предпринятые по фактам обращений, и их результаты. В современных российских условиях пока в большей мере актуализированы модели манипуляции и конфликта (информационно-коммуникативного воздействия), нежели модели конвенционального характера в рамках общественного договора (информационно-коммуникативного взаимодействия/диалога).

Наиболее отчётливо это проявляется на региональном уровне взаимодействия властных структур и общества. Если конфликты общероссийского масштаба неизбежно попадают в центр общественного внимания и становятся предметом заинтересованного обсуждения, что в значительной степени препятствует использованию неконструктивных стратегий со стороны властных структур, то региональные противостояния зачастую оставляют простор для использования моделей второй и третьей групп. Анализ некоторых конкретных ситуаций подтверждает это.

Заслуживают пристального внимания модели коммуникации, использованные властными структурами в ситуации, сложившейся вокруг бывшего природного заказника «Утриш» на Черноморском побережье Краснодарского края. Участниками конфликта в данном случае выступили, с одной стороны, органы власти регионального и федерального уровней: Департамент лесного хозяйства Краснодарского края, Управление делами Президента РФ, Министерство природных ресурсов и экологии РФ; с другой стороны, жители местных сообществ, общественные организации экологической направленности (Межрегиональное движение «Спасем Утриш», Экологическая вахта по Северному Кавказу, Гринпис России и т. д.).

Утриш признаётся экспертами уникальным уголком субтропических средиземноморских лесов, расположенным на территории Краснодарского края. В 2008 г. краснодарской компанией «Главпромстрой» по заказу Департамента лесного хозяйства Краснодарского края было начато строительство автомобильной дороги Сукко — Утриш, проходящей через глубинную часть заказника — район Утришских лагун. В результате строительства начались многочисленные рубки, в том числе уникальных пород деревьев, занесенных в Красную книгу. Начиная с 31 декабря 2008 г. активистами «Экологической вахты Кавказа» и движения «Спасем Утриш!» была начата акция гражданского сопротивления, когда активисты блокировали своими телами работу дорожно-строительной техники, не позволяя вести строительство дороги [5].

Однако ситуация развивалась в соответствии с моделью усугубления конфликта. 31 марта 2009 г. постановлением главы администрации Краснодарского края № 249 был утвержден Лесной план Краснодарского края на 2009-2018 годы,

где появилось указание о строительстве на территории Утриша «физкультурно-оздоровительного комплекса» [10]. Инициатором строительства выступило Главное управление капитального строительства Управления делами Президента РФ. Таким образом, требования общественности разобратся в ситуации были проигнорированы.

Это вызвало разрастание масштабов конфликта и его эскалацию. Активистами гражданских движений были организованы многочисленные акции в защиту природного объекта «Утриш». Движение получило широкую поддержку общественности, особенно в сети Интернет. На сайте «Спасем Утриш» было собрано и направлено Президенту России более 30 тысяч подписей под обращением в защиту Утриша [14].

Подписание премьер-министром РФ В. В. Путиным Распоряжения об учреждении Государственного природного заповедника «Утриш» [11] не перевело ситуацию в конструктивное русло, так как в его территорию не был включён ряд важных, с точки зрения специалистов по охране природы, зон [4; 20]. Руководитель программы по особо охраняемым природным территориям Гринписа России М. Крейндин, в частности, заявил: «Получается, что цель создания заповедника — не сохранение уникальных природных комплексов, а легализация незаконного строительства рекреационных объектов в наиболее ценных природных комплексах и местах обитания исчезающих видов растений» [19]. Формально разрешив конфликтную ситуацию, на деле властные структуры продемонстрировали образец псевдокоммуникации — решение о создании заповедника было принято вопреки мнению экологических организаций и заинтересованной общественности.

Несколько в более конструктивном ключе развиваются коммуникации в ходе экологического конфликта на территории г. Туапсе. Он развернулся вокруг строительства Туапсинского балкерного терминала. Участниками конфликта выступили: население МО г. Туапсе при заинтересованном участии экспертов-экологов; представители муниципальной и региональной власти; ООО «Туапсинский балкерный терминал» — дочернее предприятие ОАО «Минерально-химическая компания (МХК) «ЕвроХим».

Проект строительства получил за несколько лет все необходимые согласования, в том числе и по соответствию нормам охраны окружающей среды и здоровья населения, прошёл государственную экологическую экспертизу и был реализован с применением новейших технологий и уникальных технологических решений. Однако в середине марта 2010 г. Туапсе захлестнула волна социальной напряженности — тревогу вызвало проведение тестовых испытаний технологического оборудования по прямому варианту «вагон — судно» на строящемся балкерном терминале. Встревоженные туапсинцы заметили облако пыли над судном возле нового причала. Как признали руководители работ, серьёзной ошибкой было то, что они были начаты без уведомления город-

ских властей и граждан. Хотя представители компании утверждали, что проводимые работы не привели к ухудшению экологической обстановки в городе, да и сами транспортируемые вещества неопасны [17], в городе начался период активного распространения листовок, слухов, проведения экологических митингов.

15 мая 2010 г. в Туапсе состоялся митинг «Городу воинской славы Туапсе — чистую экологию», заявку на который подала инициативная группа общественных движений и политических партий «Чистый город» [1]. По некоторым оценкам, на центральную площадь пришли примерно три тысячи горожан. Туапсинцы вышли на митинг с самодельными плакатами, в витринах многих магазинов в центре города тоже были протестные транспаранты. Большую активность проявила молодежь, хотя, как сообщают местные интернет-форумы, студентам запрещали выходить на площадь. В резолюции митинга были отмечены требования граждан подать заявку на проведение референдума по поводу строительства терминала, а также удовлетворить ещё ряд требований экологического характера [16]. Ситуация привлекла внимание как высшего руководства компании «ЕвроХим», так и краевой администрации, федеральных природоохранных органов.

Вскоре в Туапсе прибыла комиссия из края: на совещании были озвучены итоги ее работы. Губернатор А. Н. Ткачев назвал самоуправные действия руководства балкерного терминала «наглым нарушением экологического законодательства». По его мнению, экологический инцидент на строящемся предприятии стал последней каплей, переполнившей чашу терпения жителей Туапсе. Главную же причину губернатор видел в отсутствии сильной власти. В муниципальном образовании произошла смена руководства [12]. В июле и октябре этого же года в городе прошли новые митинги, на которых собравшиеся выразили недоверие действиям местных властей [2; 8].

Экологический конфликт происходит на фоне ряда социальных проблем, накапливающихся в городе в течение длительного времени. К ним можно отнести плохую экологическую обстановку в целом, транспортную перегруженность города, отсутствие достаточного числа оборудованных пляжей и ряд других. В целом эти проблемы имеют объективный характер, так как в портовом городе, расположенном на относительно небольшой территории, непросто найти оптимальное сочетание экономической и социальной составляющих развития. Однако находить решения этих проблем было бы гораздо проще, если бы местные власти вели более активный диалог с гражданами. Отказ от него приводит к актуализации политической составляющей конфликта и, как следствие, вмешательству региональных властей. Оно коснулось в основном кадровой составляющей местного самоуправления, но необходимо обратить внимание на характер взаимодействия власти и общества.

Их отношениям явно не хватает информационной открытости со стороны власти. Главы местного самоуправления де-факто в большей степени зависят от администрации края, нежели от воли граждан, легитимирующих их пребывание на своих постах. Весьма частая ротация руководителей в ряде районов края, происходящая по схеме «назначение, одобренное региональными властями, — избрание подавляющим большинством голосов — отставка» указывает на то, что дело не столько в персоналиях, сколько в принципах управления. Показательно, как отреагировала на конфликт компания «ЕвроХим»: она сразу признала свои ошибки, стала демонстрировать волю к их исправлению, информационную открытость. На этом фоне ярко проявляется контраст с деятельностью местных руководителей, которые пытаются блокировать открытое развитие конфликта, создавая препятствия для деятельности экологического движения, сложившегося в городе на основе взаимодействия экологических, общественных и политических структур. Подобная тактика проявляется, в частности, на примере попыток сорвать проведение митинга 18 июля 2010 г. (объявление его несанкционированным, попытки оказать давление на активистов движения, загромождение площади, намеченной для его проведения, и т. д.). Характерна также псевдокоммуникация с общественностью, выразившаяся в создании «общественного экологического совета» при местной администрации, куда представители экологического движения не вошли. Создана также подконтрольная администрации организация «Я — туапсинец». В связи с этим требования участников движения приобретают более радикальный характер: помимо чисто экологической составляющей (проведение референдума по поводу функционирования терминала, запрет добычи нефти на шельфе Черного моря в акватории вблизи Туапсе и т. д.) в них звучат и политические лозунги отставки главы администрации, поддерживаемого краевыми властями [6].

Стало очевидно, что происходит эскалация конфликта. В этих условиях изменяется модель коммуникации. На протяжении конца 2010 — начала 2011 г. в рамках диалога, инициированного гражданами при поддержке муниципальной и региональной власти (модель артикуляции претензий), была проведена независимая экологическая экспертиза балкерного терминала компании «ЕвроХим», результаты которой опубликованы и предоставлены для ознакомления широкой общественности [9].

25 мая 2011 г. в Общественной палате РФ состоялся круглый стол по теме «Общественный экологический контроль как инструмент модернизации российской промышленности», где обсуждались экологические проблемы г. Туапсе [21]. Наконец, 21 июня 2011 г. на сайте Президента России появились поручения по итогам заседания президиума Государственного совета, состоявшегося 9 июня 2011 г. в Дзержинске. Президент поручил председателю Правительства РФ В. В. Путину и главе администрации Краснодарского края

А. Н. Ткачеву провести публичные слушания по оценке экологических рисков проектов строительства терминалов на территории г. Новороссийска, в том числе мазутного терминала, и на территории г. Туапсе и дополнительно проработать эти проекты с учетом результатов проведенных консультаций и слушаний [13]. Данные слушания были проведены летом 2011 г., и по их итогам было решено создать совет по экологическим проблемам при губернаторе Краснодарского края [7].

Таким образом, попытки властных структур действовать в русле конфликтных и манипулятивных моделей политической коммуникации привели к усугублению конфликта. После того как конфликт вышел на региональный и федеральный уровень благодаря вовлечению в него значительного числа жителей г. Туапсе, а также в связи с угрозой дальнейшей эскалации противоборства, расширением списка требований конфликтующих, модель коммуникации стала меняться. Эта ситуация показывает, что в рамках сложившегося институционального дизайна политической системы органы власти пользуются возможностью выбирать партнеров по диалогу, исходя из собственных соображений, а не из требований позитивного разрешения проблем, волнующих общество. Только необходимость, вызванная внешним воздействием, подвигает их в сторону диалога с общественностью. Акции политического протеста, развернувшиеся в различных городах России после 4 декабря 2011 г., подтверждают данный тезис. Но это уже тема для отдельного исследования.

Библиографический список

1. В Туапсе будут протестовать против химтерминала. URL: <http://www.livekuban.ru/node/171268#comment-17461>
2. В Туапсе партия «Яблоко» провела запрещенный митинг. URL: <http://www.livekuban.ru/image/206365>
3. Глухова А. В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). М.: Эдиториал УРСС, 2000.
4. Заповедник создан — проблемы остались. URL: <http://www.wwf.ru/resources/news/article/7152>
5. За спасение Утриша! URL: <http://www.ewnc.org/utrish>
6. Митинг в Туапсе состоялся. URL: <http://nakavkaze.ru/archives/394>
7. На Кубани создадут общественный экологический совет при губернаторе. URL: http://www.antkachev.ru/feeds/news/detail.php?ELEMENT_ID=6022
8. На экологический митинг в Туапсе собралось около трех тыс. человек. URL: <http://www.livekuban.ru/node/197144>
9. Независимая экологическая экспертиза посчитала Туапсинский балкерный терминал безопасным. URL: <http://www.livekuban.ru/node/291232>
10. Об утверждении Лесного плана Краснодарского края на 2009-2018 годы. URL: <http://www.ewnc.org/node/5244>

11. О государственном природном заповеднике «Утриш»: Распоряжение Правительства РФ от 2 сентября 2010 г. № 1436-р URL: <http://www.government.gov.ru/gov/results/12080/>
12. Павловская Т. Туапсе лишился главы // Российская газета. 2010. 2 июня.
13. Поручение Правительству Российской Федерации совместно с администрацией Краснодарского края (по итогам заседания президиума Государственного совета, состоявшегося 9 июня в Дзержинске). URL: <http://президент.рф/misc/12222>
14. Спасем Утриш. URL: <http://www.save-utrish.ru>
15. Сунгуров А. Ю. Модели взаимодействия органов государственной власти и структур гражданского общества: российский опыт. URL: http://www.4cs.ru/materials/wp-id_358
16. Туапсинцы на митинге против химтерминала выразили недоверие главе района. URL: <http://www.livekuban.ru/node/188341>
17. Цветкова О. Знакомьтесь: Туапсинский балкерный терминал // Вольная Кубань. 2010. 13 мая.
18. Цой Л. Н. Практическая конфликтология. М.: ООО ИПЦ «Глобус», 2001. Кн. 1.
19. Экологи назвали фарсом создание заповедника «Утриш». URL: http://www.asi.org.ru/ASI3/rws_asi.nsf/va_WebPages/3601658CF59C1C2EC325779A00490C29Rus
20. Экологи называют половинчатым решение о создании заповедника «Утриш». URL: <http://ug.rian.ru/society/20100910/82029161.html>
21. Экологические проблемы обсуждались в Общественной палате. URL: <http://www.soyuzmash.ru/informcenter/news/index.php?news=5714>

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ ИСЛАМСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В МИРЕ

.....

А. В. Егупов¹

В статье анализируется организационный потенциал и современные инструменты воздействия исламских организаций на социально-политические процессы в мире. Анализ исламских организаций позволил выделить их различные типы (межгосударственные, неправительственные, общественно-религиозные, благотворительные и гуманитарные, фундаменталистские, экстремистские). Существующие в различных странах мира исламские организации осуществляют непрерывное взаимодействие по различным направлениям, оказывая помощь и поддержку исламским экстремистским организациям, которые угрожают национальным интересам и безопасности многих стран мира, в том числе и Российской Федерации.

Ключевые слова: ислам, исламская организация, исламизация, политический ислам, фундаменталистские исламские организации, терроризм.

Article purpose is the analysis of organizational potential and modern tools of influence of the Islamic organizations on sociopolitical processes in the world. The analysis of the Islamic organizations has allowed to allocate their various types (interstate, non-governmental, socially-religious, charitable and humanitarian, fundamentalist, extremist). The Islamic organizations existing worldwide carry out continuous interaction in various directions, carrying out the help and support to the Islamic extremist organizations which threaten national interests and safety of many countries of the world, including to the Russian Federation.

Key words: Islam, the Islamic organization, Islamization, political Islam, the fundamentalist Islamic organizations, terrorism.

В настоящее время в различных странах мира насчитывается несколько сотен различных исламских организаций, число которых постоянно увеличивается в связи с расширением масштабов и видов исламской деятельности

¹ Егупов Александр Викторович – кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: san77@mail.ru

на международной арене. При этом отмечается тенденция скрывания целей, сфер и форм деятельности группировок, проповедующих идеи и принципы радикального ислама. В этой связи проведение научной классификации всех существующих в настоящее время исламских организаций, выделение их отдельных видов по специально разработанным принципам создает условия для целенаправленного их изучения и выработки необходимых мер противодействия.

В странах, где население исповедует ислам, существует большое количество исламских организаций, различающихся по целям, структуре, составу, сферам и формам деятельности. Их руководящими и политическими органами принимаются и реализуются решения по вопросам, оказывающим влияние не только на мусульманские, но и на многие другие страны.

Для современного этапа характерно появление единых руководящих органов, которые координируют деятельность исламских экстремистских организаций и оказывают им финансовую и другие виды помощи. Исламские организации различаются по своей структуре, целям, уровням представительства, сферам и формам деятельности. Их руководящими органами применяются и реализуются решения по самому широкому кругу вопросов, влияющие не только на мусульманские, но и на многие другие страны. В распоряжении исламских организаций находятся значительные финансовые и материальные средства.

На основе анализа информации о существующих в настоящее время организациях исламистского толка их можно разделить на следующие виды: межгосударственные исламские организации; неправительственные общественно-религиозные исламские организации; благотворительные и гуманитарные исламские организации; фундаменталистские исламские организации; исламские экстремистские организации.

Межгосударственные исламские организации действуют на правительственном уровне. Страны-участницы представлены в них главами государств или правительств, решения принимаются и реализуются на государственном уровне. Принятие и реализация решений распространяются практически на все сферы общественно-политической, экономической и культурной жизни мусульманских стран.

В настоящее время успешно функционирует лишь одна подобная организация — Исламская конференция (ОИК), основанная 25 сентября 1969 г. на Конференции глав мусульманских государств в Рабате (Марокко). 28 июня 2011 г. решением состоявшейся в Астане 38-й сессии Совета министров иностранных дел (СМИД) ОИК Организация Исламская конференция переименована в Организацию исламского сотрудничества (ОИС). Основные цели организации:

- обеспечение исламской солидарности в социальной, экономической и политической сферах;
- поддержка борьбы против колониализма, неоколониализма и расизма;
- поддержка Организации освобождения Палестины;
- сотрудничество в экономической, социальной, культурной, научной и других важных областях;
- содействие международному миру и безопасности на основе справедливости;
- поощрение сотрудничества и взаимопонимания между государствами-членами и другими странами.

Руководящие органы ОИС:

- совещание глав государств ОИС — высший орган; проводится каждые три года в одной из стран-членов;
- совещание министров иностранных дел; проводится ежегодно в одной из стран-членов, в случае необходимости министры могут собраться на чрезвычайное заседание;
- секретариат ОИС — постоянно действующий руководящий орган, работающий под эгидой Генерального секретаря [1].

При ОИС действует ряд самостоятельных организаций, созданных по решениям ее конференций, деятельность которых координируется Генеральным секретариатом: Исламский банк развития; Организация радиовещательной и телевизионной службы исламских государств; Исламская торгово-промышленная палата; Исламское агентство новостей; Исламский фонд развития; Исламский суд справедливости; Исламский центр по профессионально-техническому обучению и исследованиям; Исламская комиссия по экономическим и культурным вопросам; Центр по статистическим, экономическим и социальным исследованиям; Центр по исследованию исламского искусства и культуры; Фонд Иерусалима, Комитет по Иерусалиму; Организация исламских столиц; Исламский центр развития торговли; Исламская организация по вопросам образования, науки и культуры.

Организация исламского сотрудничества напрямую не используется лидерами и идеологами экстремистского ислама, хотя иногда в принимаемых ею решениях и резолюциях выражалась косвенная поддержка радикальных исламских движений под предлогом «защиты угнетенных мусульман». Вместе с тем представители исламских экстремистских организаций используют возможности исламских информационных агентств, а также так называемых исламских университетов для пропаганды своих идей.

Неправительственные общественно-религиозные исламские организации в основном находятся в Саудовской Аравии, поддерживают связи с исламски-

ми группировками и организациями в других странах, принимают решения и организуют свою деятельность по самому широкому кругу вопросов и многим направлениям. Наиболее влиятельной из них является Лига исламского мира — ЛИМ (в русскоязычных публикациях иногда именуется как Всемирная исламская лига), которая была создана Королевством Саудовская Аравия (КСА) в 1962 г. в качестве одного из инструментов для проведения своей внешней политики. ЛИМ является неправительственной религиозно-политической организацией, преследующей следующие цели: пропаганда исламского учения; борьба с враждебными исламу идейными и сектантскими течениями; укрепление политических позиций мусульманского духовенства; объединение молодежи «под знаменем ислама» и т. д. Своей главной задачей ЛИМ считает укрепление политических позиций мусульманского духовенства, расширение контактов между исламскими организациями, выработку общих теологических обоснований по важнейшим политическим вопросам, борьбу в защиту прав мусульманских меньшинств и оказание влияния на их организации в различных странах мира. Штаб-квартира ЛИМ расположена в Мекке (КСА).

Организационно в состав ЛИМ входят: Высший комитет по координации работ исламских организаций мира; Центр антикоммунистической пропаганды; Специальная комиссия по опровержению инсинуаций против ислама; Высший всемирный совет мечетей; Высший комитет по исламским делам; Совет по исламской философии [2, с. 37].

Финансирование ЛИМ в полном объеме осуществляется за счет Саудовской Аравии. Значительная часть средств поступает в качестве помощи и добровольных пожертвований членов королевской семьи, коммерческих фирм и компаний, а также частных лиц. ЛИМ координирует свою деятельность с различными международными и национальными исламскими организациями, с правительственными учреждениями Саудовской Аравии.

Всемирная ассоциация исламской молодежи (ВАИМ). Создана в 1972 г. по решению Второго съезда Всемирной ассамблеи молодежи исламского призыва. Штаб-квартира находится в Эр-Рияде. Основные цели: работа в исламской молодежной студенческой среде, налаживание сотрудничества и координации в области разработки, планирования и осуществления различного рода исламских мероприятий.

ВАИМ координирует свою деятельность с другими исламскими организациями (ОИС, ЛИМ), а также с правительственными учреждениями Саудовской Аравии. Ассоциация финансируется за счет субсидий, предоставляемых саудовским правительством через министерство по делам ислама. Часть средств поступает в качестве помощи и добровольных пожертвований.

В значительной степени ВАИМ используется для усиления влияния Саудовской Аравии и реализации ее внешнеполитических устремлений в мусульманских общинах и местах компактного проживания мусульман, в том

числе на территории РФ и республик СНГ. Работу в этом направлении проводит специально созданный в 1994 г. комитет с целью религиозного просвещения молодых мусульман в странах бывшего СССР, осуществления помощи в решении исламских проблем.

Одна из активных форм работы ассоциации — подготовка мусульманской молодежи на базе летних лагерей. Учебный цикл включает религиозное обучение, трудовое и физическое воспитание. Важное внимание в деятельности ВАИМ уделяется религиозно-пропагандистской работе.

«Аль-Вакф». Создана представителями Саудовской Аравии и зарегистрирована в 1988 г. в г. Хельмонд (Нидерланды). Основная цель — ведение религиозно-просветительской и иной исламской деятельности в странах Восточной Европы и на территориях республик бывшего СССР. Основные направления деятельности определяет Совет попечителей, состоящий из 11 человек. Управленческий персонал организации размещается в офисах в Эр-Рияде, Джидде (Саудовская Аравия), Эйндховене (Нидерланды) [1].

«Аль-Вакф» осуществляет реализацию следующих программ: религиозное образование, «исламский призыв», перевод и печать исламской литературы, медицинская и социальная помощь мусульманам, информационно-пропагандистская работа, паломничество и религиозные праздники, помощь мусульманам Косова и Чечни.

«Исламский призыв» представляет собой программу создания исламских культурных центров, строительства мечетей, летних лагерей, проведение религиозных конференций. Реализуется с целью противодействия влиянию «чуждой» западной культуры в регионах комплексного проживания исламских меньшинств. На базе культурных центров работают кружки по изучению Корана, школы выходного дня, спортивные и компьютерные кружки. Всего за время существования организации «Аль-Вакф» и при ее содействии было построено более 120 мечетей в различных странах мира.

Благотворительные и гуманитарные исламские организации занимаются оказанием финансовой, гуманитарной и медицинской помощи нуждающимся в этом мусульманам в зонах природных катастроф, социальных конфликтов, а также «подвергающихся насилию». Основу финансовых фондов этих организаций составляют добровольные пожертвования, которые собираются во всех мусульманских странах. В настоящее время во всем мире существует несколько сотен исламских организаций подобного рода, большинство из которых действительно облегчают жизнь нуждающимся в помощи людям. Вместе с тем некоторые из них занимаются также оказанием помощи исламским экстремистам. К таким организациям, в частности, относится «Аль-Харамейн», созданная в Эр-Рияде в 1991 г. Основные цели — популяризация ислама, оказание помощи мусульманам в Саудовской Аравии и в других странах. Штаб-квартира находится в Эр-Рияде. В состав организации входят посто-

янно действующие комиссии Европы, Северной и Южной Америки, Африки и Азии; комиссия исламского призыва и попечительства; комиссии по делам мечетей, сезонных проектов, сбора пожертвований. Отделения и представительства «Аль-Харамейн» расположены в 21 государстве, в том числе в США, Нидерландах, Бельгии, Германии, Австралии, Китае, Бангладеш, Пакистане, Йемене, Ливане, Иордании, ПНА, Сомали, Кении, Танзании, Нигерии, Уганде, Албании, Боснии и Герцеговине [2, с. 38].

Фундаменталистские исламские организации осуществляют свою деятельность на основе панисламского национализма. Основные идеи: мусульмане должны добиваться возрождения славы ислама; знамя ислама должно развиваться над человечеством; причина отсталости мусульман заключается в отходе от ислама.

Фундаменталистские исламские организации заявляют о том, что ислам — это «наилучшая в истории мировых цивилизаций система соединения веры и государства», однако их программы не включают экспансионистские цели и задачи, призывая лишь к постепенной трансформации общества. Действуют с легальных позиций. Вместе с тем некоторые из этих организаций могут проводить акты «очищающего» насилия, направленные против «греховных» мест развлечений, ночных клубов, отелей и кинотеатров.

Далее приведем основные фундаменталистские исламские организации, действующие в настоящее время.

Партия «Ислах» (Йеменское единение «за реформу»). Образована в 1991 г. Лидеры — шейх А. Х. Аль-Ахмар (глава партии, председатель парламента Йемена) и шейх А. М. Аз-Зиндани (глава радикального крыла). Является легальной политической партией, действует в парламенте страны, входит в оппозиционный блок. Основные цели:

- утверждение ислама в качестве мировоззрения и шариата как основы законодательства;
- оздоровление йеменского общества, сохранение исламской нравственности, ценностей, традиций и священных обычаев;
- создание сильной национальной экономики на законодательной базе исламского шариата [2, с. 39].

Общество содействия распространению ислама (ОСР). Основано в Кувейте в 1963 г. Штаб-квартира расположена в Эль-Кувейте. Имеет широкое представительство в национальном парламенте (30% общего числа депутатов). Стремится отстранить от власти правящий в Кувейте клан Ас-Сабахов парламентским путем. Основные цели:

- возвращение к «истинным», традиционным исламским ценностям;
- активное противодействие враждебным исламу течениям всеми законными средствами;

— оказание помощи нуждающимся мусульманам в зарубежных странах.

ОСР проводит широкомасштабные акции по сбору финансовых средств, которые расходуются на расширение числа своих отделений и филиалов за границей, активизацию пропагандистской деятельности, а также на осуществление так называемых гуманитарных программ. В частности, при содействии ОСР открываются исламские факультеты в зарубежных университетах, создаются исламские комплексы, включающие мечеть, школу, детский сад и библиотеку исламской религиозной литературы.

Общество «Движение ислама» (ДИ). Образовано в Пакистане в 1941 г. Штаб-квартира расположена в провинции Пенджаб. Основные цели:

— превращение Пакистана в теократическое мусульманское государство, основанное на принципах Корана и шариата;

— объединение нации;

— освобождение «порабощенных народов» Средней Азии и их возвращение к истокам ислама.

Исходя из своих программных целей и задач, ДИ оказывает всестороннюю поддержку «борцам за веру» за пределами Пакистана, в том числе в центральноазиатских республиках СНГ и на Северном Кавказе. ДИ создало в Пакистане Исламский таджикский комитет и Исламский узбекский центр, через которые пытается практически воздействовать на развитие ситуации в Центральной Азии. Для этого руководство ДИ планирует осуществить максимальную исламизацию населения центральноазиатских республик СНГ, строительство в них как минимум 25 тыс. мечетей, снабжение всех верующих религиозной литературой, подготовку и внедрение в этот регион групп «исламских миссионеров».

Один из наиболее реакционных и экстремистских режимов в мире — Исламское движение талибов (ИДТ) в Афганистане, практически вышло из ДУИ (лидер ИДТ — мулла М. Омар, обучался и воспитывался в медресе этой организации) и выступает за устранение иностранного влияния, возврат к исламским ценностям и нормам в общественной и личной жизни, оказание противодействия «экстремистской политике Израиля», в поддержку мусульман разных стран.

«Хизбалла» — единственная суннитская организация с таким названием на Ближнем Востоке, которая действует в легальных условиях, существует в Иордании с конца 1940-х гг. Имеет своих представителей в парламенте страны. Считает возможной мирную трансформацию королевского монархического режима в исламский и превращение Иордании в теократическое государство на основе положений Корана и шариата.

Выступает за устранение в стране иностранного влияния, возврат к исламским ценностям и нормам в общественной и личной жизни, оказание противо-

действия «экстремистской политике Израиля», в поддержку мусульман разных стран. Неоднократно оказывала финансовую помощь незаконным вооруженным формированиям в Чечне.

Исламские экстремистские организации главными целями своей деятельности считают свержение «незаконных» режимов и активную борьбу с «неверными и угнетателями мусульман» в различных странах мира путем ведения «джихада» с использованием методов вооруженного насилия и террора. Действуют, как правило, в нелегальных условиях. Имеют в своем распоряжении значительное количество хорошо подготовленных боевиков, способных на применение суицидных акций. Активно пропагандируют основные идеи экстремистского ислама, в том числе о создании Халифата.

Межгосударственные исламские организации, действуя с легальных позиций, оказывают косвенную пропагандистскую поддержку фундаменталистским исламским организациям, а через них и экстремистским группировкам путем распространения некоторых идей радикального ислама. ОИК через свои каналы и структуры также помогает неправительственным общественно-религиозным организациям, предоставляя им возможность пользоваться своими денежными фондами.

Неправительственные общественно-религиозные исламские организации играют важную роль в структуре всех исламских организаций, потому что за ними стоят представители высшего саудовского руководства и Служба общей разведки Саудовской Аравии. Эта страна стремится занять лидирующие позиции в мусульманском мире, для чего широко использует свои политические и финансовые возможности ВИА. МИОС и другие организации этой группы ведут активную пропаганду и распространяют фундаменталистские, а также экстремистские идеи исламской идеологии, оказывают значительную финансовую помощь и поддержку благотворительным и фундаменталистским организациям, через которые ее крупные денежные средства попадают в руки экстремистских группировок.

Фундаменталистские исламские организации по своим политическим и идеологическим взглядам ближе всего к экстремистским группировкам, поэтому они практически открыто оказывают им всестороннюю помощь. Эти организации служат базой для вербовки и обучения боевиков, оказывают прямую пропагандистскую поддержку незаконным вооруженным формированиям, ведущим вооруженную борьбу ради «победы ислама» в зарубежных странах, предоставляют им финансовые средства на закупки вооружения и боеприпасов, организуют у себя лечение раненых боевиков.

В качестве одного из действенных инструментов своей деятельности все без исключения исламские организации используют Интернет. Через Интернет различные международные, экстремистские и террористические организации ведут активную пропаганду нетерпимости. Совершенствование

новых информационных технологий с их простотой и удобством доступа, относительно дешевой и иными приемлемыми и удобными для использования качествами открыло новые границы для массового воздействия на аудитории. Безусловно, благодаря Интернету международные благотворительные и гуманитарные, фундаменталистские организации получают доступ к огромной аудитории за сравнительно низкую цену. В современных условиях любой пользователь Интернета может получить последнюю информацию о деятельности различных исламских организаций.

Сегодня в Интернете функционирует значительное количество информационных ресурсов, способствующих развитию и функционированию исламских организаций. Условно такие сайты можно разделить на четыре основные группы.

Первая — сайты, непосредственно распространяющие идеи исламской пропаганды, благотворительной, гуманитарной и фундаменталистской направленности. В частности, через такие ресурсы международные исламские организации практически беспрепятственно могут осуществлять пропаганду радикальных течений ислама.

Вторая — информационные ресурсы, осуществляющие информационную и финансовую поддержку представителей международных исламских организаций.

Третья — сайты, разжигающие ксенофобию на основе расовой или национальной принадлежности. К ним, в частности, относятся интернет-ресурсы антисемитского характера.

Четвертая — ресурсы информационно-справочного характера, косвенно. На таких ресурсах можно найти информацию о международных организациях, их структуре и задачах функционирования [3].

Интернет в современных условиях существенно изменил коммуникационную сеть исламских международных организаций. Если ранее это были сети с сильным центральным командным пунктом, то теперь это сети, где четкие командные пункты не просматриваются благодаря еще большему развитию сетевого характера этих структур.

Таким образом, основными целями использования исламскими организациями сети Интернет являются: обеспечение доступа к средствам массовой информации и пропаганда организационной деятельности; обеспечение коммуникативной функции, организационной, финансовой и учебно-информационной деятельности; ведение пропаганды с помощью электронных технологий. Главная причина успешного использования исламскими организациями сети Интернет — сложность обнаружения и ликвидации сетевых центров (серверов, доменов, веб-сайтов). Различия в национальных законодательствах вызывают дополнительные сложности в борьбе с распространением, например,

экстремистами материалов информационно-психологического воздействия через Интернет.

Итак, существующие в настоящее время в различных странах исламские организации осуществляют тесное взаимодействие по различным направлениям. При этом часть из них прямо или косвенно оказывает помощь и поддержку исламским экстремистским организациям, которые угрожают национальным интересам и безопасности многих стран мира, в том числе и Российской Федерации.

Относительно будущего религии в настоящее время высказываются различные предположения. Крайние из них сводятся к тому, что религии принадлежат будущее и ее роль в жизни общества возрастет и, напротив, что религия не имеет будущего и она постепенно будет вытеснена научным мышлением, гуманистической светской этикой. Современные альтернативы организованным религиям, включая христианство, идут в двух направлениях. Одно — превращение религиозной веры в какой-то вариант светского мировоззрения, гуманизма, другое — развитие многообразных суеверий, магических ритуалов и оккультизма, в которых религиозное мироощущение сохраняется, но уходит из-под контроля церкви и превращается в некую современную мифологию.

Библиографический список

1. *Вихрев М.* Исламские организации и их влияние на существование и распространение исламистского экстремизма. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1122192600>
2. *Добаев И. П.* Политические институты исламского мира: идеология и практика. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001.
3. *Костихин А. А.* Интернет как инструмент террористических и экстремистских организаций в психологической войне. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/11-07-06c.htm>

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БИЗНЕСА И ВЛАСТИ

.....

Г. П. Рогочая¹

В статье идёт речь о сложившихся в современной России практиках взаимодействия власти и бизнеса. Автор рассматривает возможности частно-государственного партнёрства в контексте динамики модернизационных процессов.

Ключевые слова: модернизация, коммуникация, власть, бизнес, социальное партнёрство, неформальные практики.

The article deals with the prevailing practices in contemporary Russia cooperation between business and government. The author considers the possibility of public-private partnership in the context of the dynamics of modernization processes.

Key words: modernization, communication, power, business, social partnership, informal practices.

Сложно переоценить влияние традиции и стереотипов на воспроизводство тех или иных социальных практик. Инициирование государством модернизационных процессов в России стало устойчивой традицией. Ряд исследователей отмечают, что достаточно жесткая позиция государства в отношении инициирования, выбора курса и самого хода модернизации приводит к тому, что «успешное реформирование одних сфер общественной жизни сопряжено с застоем или даже упадком других» [6]. Если попытаться выявить общее во всех «волнах» российской модернизации, то мы увидим безусловное доминирование государства как субъекта, иницирующего этот процесс, и приоритет технологического направления в программах модернизационного развития. Следует отметить, что такая логика модернизационного развития в краткосрочной перспективе давала свои положительные результаты, но никогда не приводила к социальной модернизации. Сегодня требуются активные меры для изменения подобного состояния. При обсуждении модернизационных стратегий развития наиболее дискуссионным остается вопрос о субъекте социально-политической модернизации в России. Дело в том, что на протяжении всей истории модернизационных

¹ Рогочая Галина Петровна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: rogochayagp@rambler.ru.

циклов в России модернизация общества и социальной сферы постоянно подменялась модернизацией технологической или бюрократической. В итоге общество так и не смогло реализовать свой потенциал к самоорганизации. Традиция реформирования и модернизации сверху усиливает роль чиновничества, которое, как правило, выступает носителем консервативной идеологии, по своим онтологическим основаниям не способной играть роль проводника модернизационной политики. В результате, как справедливо отмечает В. Пантин, нарастает и без того существенный разрыв в приоритетах власти и общества. Ученый констатирует «разнонаправленность процессов модернизации государства и модернизации общества» [7], подчеркивает традиционное доминирование государства в процессах модернизации и отстраненное, зачастую индифферентное отношение к ней гражданского общества.

Мировой экономический кризис обострил проблему динамики модернизационного процесса и его социальной составляющей. Минимизация последствий кризиса во многом определяется темпами и методами формирования гражданского общества, основу которого составляет частное предпринимательство. По мнению А. С. Ахиезера, специфика российской модернизации заключается в нестыковке разных вариантов ее интерпретации различными социокультурными группами. В отсутствие развитого социального диалога это может привести к расколу, сводящему на нет даже технологические достижения модернизации [1].

Речь идет о формировании нового субъекта модернизации, четко осознающем свой интерес и имеющий возможности для его реализации. В атомизированном российском обществе только бизнес может стать таким субъектом. В этом случае предпринимаемые государством меры будут находить отклик со стороны уже подготовленного общества. Проводимая модернизация осуществляется на фоне формирования социальной рыночной модели экономики, что предполагает возникновение новых требований со стороны общества. Логика рыночной экономики требует от государства как производителя государственных услуг соблюдения правил политического рынка и формирования новой модели взаимодействия с обществом.

Государственные структуры заинтересованы в формировании партнерской модели взаимоотношений с бизнес-сообществом, о чем свидетельствует заявление В. Суркова на конференции «Социальное измерение модернизации»: «Социальная модернизация невозможна, если сохранять экономику в нынешнем виде» [4].

Д. А. Медведев, говоря о модернизации, отметил, что «успех во многом будет зависеть от сбалансированного частно-государственного партнерства, в котором должны принимать участие не только крупный, но также средний и малый бизнес» [3].

Необходимость модернизации российской экономики делают актуальной проблему коммуникации бизнеса и власти. В современных условиях происходят существенные изменения в области взаимодействия бизнеса и власти, что сопровождается обнаружением большого числа общих интересов и усилением сотрудничества между ними. Подтверждение этому — многочисленные проекты в рамках государственно-частного партнерства. Безусловно, такое сотрудничество можно отнести к позитивным аспектам коммуникации бизнеса и власти. Социальное партнерство способствует выработке взаимовыгодных стратегий развития как для государства, так и для бизнеса и развитию культуры социального диалога в российском обществе. Но вместе с тем пространство коммуникации бизнеса и власти по-прежнему характеризуется устойчивым доминированием неформальных практик.

Причины доминирования данных отношений в практике взаимодействия различны. К ним можно отнести и фактор зависимости данного способа коммуникации от традиции патронирования властью социальных инициатив, и стремление приписать себе заслуги бизнеса в тех или иных социальных проектах. Данное положение вещей во многом обусловлено политической культурой как российской власти, так и российского бизнеса. С.В. Цирель выделяет ряд факторов, влияющих на воспроизводство традиционных практик коммуникации в российском обществе:

- стремление любых властей увеличивать свои полномочия;
- потребность властей увеличивать свои полномочия при неспособности людей самостоятельно договориться между собой, большая простота присвоения этих полномочий по сравнению с попытками развить гражданские структуры;
- отсутствие реального сопротивления присвоению властями тех функций и полномочий, с которыми могли бы справиться неправительственные структуры, если бы они существовали и эффективно функционировали;
- «подспудное или усвоенное на собственном опыте знание людей о своей неспособности договариваться друг с другом без помощи властей».

Все это приводит к образованию авторитарной власти независимо от существования прежних авторитарных режимов и их традиций. Таким образом, источниками авторитаризма в России являются не только (а, может быть, и не столько) зависимость от пройденного пути и культурные традиции, но в значительной степени самостоятельный механизм, порождающий новый авторитаризм, более или менее независимый от предыдущего» [8]. Другой, не менее важной причиной, на наш взгляд, является сформировавшаяся в 2000-е гг. модель государственного корпоративизма. И как результат — сращивание современного российского бизнеса и власти. В силу отсутствия традиции формирования бизнеса из структур гражданского общества единственным гарантом

сохранения собственности выступает наличие административных возможностей. Немаловажным фактором, способствующим разрастанию неформальных практик взаимодействия, служит и бюджетная политика последних лет, когда региональные власти, аккумулируя у себя бюджетные поступления, перекладывают социальную нагрузку на местные власти, которые, фактически не имея бюджетных ресурсов для решения своих социальных задач, вынуждены вести торг и оказывать давление на бизнес для выполнения своих социальных обязательств. Создавая механизмы «принудительной социальной ответственности» в форме участия в дофинансировании территорий, данная модель отношений не может обеспечить решение задач российской модернизации, поскольку препятствует формированию субъекта модернизации в лице бизнеса. В нынешней ситуации бизнес напрямую зависит от власти, что не делает его эффективным и конкурентным. А власть в лице политико-экономической элиты заинтересована не в структурных изменениях в российской экономике, а лишь в сохранении своих ресурсов и статусных привилегий.

Сложившаяся модель взаимодействия нуждается в срочном реформировании. Факторы, которые могут способствовать таким изменениям, дифференцируются на внутренние и внешние. К внутренним факторам системы прежде всего следует отнести поручение президента Д.А. Медведева к 1 октября 2011 г. освободить должности в совете директоров крупнейших компаний высокопоставленным чиновникам Правительства и Администрации Президента Российской Федерации. Это свидетельствует о начале реформирования сложившихся в 2000-е гг. практик взаимодействия бизнеса и власти.

Среди внешних можно выделить стремление к восприятию опыта других стран в области построения взаимоотношений бизнеса и власти, влияние международных и собственно российских организаций, касающееся унификации стандартов взаимодействия органов государственной власти и бизнес-сообщества.

В этой связи интерес представляет контрактная форма взаимоотношения бизнеса и власти, отличающаяся относительной стабильностью. В целом логика контрактных взаимоотношений выстроена таким образом, что бизнес выплачивает налоги государству, которое, в свою очередь, обеспечивает наличие и функционирование прозрачных и законодательно закрепленных правил игры в экономической сфере для бизнес-сообщества. Стоит отметить, что таким образом происходит коммуникация между государством, заботящемся «о росте социальной и экономической стабильности страны и отдельных регионов России и увеличении средств и эффективности политики социальных программ», с одной стороны, и бизнесом «заинтересованным в росте доходов и покупательной активности населения, стабильности государственной политики в отношении коммерческих структур, общественном признании и позиционировании компаний, придерживающихся стандартов корпоративной социальной ответственности и осуществляющих социальные инвестиции» [5] — с другой.

Ряд исследователей, среди которых можно выделить А. А. Яковлева, предлагают анализировать проблемы взаимодействия бизнеса и власти через призму двух базовых стратегий поведения указанных акторов — «стратегию дистанцирования от государства, основанную на стремлении к свободе и независимости, весьма развитом у предпринимателей, и стратегию тесной интеграции с ним с целью максимизации прибыли на основе получения от правительства специальных преференций и льгот» [9]. Данная классификация позволяет увидеть эволюцию отношений властных структур и бизнес-сообщества.

Крупный бизнес в состоянии контактировать с органами власти напрямую, используя собственные связи и возможности применения методов лоббирования, в то время как средний бизнес вынужден пользоваться существующими коммуникационными площадками, среди которых можно отметить союзы промышленников и предпринимателей, «Деловую Россию» и «Опору». Высказывается мнение относительно того, что «если раньше роль канала общения бизнеса с властью играли и некоторые политические партии (СПС, «Справедливая Россия» и др.), то теперь ее играют главным образом фракции и группировки внутри «Единой России»» [2].

Следует отдельно отметить, что в условиях кризиса проблемы институционализации отношений бизнес-структур и властных органов усугубляются, поскольку экономическая ситуация и официальная позиция власти могут быстро меняться, а инициатива и контроль за коммуникационными площадками остаются у власти.

Библиографический список

1. Ахиезер А. С. Специфика исторического пути России. URL: <http://www.libertarium.ru>.
2. Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник/под ред. Н. Петрова и А. Титкова. М.: Моск. Центр Карнеги, 2010.
3. Жизнин С. З. Модернизация или индустриализация. URL: http://www.ng.ru/energy/2011-01-11/11_business.html.
4. Закатнова А. Мотивация к модернизации. URL: <http://www.rg.ru/2010/10/01/surkov.html>.
5. Корпоративная социальная ответственность: управленческий аспект/под ред. И. Ю. Беляевой, М. А. Эскиндарова. М.: Кнорус, 2008.
6. Пантин В. И, Лапкин В. В. Волны политической модернизации в истории России. URL: <http://ss.xsp.ru/st/003/>.
7. Пантин В. Политическая модернизация в России: циклы, особенности, закономерности. М.: Русское слово, 2007.
8. Цирель С. В. Преобладание иерархического типа взаимодействия власти и бизнеса как проявление зависимости от предшествующего развития. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/211519.html>.
9. Яковлев А. А. Эволюция стратегий взаимодействия бизнеса и власти в российской экономике // Российский журнал менеджмента. 2005. Т. 3, № 1.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТЭКОНОМИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ОПТИМИЗАЦИИ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

.....

Н. Н. Юрченко¹

В статье рассматриваются проблемы исследования политико-экономических процессов в современной России на фоне мирового финансового кризиса в контексте целесообразности обновления и дополнения методологических аспектов политэкономии. Речь идёт также о критериальном анализе административных практик в области политического и государственного управления и способах повышения эффективности взаимодействия политической и экономической сферы жизни общества посредством формирования организационно-управленческой функциональной системы как важнейшего условия преодоления кризисных явлений.

Ключевые слова: политэкономия, мировой финансово-экономический кризис, политико-административное управление, организационно-управленческая функциональная система.

The paper considers the problem of the study of political and economic processes in the modern world against the backdrop of the financial crisis in the context of the appropriateness of renovation and additions to the methodological aspects of political economy. This is a criterial analysis of administrative practices in political and public administration and ways to improve the effectiveness of interaction of political and economic spheres of society through the creation of organization and management of the functional system as a key condition to overcome the crisis.

Key words: political economy, political and administrative management, worlds financial crisis, criterial analysis, organizational and management functional system.

¹ Юрченко Наталья Николаевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: nnyurchenko@mail.ru

Исследование выполнено в рамках работы над научно-исследовательским проектом «Оптимизация административных практик в области политического и государственного управления в современной России» по программе Министерства образования и науки РФ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России (2009–2013 гг.)».

Программные статьи В.В. Путина «О наших экономических задачах» и «Демократия и качество государства» показывают, что концептуальное обоснование кардинальных перемен в политико-экономической сфере актуализирует необходимость принципиально новых подходов к изучению административных практик, от которых напрямую зависят как качество государства, так и «стабильное поступательное развитие нашей экономики» [7] и защищённость общества в ситуации углубляющегося глобального кризиса. Новые перспективы развития политэкономии связаны с вызовами всей мировой экономической системе, в которую Россия в предшествующий период вписывалась только как поставщик сырья за счёт наличия богатых природных ресурсов. Это усиливало её не только финансовую, деловую, но и политическую зависимость. Поскольку «одна из главных тенденций современного мира — это усложнение общества» [6] и государство как политический институт должно отвечать на вызовы сложносоставной социальной реальности, оптимизация различных административных практик рассматривается не как изолированная от экономики проблема, а как внутренне присущая ей составляющая взаимодействия производительных сил и производственных отношений.

В новых условиях более тесной взаимозависимости государств в глобальном пространстве, в научном дискурсе появились суждения о необходимости активизации исследований, ставящих в центр внимания отношения бизнеса с государством и обществом и условия взаимопроникновения экономики и политики [2, с. 8]. Уже существующие дисциплины и субдисциплины (экономическая политология, политэкономия, public administration, социально-экономическая политика и управление и др.) так или иначе выходят на отдельные аспекты политико-экономической проблематики, в том числе и на междисциплинарном уровне. Но кардинальные изменения мирового финансово-экономического и политического ландшафта показывают недостаточность имеющихся теорий. На наш взгляд, наиболее востребована в настоящее время незаслуженно игнорируемая в отечественной науке на рубеже XX-XXI вв. политэкономия, что можно объяснить концептуальным гипертрофированным отказом от марксизма. Практика показала, что обновление многих теоретических положений обусловлено не только кризисом общества, но и кризисом познания. В политэкономической науке должны актуализироваться вопросы необходимости глубинных трансформаций экономических и политических институтов, ослабленных и деградирующих в условиях невозможности адекватного реагирования на тренды современности. Механизмы защиты индивидуальных, групповых и общегосударственных интересов в процессе поиска принципиально новых решений развития политико-экономической сферы, вызывают парадигмальные изменения оценок и экспертизы. То, как политические и экономические субъекты определяют стратегию и осуществляют выбор технологий политического и экономического развития страны, влияют на функционирование политико-экономической сферы и формирование со-

циально-духовного климата в обществе, зависит от научного сопровождения политики реформ. В таком широком контексте политэкономия, на наш взгляд, рассматривается не как часть экономики, а как область знания, выходящая за пределы экономики и социологии управления, как отрасль политической науки, которая в своих научных устремлениях в условиях проявившегося кризиса социального познания в связи с глобальными трансформациями всего мироустройства на основе возможностей междисциплинарности должна найти алгоритм оптимизации политико-административного управления.

В кризисном политико-экономическом дискурсе (в рассуждениях аналитиков) преобладает тематизация судьбы фондовых финансовых рынков и крупнейших банков. То есть происходит смещение акцентов с проблем реального производства и сохранения природных ресурсов на виртуальные ценности международной банковской системы [1; 9]. Необходимо, однако, признать, что политику действительно во многом определяют интересы влиятельных финансово-экономических структур. В соответствии с так называемой теорией постиндустриализма и в связи со снижением конкурентоспособности западных предприятий, вызванным дороговизной рабочей силы в развитых странах, во второй половине XX в. индустрия из западных стран выводилась в Азию, в которой начался бурный экономический рост, обусловленный повышенным спросом на производимые товары и финансовыми вливаниями в потребительский рынок развитых стран за счет эмиссии доллара. Кризисогенность современной экономики — отличительная черта западного постиндустриализма, возникшего как следствие искусственно разорванного процесса производства и потребления. Новая «экономика потребления» стала возможной в результате финансовой политики стимулирования ускоренного кредитного спроса, безудержного наращивания ничем не обеспеченной денежной массы и целенаправленных действий по поддержанию позиций доллара как мировой валюты. По мнению экспертов, экономика финансовых спекуляций по самой своей сути не могла обеспечить условий для значимых научных открытий и создания прорывных технологий в производстве и социальной сфере [4, с. 64–65]. Одним из немногих существенных достижений этой экономики считаются мультимедийные системы — отличительная черта информационного постиндустриального общества. Они стали важнейшей составляющей современной инфраструктуры и дополнительным инструментом реализации модели ускоренного спроса за счёт расширения влияния рекламы в глобальных масштабах. Главным фактором роста современной мировой экономики М. Хазин считает кредитное стимулирование частного спроса, которое принципиально изменило сам подход к долгу и кредиту, что во многом обусловлено заинтересованностью Американской федеральной резервной системы проводить политику безудержной эмиссии долларов [10]. Всё это приводит к диспропорциям в экономическом развитии и серьёзным политическим конфликтам.

Тренды финансово-экономической политики наиболее влиятельных акторов международных отношений в XX в. повлекли за собой кардинальные изменения в геоэкономическом пространстве и трансформации геополитического ландшафта современного мира. Мировой финансово-экономический кризис, разразившийся в начале XXI в., подтверждает жизненную необходимость их существенной корректировки в интересах глобальной безопасности, что требует формирования новой научной парадигмы познания политико-экономических процессов и выработки технологий предотвращения негативных явлений в сфере производства и потребления, а также финансово-инвестиционном секторе, актуальной как для международного сообщества в целом, так и для отдельных стран с учётом их специфики. Об этой проблеме размышляют многие зарубежные и отечественные учёные [2; 5; 8], речь даже идет о фундаментальном кризисе финансового капитализма [4, с. 17]. Данное научное направление особенно востребовано в связи с острой необходимостью создания прорывных технологий во всех отраслях экономики, что могло бы помочь справиться с ещё одним кризисом — кризисом социального государства, в число причин которого входят и демографические проблемы. То есть новая политэкономия кроме непосредственно политических и экономических закономерностей в условиях современной глобализации не может игнорировать и проблемы развития социального государства, инновационного менеджмента и оптимизации административных практик.

Очевидно, что для перехода к инновационным технологиям недостаточно единичных научно-технологических открытий, необходимо формирование естественной конкурентоспособной среды, и понимание этой сущностной компоненты трансформации политико-экономической сферы государственным аппаратом является ментальной и идеологической предпосылкой осуществления российского модернизационного проекта. В этой связи эффективность экономических преобразований определяется во многом деятельностью именно управленческих структур. Критериальный анализ административных практик в сфере политического и государственного базируется на концептуальных подходах комплексного исследования организационно-функциональной системы в условиях новых вызовов информационного общества [11, с. 238]. Одной из проблем совершенствования системы управления является создание рационализированной среды межрегиональных связей, политико-экономической инфраструктуры каждого региона, отрасли и общества в целом.

Организационно-функциональная политико-административная система включает коммуникационную составляющую, которая максимально эффективно используется акторами управленческой деятельности. В этой связи необходимо формирование управленческих команд, способных системно работать с разнообразной тематикой политико-экономического и социокультурного развития страны. А это в свою очередь обуславливает использование но-

вейших технологий и формирование единого информационного пространства органов государственной власти, создания механизмов обратной связи и эффективного общественного контроля. Совершенствование управления территориально-отраслевыми комплексами и регионами предполагает обеспечение равных возможностей доступа к информационным ресурсам, так называемое цифровое равенство и преодоление депривационной составляющей ряда субъектов Федерации. Так, например, за Калининградской областью прочно закрепилось название «двойная периферия» [3, с. 66, 68] (европейская и российская). В этом случае трансграничный характер межрегиональных взаимодействий может вызвать усиление уязвимости региональной системы с точки зрения управляемости территорий, что требует выработки взвешенных управленческих решений, научное сопровождение которых также предусматривает использование новых подходов политико-экономических исследований.

Для того чтобы снизить негативные последствия происходящих в мире процессов, необходимы междисциплинарные исследования политико-экономических отношений, которые позволят обеспечить научное сопровождение подлинной оптимизации социально-политического и экономического развития. Рано или поздно перед интеллектуальной элитой возникает вопрос, от какого «наследства» ей стоит отказаться. Мировой экономический кризис показал, что существующая наука нуждается в разработке новых концептов и моделей познания мира политики и экономики, в междисциплинарном синтезе, обеспечивающем концентрацию усилий представителей различных наук и преодоление стереотипов. Современное общество столкнулось с проблемой подмены экономических и политических смыслов, когда смешиваются представления о том, что есть благо и зло в политике и экономике, когда в погоне за максимизацией прибыли игнорируются проблемы истощаемости ресурсов. «Идолы рынка» насаждаются в ментальность глобального социума независимо от социокультурной специфики различных общностей и гуманистических ценностей. В политике возобладала тенденция ложного обобщения трендов развития. Новая парадигма политэкономии может быть создана, на наш взгляд, при условии сохранения преемственности творческих подходов к изучению взаимодействия экономической целесообразности и политической воли, способной эффективно использовать духовно-нравственные ресурсы с целью инновационного развития страны. А это возможно только на основе объединяющих общество ценностей, которые становятся мобилизирующим ресурсом.

Наличие политической воли необходимо всегда, когда нужно пойти против стереотипов большинства, чтобы в дальнейшем добиться эффекта синергии, внутреннего единства, консолидации и сотрудничества. Миссия политико-экономической теории в этом смысле заключается в том, что она, развиваясь, размышляет по поводу подлинного блага в политике и экономике. Признание заблуждений в экономической политике по поводу применения модели ускорен-

ного спроса и безудержной эмиссии американского доллара в западных экономиках, во многом обуславливающей современный финансово-экономический кризис, и готовность к исправлению ошибок и есть нравственная позиция власти и показатель наличия у неё политической воли. Для успешного осуществления системных трансформаций в обществе требуется не только адекватное понимание природы и последствий кризисных явлений, но и политическая воля лиц, обладающих идеями опережающего характера, профилактирующими деструктивные кризисные процессы, способных брать на себя всю ответственность за принимаемые решения и готовых к их реализации.

Таким образом, концептуальное обоснование новой парадигмы политико-экономического развития, в частности связанного с отказом от сложившейся в западной экономике системообразующей модели ускоренного спроса и финансовых пирамид, возможно только при условии учёта совокупности всех макро- и микрофакторов, т.е. факторов психологического, социокультурного, эколого-технологического и геополитического характера. Поэтому в ходе поиска путей выхода из кризиса и становления политэкономии на современном этапе как объяснительной модели процессов преобразования политической и экономической сфер жизни общества самой сложной является проблема ментальных трансформаций и изменения самой политико-экономической парадигмы, которая должна исходить из концепции исчерпаемости ресурсов, возобновлению которых стоит посвятить значительную часть тематизации научного дискурса и преобразующей деятельности нынешнего и будущих поколений.

Библиографический список

1. *Аттали Ж.* Мировой экономический кризис... А что дальше? СПб.: Питер, 2009.
2. *Богатуров А.Д.* Понятие экономической политологии и особенности её проблемного поля в России // *Полис*. 2011. № 4.
3. Вектор перемен: балтийское направление // *Государственная служба*. 2010. № 5.
4. *Калашиников М.* Глобальный Смутокризис. Минск: Харвест, 2009.
5. *Клинова М.В.* Государство и частный капитал в поисках прагматичного взаимодействия. М.: ИМЭМО РАН, 2009.
6. *Путин В.В.* Демократия и качество государства. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1866753>
7. *Путин В.В.* О наших экономических задачах. URL: http://www.sroportal.ru/publications/?ELEMENT_ID=3973
8. *Рейнхарт К.М., Рогофф К.С.* На этот раз всё будет иначе. Восемь столетий финансового безрассудства. М.: Карьера Пресс, 2011.
9. *Старииков Н.* Кризис: Как это делается. СПб.: Питер, 2010.
10. *Хазин М.* Прогноз на 2012 год. URL: <http://khazin.livejournal.com/266516.html>
11. *Юрченко Н.Н.* Критериальный анализ как способ диагностирования административных практик в политическом и государственном управлении // *Теория и практика общественного развития*. 2011. № 3.

ГОРОД КАК ПРОСТРАНСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

.....

Н. В. Плотикина¹

В статье представлена интерпретация города как пространства политической повседневности. Показаны основные подходы к изучению политической повседневности города. Предложена типология основных направлений в исследовании городской политической повседневности: анализ репрезентаций пространства и пространственных практик повседневности политики и изучение города как пространства репрезентаций, практик политики повседневности.

Ключевые слова: город, социология города, политическая социология, политическая повседневность.

In the article the interpretation of the city as a political space of everyday life. Shows the main approaches to the study of political everyday life of the city. We propose a typology of the main directions in the study of urban political everyday life: analysis of representations of space and spatial practices of everyday politics and the study of cities as spaces of representations, practices politics of everyday life.

Key words: city, sociology of city, political sociology, political everyday life.

В социологических исследованиях изучение локального часто переплетается с анализом повседневного. Современное ощущение городской политической повседневности во многом связано с изменением границ приватного и публичного пространства, динамикой глобального и локального, возникновением новых форм политического участия, деятельностью городских социальных движений, «поворотом к мобильностям» (Дж. Урри). Б. Вальденфельс, обсуждая различные типы понимания повседневности, характеризует город как «место обмена и обмен мнениями». Жизнь различных городов ложится в основу концептуализации повседневности [3, с. 48-49]. Иными словами, город часто объединяет в себе объект и место проведения исследования. Как справедливо отмечает Е. Трубина, «го-

¹ Юрченко Наталья Николаевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: nnyurchenko@mail.ru

Исследование выполнено в рамках работы над научно-исследовательским проектом «Оптимизация административных практик в области политического и государственного управления в современной России» по программе Министерства образования и науки РФ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России (2009–2013 гг.)».

род — это главное пространство, где происходят социальные изменения, и ключевое место, в котором создается социальная теория» [12, с. 15]. Вместе с тем город становится полем познания для каждого горожанина. Социологи О. Запорожец и Е. Лавринцев понимание городского определяют тактикой пребывания исследователя в городе: примеряя на себя роль местного жителя или туриста, фланера или классического исследователя, анализирующий субъект в своем столкновении с городом выбирает определенную оптику его рассмотрения и выстраивает свои отношения с ним [7].

В работах различных авторов повседневность часто рассматривается как нечто очевидное. Однако данное понятие относится к разряду «лажеочевидностей» (Р. Барт). Повседневность кажется ясной не потому, что отрефлексирована, а потому что ускользает от рефлексии. Повседневная жизнь выступает исследовательским объектом для целого ряда гуманитарных дисциплин, среди которых нет согласия в определении понятия. Термин «повседневность» (нем. Alltaglichkeit) был предложен А. Шюцем для социологической концептуализации понятия «жизненный мир», введенного в научный оборот в феноменологии Э. Гуссерля. Для А. Шюца повседневный жизненный мир — область реальности, которую индивид воспринимает как данность, как само собой разумеющееся. Повседневный мир — мир рутинной деятельности, мир работы [14, с. 406]. Г. Гарфинкель подчеркивал важность «проблематизации повседневности»: чтобы открыть правила повседневного взаимодействия, увидеть их, необходимо стать чужаком в отношении обычного характера повседневных сцен. Российский исследователь В. Вахштайн рассматривает повседневность как уровень элементарных порядков интеракции «лицом-к-лицу», обладающий собственной организацией и когнитивным стилем [4, с. 67].

Важно разграничивать понятия «повседневность политики», «повседневность власти» и «политика повседневности». Повседневность политики включает в качестве ключевого элемента повседневность власти. Практика повседневности показывает, что, оказываясь в сфере действия того или иного института, индивид взаимодействует прежде всего с людьми, представителями данных институтов. Поэтому, говоря о повседневности власти, мы подразумеваем практики, исходящие от конкретных представителей данной власти, и соответственно политика повседневности означает ответную реакцию индивидов на действия носителей государственного суверенитета/властных полномочий (политика как стратегия самопрезентации повседневности). Возникает вопрос: является ли приватность власти повседневностью? Е. Алексеенкова и В. Сергеев выделяют приватную сферу индивида и приватную сферу государства (сферу реализации политики посредством социальных сетей и неформальных правил), последняя имеет ядро и периферию. В рамках периферии постоянно происходит взаимодействие между государством и приватной сферой граждан (медицинские учреждения, школы, университеты, полиция, таможня, армия) [1, с. 156]. «Микрофизика власти» (М. Фуко) подразумевает наличие определенных технологий воздействия власти на повсед-

невность: локализация, индоктринация, изоляция, изъятие, дисциплина, прямое и косвенное нормирование повседневности [9, с. 51]. Публичная сфера определяет порядок взаимодействия индивида и государства, являясь средством защиты приватной сферы граждан. Таким образом, приватность/публичность выступают в роли ценностных центров, структурирующих повседневность; публичное пространство является пространством взаимодействия политики повседневности и повседневности политики.

Понимание политики повседневности, с одной стороны, связано с политизацией повседневности как результатом влияния на политику неополитических сфер, социальных движений (как индивиды влияют на власть, отстаивая свои повседневные интересы, самоорганизуясь в сообщества, организации). С другой стороны, политизация повседневности означает колонизацию жизненного мира (Ю. Хабермас).

Существуют различные исследовательские оптики применительно к городской политической повседневности: фрейм-анализ, теория практик, дискурс-анализ, методика визуальной антропологии.

В. Вахштайн, изучая фреймы голосования и городского пространства, показывает процесс транспонирования голосования из электорального фрейма во фрейм священнодействия и фрейм фестиваля, анализирует рефрейминг и производство этничности на избирательном участке. Характеризуя оптические настройки исследователей, занимающихся теоретизированием городской среды, он подчеркивает: «Социолога в городе интересует, прежде всего, его социальная организация, социальная конструкция различных (публичных и приватных) мест» [5, с. 258]. Выделяя две идеальные социальные логики места (место-сайт и место-локал), исследователь интерпретирует в конечном итоге публичное место как метакommunikative сообщение, инкорпорирующееся в повседневную практику посредством декораций и реквизита [5, с. 291]. Фрейм-анализ может использоваться для рассмотрения городских социальных движений (Д. Сноу, Р. Бенфорд, Е. Здравомыслова, К. Клеман).

О. Запорожец и Е. Лавринец, используя методику визуальной антропологии, выявляют особенности «городской хореографии» в транзитных «не-местах» (М. Оже) городского пространства [8]. Н. Рис в работе «Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки» стремилась показать, что повседневные разговоры московской интеллигенции служат механизмом формирования социальных ценностей, конструирования идентичности и осуществления перемен в период перестройки [11]. А. Хуффшмид и К. Вильднер, применяя аналитическую оптику визуальной антропологии и дискурс-анализа, исследуют политическую театрализацию пространственных и дискурсивных практик на примере президентских выборов 2006 г. в г. Мехико [16].

Э. Амин и Н. Трифт в работе «Города: переосмысливая городское» предлагают следующие метафоры изучения урбанизма повседневности [2]: *транзитив-*

ность/пористость — город интерпретируется как место смешения и импровизации; подразумевается пространственная и временная открытость города; *ритмы* — это координаты, по которым обитатели города упорядочивают и оформляют свой опыт города; *отпечатки следов города* — это городское планирование, правила архитектурной застройки, транспортные маршруты, сети коммуникаций; *практики биополитики* — термин восходит к М. Фуко и подразумевает наличие в городском пространстве практик формирования тела, имеющих целью производство управляемых субъектов. Метафоры городской повседневности отражают существование технологий микроконтроля власти (М. Фуко): локализации, индоктринации, изоляции, изъятия, дисциплины, прямого и косвенного нормирования повседневности. *Отпечатки следов города*, в том числе коммеморация (строительство музеев, памятников), являются важнейшим элементом государственной политики и инструментом строительства нации (Э. Хобсбаум, Б. Андерсон). Государство способно варьировать доступ к «местам памяти», будучи убежденным, что власть над пространством является сильной властью (П. Бурдьё).

Э. Амин и Н. Трифт выделяют три основных видения городской демократии: город как пространство публичной сферы, основа для коммуникации и политического участия. Основным ресурс городской демократии — мобильность, обеспечивающая сосуществование различных групп, феноменов. В. Ледяев определяет городской политический режим как коалицию акторов, представляющих публичную и частную сферы городской жизни [10]. С. Луфт, Х. Вolland, А. Клее анализируют политическую коммуникацию в городском пространстве на примере граффити [17].

Э. Бертуччо развивает концепцию пространства А. Лефевра. Фрагментированное городское пространство включает три типа пространств: физическое (распорядок дня, рынок, мобильность), ментальное (репрезентации города, репрезентации пространства и формы пространственных репрезентаций) и социальное, конструируемое повседневными социальными практиками. Исследовательница выделяет шесть репрезентаций города: город как родина; социальное и политическое место; инфраструктура; улучшение жизненных позиций (для мигрантов); пространство неравенства и специфическая материальность [15, р. 103]. Репрезентации пространства — это прежде всего пространства политической коммуникации и власти, пространственные репрезентации — ментальные карты горожан. Автор отмечает взаимовлияние и динамику трех типов пространств.

В целом исследования городской политической повседневности можно условно разделить на две следующие группы: изучение репрезентаций пространства и пространственных практик повседневности политики и соответственно анализ города как пространства репрезентаций, практик политики повседневности. Термин «репрезентация пространства» был введен А. Лефевром, когда он, размышляя о влиянии капитализма на ритмы повседневности, выделил три вида

пространства: пространственные практики; репрезентация пространства (упорядочивающие пространство виды знания, репрезентаций и дискурсов) и пространства репрезентации [13, с. 54].

Изучение городской повседневности политики включает интерпретации визуальных репрезентаций (кинематограф, фотография, архитектура, ментальные карты горожанина и т.д.); рассмотрение городского правительства (элитистские и плюралистские концепты городской политики; теория машины городского роста, теории городских режимов, городского менеджизма и т.д.); анализ городской хореографии, включающей правила и ограничения пребывания в городских местах, организацию городских пространств как проявление определенного порядка, телесное освоение и толкование изменяющегося города [8, с. 47-48]. Последняя составляющая городской хореографии находится также в фокусе исследовательской оптики авторов, изучающих политику повседневности. Понятие «городская хореография» тесно связано с темой городских ритмов (А. Лефевр, Э. Амин, Н. Трифт).

Интерпретация городской политики повседневной жизни (У. Бек) предполагает обсуждение «консюмеризации политического поведения», политических мобильностей горожан, изучение городского управления как процесса управления городом, в который вовлечены разнообразные партнерства (М. Гудвин, Дж. Пэйнте), городских социальных движений, участники которых реализуют свое «право на город» (А. Лефевр).

М. де Серто в работе «Практика повседневной жизни» концептуально описал локальные практики индивидов, направленные на сопротивление «микрофизике власти», организованному воздействию властей. Он стремился выявить «модели действия, характерные для пользователей, чей статус как доминируемого элемента в обществе (статус, который предполагает, что они пассивные или послушные) скрыт за эвфемизмом «потребитель» [6, с. 195]. Под потребителем подразумевалась широкая категория акторов, которым институты, аппараты власти или системы символического производства предписывают определенный способ подчинения через потребление. В целом же понимание М. де Серто практик носило политизированный характер: практики как искусства делания, имитации и пространственного маневрирования для того, чтобы присвоить часть утраченных прав и свобод. М. Кастельс пытался сконструировать теорию городских социальных движений как часть теории изменения города. А. Лефевр протестовал против способов, какими профессионалы-планировщики и городские бюрократы создают городское пространство с тем, чтобы свести к минимуму спонтанные политические действия и нейтрализовать возможное сопротивление [12, с. 348]. К. Пикванс разработал типологию городских социальных движений, основанную на предмете борьбы горожан: выделение жилья и услуг; доступ к жилью и услугам; контроль и управление городской средой; социальные и экологические угрозы [12, с. 350].

Таким образом, ряд исследователей вслед за А. Лефевром считают повседневность важным углом зрения, под каким следует рассматривать город. Изучение города как пространства политической повседневности, предполагая использование теоретических ресурсов социологии города, визуальной антропологии, политической социологии повседневности, ориентирует аналитическую оптику на раскрытие значения практик и техник городской политической повседневности, ее пространств и предметов.

Библиографический список

1. Алексеев Е. С., Сергеев В. М. Темный колодец власти (о границе между приватной сферой государства и приватной сферой личности) // Полис. 2008. № 3.
2. Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос. 2002. № 3 (34).
3. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социологос. Вып. 1. Общество и сферы смысла. М.: Прогресс, 1991.
4. Вахштайн В. С. «Практика» versus «фрейм»: альтернативные проекты исследования повседневного мира // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7, № 1.
5. Вахштайн В. С. Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.
6. Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.
7. Запорожец О., Лавринцев Е. Прятки, городки и другие исследовательские игры (Urban Studies: в поисках точки опоры) // Communitas/Сообщество. 2006. № 1.
8. Запорожец О., Лавринцев Е. Хореография беспокойства в транзитных местах: к вопросу о новом понимании визуальности // Визуальная антропология: городские карты памяти. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009.
9. Королев С. А. Власть и повседневность: социально-философский взгляд // Россия и современный мир. 2008. № 3.
10. Ледяев В. Г. Городские политические режимы: теория и опыт эмпирического исследования // Политическая наука, 2008. № 3.
11. Рус Н. «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: НЛО, 2005.
12. Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
13. Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008.
14. Шюц А. О множественных реальностях // Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.
15. Bertuzzo E. T. Fragmented Dhaka. Analysing Everyday Life with Henri Lefebvre's Theory of Production of Space. Stuttgart: Steiner Verlag, 2009.
16. Huffscheid A., Wildner K. Räume sprechen, Diskurse verorten? Überlegungen zu einer transdisziplinären Ethnografie // Forum Qualitative Sozialforschung/Forum: Qualitative Social Research. 2009. № 10 (3).
17. Politische Kommunikation im städtischen Raum am Beispiel Graffiti. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2010.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФОТОГРАФИЯ И ФОТОГРАФИЯ ПОЛИТИКИ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

.....

А. Б. Сазантович¹

В статье предпринимается попытка выделить в особую область фотографии, изображающие политическую действительность, и классифицировать их в соответствии с содержанием. Автор предлагает различать, с одной стороны, фотографии, содержание которых имеет незначительную политическую составляющую и которые не несут политической нагрузки, а с другой — фотографии политики и политические фотографии. Содержательный аспект фотографий политики преимущественно отражает те или иные фрагменты политической реальности, при этом такие фотоснимки не интерпретируются зрителем с политических позиций. Политические фотографии, в свою очередь, должны получать политическую оценку, даже если на них непосредственно не отображаются политические реалии.

Ключевые слова: политическая фотография, визуализация, визуальные образы, визуальная коммуникация.

This article attempts to distinguish a specific field of photography, depicting the political reality and to classify them according to content. The author suggests to differentiate, on the one hand, pictures, whose content have little political component, and which do not bear the political meaning, on the other hand — photographs of policy and political photographs. The substance of the policy pictures mainly reflects certain pieces of political reality, however, such pictures are not interpreted by the viewer with a political position. Political pictures, in turn, should receive political evaluation, even if they do not directly show the political realities.

Key words: political photography, photographs of policy, pictures of policy, visual communication.

Интенсивное инновационное развитие технических средств связи обусловило широкое распространение визуальных коммуникаций во всех сферах и областях жизни общества. Одной из популярных форм визуализации социальной реальности, и в частности политических процессов, является фотография. Такие особенности, как многообразие форм существования, неограни-

¹ Сазантович Алексей Борисович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: vertgalant@mail.ru

ченные возможности тиражирования и распространения, высокая информативность, режиссируемость, немалый социализирующий потенциал, выгодно отличают ее от других изобразительных средств и каналов трансляции социальных смыслов. Вместе с тем отечественные ученые начали уделять внимание изучению политической роли фотографии сравнительно недавно, и один из ключевых вопросов в этой области, связанный с выделением особой категории — политической фотографии, остается открытым, тогда как движение в сторону четкого разграничения понятий «политическая фотография» и «фотография политики» способствовало бы успешному накоплению научных знаний об этих феноменах.

Специфика фотографии политики, т. е. фотоснимка, изображающего фрагменты политической реальности, заключена прежде всего в его содержании. В ряде случаев фотографии могут содержать отдельные элементы политической действительности, не неся при этом никакой политической нагрузки. Например, иностранный турист, случайно запечатлевший на пленку незнакомого ему политика в чужой стране, показывает фото друзьям, и при этом ни одному из них сфотографированный человек не знаком — в такой ситуации содержание фотографии никак не ассоциируется с политическим процессом. Очевидно, что фотоснимок, определяемый нами как «фотография политики», должен изображать фрагменты политической действительности, которые будут узнаваться зрителями или хотя бы признаваться таковыми (политическими). То есть образы на фотографии должны обладать особыми чертами, соответствовать понятию политического, которое также требует уточнения. Карл Шмитт в основу трактовки политического кладет тезис о наличии специфических противоположных категорий (противоположностей) в области любых общественных отношений — экономических, правовых, религиозных, морально-этических и т. п. С этой точки зрения с этикой можно сопоставить понятия «добро» и «зло», с экономикой — «рентабельность» и «нерентабельность», а политической сфере и собственно политическому как феномену Шмитт приводит в соответствие категории «друг» и «враг». Их противостояние и должно, по его мнению, определить суть и содержание политических отношений. Враг в этом контексте рассматривается как борющаяся совокупность людей, которая противостоит такой же совокупности, а сама борьба происходит в публичной сфере, где сталкиваются групповые интересы [5, с. 43].

Нужно обратить внимание на некоторую дихотомию, которая прослеживается в отношении политического с другими сферами жизни общества в концепции, предлагаемой К. Шмиттом. С одной стороны, он приходит в своих рассуждениях к тому, что политическое характеризует наивысшую степень интенсивности рассматриваемого противоречия [5, с. 43]. Отсюда следует, что сам враг не может быть аморальным, нерентабельным (негативные характеристики из области этики и экономики соответственно), но нерентабельный

или аморальный могут «дорости» до врага ввиду усиления противостояния. Далее К. Шмитт настаивает на беспредметности политического, опираясь на свой тезис о том, что оно есть лишь характеристика возникшего противоречия [5, с. 53-54]. Например, войну, начатую по религиозным или экономическим причинам, он считает совсем не религиозной или экономической. Из специфических противоположностей, присущих именно этим сферам жизни, невозможно вывести четкое различие друга и врага, настолько важное для политического. Наоборот, в соответствующей сфере — экономической, религиозной, юридической — противостояние в таком случае доходит до уровня интенсивности политического противодействия, в рамках которого война — наиболее политическое средство. Таким образом, переход от любой борьбы противоположностей в сторону самой интенсивной (друг — враг) можно рассматривать как движение в сторону политического. Соответственно, снижение интенсивности противостояния или отсутствие врага конкретного или врага как такового (что, впрочем, возможно скорее в сфере частных интересов, нежели публичных) выхолащивает политическую составляющую любого взаимодействия.

Однако такое противостояние, даже в форме войны, может, наоборот, выйти за рамки политического, если врага хотят не просто побороть как врага, но еще и представить аморальным, бездуховным, экономически неэффективным, одним словом, привести к паре противоположностей из другой, не политической сферы. На частном уровне это порождает ряд вопросов. Что же есть борьба врага против врага на самом деле и почему теледебаты или «война компроматов» в рамках предвыборной кампании — явления политические? Если вникнуть глубже в суть указанных явлений, то они все же являются противостоянием двух (или более) политиков как врагов в их борьбе за победу, например, на выборах. Противостояние это бесспорно публично, потому что каждый из них выражает интересы той или иной социальной группы и опирается на ее поддержку. В то же время использование компрометирующих материалов, порочащих репутацию оппонентов, попытки утвердить в обществе мнение об экономической неэффективности их предвыборной программы выступают только как инструмент публичной борьбы неких социальных совокупностей, в ряде случаев персонифицированных личностями конкретных лидеров.

Можно ли считать такое понимание политического достаточным применительно к рассматриваемой нами проблеме или же при ограничении понятия политического необходимо обратиться также к дефинициям собственно политики? Анализ распространенных и признанных трактовок политики действительно позволяет сделать некоторые уточнения. Вспомним, что М. Вебер понимал политику как «стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти» [4, с. 646]. В идеях Д. Истона прослеживается понимание политики как привнесения ценностей в общество авторитар-

ным способом [1, с. 634]. И наконец, с позиций Г. Лассуэлла, политику можно рассматривать и как средство решения социальных проблем [7, с. 191-192]. Предложенные подходы задают два смысловых поля. С одной стороны, в трактовке, предлагаемой М. Вебером и понимающей политику как стремление, очевидна близость этого понятия к соперничеству или даже борьбе, а конечный смысл такого определения может быть воспринят именно как соперничество в стремлении к участию во власти. Авторитарное привнесение ценностей в общество и решение социальных проблем, оставляя соперничество как бы в стороне, тем не менее также неразрывно связаны с властными отношениями, поскольку власть выступает инструментом выполнения указанных функций.

Позицию М. Вебера, если попытаться усмотреть в ней не просто стремление, но соперничество или борьбу за участие во власти, можно соотнести с центральной идеей К. Шмитта о противостоянии как основе политического. Остальные моменты, связанные с распределением ресурсов и ценностей в обществе и решением социальных проблем, также нельзя оставлять без внимания. Частично они могут соответствовать утверждению Шмитта о неразрывной связи политического с государством и в некоторой степени подпадать под так называемые вторичные понятия о политическом [5, с. 44]. Однако все же необходимо выделить эти характеристики в отдельную категорию с общим наименованием «реализация функций политической системы». С одной стороны, это даст возможность не оставить без внимания множество действительно политических взаимодействий, а также видов государственной политики (социальную, экономическую и т. п.), с другой же — для верной расстановки акцентов эта категория должна безусловно носить подчиненный, вторичный характер по отношению к главным чертам политического как сферы специфического противостояния. Таким образом, обязательное условие для так называемой фотографии политики — это изображение необходимой степени противоречия, или фактов выполнения функций политической системы. В такой ситуации фотография или иное изображение (гравюра, рисунок и т. п.), показывающие сцену восстания Желтых повязок или средневековой битвы, даже неосведомленным зрителем будет признаваться как визуализация неких политических событий. Тем не менее собственного мнения или оценки этих событий такой зритель иметь не будет.

В этот момент обнаруживается другое условие, выполнение которого необходимо для существования в принципе и для отделения собственно политической фотографии от фотографии, изображающей политические сцены (фотографии политики). Суть этого весьма необходимого условия состоит в том, что содержание фотоснимка должно быть таковым, чтобы он обязательно получал у зрителя интерпретацию с политических позиций, даже когда само изображение не включает непосредственно политических образов (событий, лидеров и т. п.). Становится, следовательно, очевидным, что детерминанты по-

литического в фотографии выходят за рамки самого изображения и диктуются не только и зачастую не столько визуальным пространством фотоснимка.

Обращение к работам ученых, исследовавших структуру фотографического сообщения, помогает обозначить рамки дальнейшего поиска. Например, П. Штомпка рассматривает фотографию как элемент реальности в тройном смысле: она создается людьми, отражает социальную реальность и ориентирована на общественное восприятие. Тем самым он выделяет три аспекта любого снимка: автора, образ и аудиторию [6, с. 78]. Похожей позиции придерживается Р. Барт, отмечая, что «комплекс этого сообщения образуют источник-отправитель, канал передачи и среда получателей» [3, с. 378]. Сопоставление этих очень схожих подходов позволяет представить структуру визуальной (фотографической) коммуникации следующим образом: автор-отправитель (фотограф и люди, причастные к созданию фото), канал передачи, среда получателей и само сообщение. Р. Барт, очевидно, не случайно указывает именно на «среду получателей», как бы сливая воедино самого зрителя-получателя и среду-контекст, тем самым подталкивая к комплексному осмыслению, с одной стороны, особенностей восприятия фотографии зрителем, а с другой — контекста, в котором это восприятие происходит и который оказывает на него существенное влияние.

Указывая на парадоксальность фотографии, Р. Барт отмечает интересную закономерность. Помимо денотата (фотографического аналога реальности) практически все визуальные формы несут в себе коннотативное значение, как бы рассчитанное на отклик в системе ценностей и культуре общества и передаваемое посредством системы соответствующих кодов. Фотография же передает такое скрытое сообщение, не имея в себе никакой системы привычных шифров. Это вновь указывает на особую роль сознания получателей и контекстуально-ситуативных факторов. Однако Барт пишет и о возможности отправителя использовать все же особую систему знаков для передачи коннотативных смыслов [3, с. 382-383]. Подобные знаки носят характер исторический, культурный, тем самым апеллируя к традициям и ценностям общества. Это, в свою очередь, снова подчеркивает значимость контекста восприятия фото и ограниченность средств фотографа-отправителя, который для трансляции коннотативных значений должен обладать определенным знанием о культуре, традициях, историческом опыте и т. п. Вместе с тем роль отправителя в создании смыслов, в том числе и политических, не стоит полностью упускать из виду. Этому мнению придерживается и Р. Арнхейм, обращая внимание на тот факт, что фотограф неизбежно становится частью изображаемой им ситуации [2, с. 123]. А П. Штомпка возможные сюжеты фотографий, отображающих социальную реальность, разложил на 15 самых общих контекстов, в рамках которых отображаются ее аспекты (фрагменты действительности), хотя бы частично задаваемые автором-отправителем [6, с. 32-33]. Все это позволяет обнаружить

и особый контекст самого снимка, в который погружены фотографируемые объекты и который попадает в сознание зрителя-получателя в комплексе целостного изображения и создает некий микроконтекст, существующий в сознании зрителя, а не в действительности, но тем не менее способный повлиять на восприятие и интерпретацию фотографии.

Дополнительным нюансом может выступать канал передачи фотографического сообщения. С одной стороны, фотография уже может рассматриваться как особый канал передачи информации аудитории, с другой же — фотографическое сообщение все равно должно быть доставлено своим получателям посредством того или иного канала. Анализируя газетные фотографии, Р. Барт утверждает, что дополнительным фактором трансляции смыслов может быть подпись фотографии, текст статьи, к которой она прикреплена и даже название газеты [3, с. 378].

Все сказанное позволяет с определенной долей условности выделять в потоке фотографической коммуникации политические фотографии и фотографии политики и различать их между собой в соответствии со спецификой их содержания следующим образом. Фотография политики неизбежно заключает в себе изображение фрагментов политической действительности, не получая вместе с тем политически окрашенной интерпретации у зрителя. Политическая фотография, в свою очередь, является таковой, когда ее содержание, включая такие элементы, которые, не будучи политическими, оцениваются с политических позиций.

Библиографический список

1. Антология мировой политической мысли: в 5 т. М.: Мысль, 1997. Т. 2.
2. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. М.: Прометей, 1994.
3. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашиных, 2003.
4. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
5. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1.
6. Штомпка П. Визуальная социология: фотография как метод исследования. М.: Логос, 2007.
7. Lasswell H. D. Psychopatology and politics. Chicago, 1977.

АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI В.

.....

Ю. А. Пеницын¹

В статье анализируются некоторые концепции российских политологов, рассматривающих развитие процесса демократизации в России в конце XX — начале XXI в. Этот период, особенно начало 1990-х гг., характеризовался сложными и противоречивыми политическими процессами, протекавшими в условиях затяжного структурного кризиса, отсутствием качественного обновления политических институтов и содержания их деятельности. Ряд российских политологов видели возможность дальнейшего развития России в русле авторитарных тенденций. Рассмотрение таких подходов представляет определенный научный интерес.

Ключевые слова: анализ, демократизация, процесс, власть, политические институты, кризис, авторитаризм, элита.

The article analyses some concepts of the Russian political analysts who consider development of the process of democratization in Russia during the period of the end of the 20th and beginning of the 21st centuries. This period, the 90s of the 20th century in particular, has been characterized by complex and contradictory political processes that took place in the context of the long-running structural crisis. There was qualitative modernization of political institutions and content of their activity. Some Russian political analysts started to consider authoritarian tendencies as a possible way for further development of Russia. The study of such approaches arouses certain scientific interest.

Key words: analysis, democratization, process, power, political institutions, crisis, authoritarianism, elite.

Конец XX — начало XXI в. охарактеризовался в России переходом от политической системы тоталитарного государства к политической системе государства, в котором основными стали принципы демократического устройства и развития, а также рыночные экономические отношения, что и определило политическое развитие страны за последние 20 лет.

¹ Пеницын Юрий Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: politics@kubsu.ru

Формирование и становление новой политической системы происходило сложно и неоднозначно. Попытки пришедшей к власти новой политической элиты с помощью коренных реформ в политической и экономической жизни за короткое время (3-4 года) перевести страну в новое качество не увенчались успехом. Реформы проводились скачкообразно, без учета интересов большей части общества. В их основе лежало стремление любой ценой удержать власть. Кроме того, реформирование с управленческих позиций большей частью было непрофессионально и плохо организовано.

Масштабность и глубина перемен, происходящих в России, вызывает интерес прежде всего к вопросу о развитии политических процессов, о возможных вариантах реформирования России в политическом и социальном аспектах и о характере модернизации политической системы.

В 1990-х гг. противостояние выражалось во взаимных обвинениях в попытках одной ветви власти реализовать свои цели за счет ослабления другой. Президент России время от времени угрожал Думе роспуском. Государственная Дума в свою очередь пыталась объявить президенту импичмент (в мае 1999 г.), фракции левого толка в Государственной Думе постоянно требовали отставки Правительства РФ (Е. Гайдара, В. Черномырдина, Г. Кириенко) и изменения курса реформ.

Это противостояние законодательной и исполнительной власти отрицательно влияло на управление страной, подрывало легитимность государственной власти в России. Одной из причин перманентного конфликта между законодательной и исполнительной ветвями власти являлось неразвитость демократии в России. Реформаторы в России позаимствовали демократический институт разделения властей на Западе, перенесли его в социокультурную среду, отягощенную тоталитарным прошлым. Идеологам и политикам казалось, что принятие Конституции (1993 г.), создание новых органов государственной власти приведут к развитию демократии в стране. Однако на практике этого не произошло, поскольку в России отсутствовал необходимый минимальный уровень демократической культуры. Поэтому политическая власть России была вынуждена в процессе реформирования прибегнуть к насильственно-государственному внедрению новых политических институтов.

На политическую активность общества влияли противоречия, возникающие в процессе государственного управления в условиях затяжного структурного кризиса.

Серия правительственных кризисов 1998-1999 гг. в России обозначила следующие основные проблемы:

- необходимость разработки средне- и долгосрочной стратегии развития общества, целью которой должно стать устойчивое преобразование существующей

ющей социально-экономической структуры и создание предпосылок для интеграции России в мировое хозяйство;

- установление отвечающего условиям современного российского общества равновесия между принципами частной инициативы и государственного вмешательства в экономику при определении и реализации социально-экономического курса;

- повышение профессионально-интеллектуального уровня правящих элит в соответствии с требованиями, предъявляемыми к управлению обществом в условиях перехода и модернизации социально-экономического развития, к политической системе с более сложной системой организации;

- качественное обновление основных политических институтов и содержания их деятельности.

В этот период в научной среде политологов развернулась дискуссия о возникновении новой системы авторитарного управления страной. Основы такой системы были заложены в Конституции, где исполнительная власть в лице президента имела значительные властные полномочия по отношению к другим ветвям власти.

Способы авторитарного управления страной начали осуществляться в период президентства Б. Н. Ельцина (организация деятельности органов власти посредством указов президента, игнорирование законов, принимаемых Государственной Думой). В. И. Пантин отмечал, что традиции авторитарного управления во властных структурах России очень сильны, что «значительно отдаляет существующую систему от идеала зрелой демократии западного типа» [2, с. 11].

Основной причиной возможного перехода к авторитарным формам правления А. Ю. Мельвиль считает негативное восприятие неудачных экономических и политических преобразований под флагом демократии и требования создания сильной власти, способной навести порядок в стране [1, с. 34].

Характеризуя 1990-е гг., А. Шевцова подчеркивает, что в этот период «люди все больше стали думать не о реформах и даже не об улучшении своей жизни, а о порядке, личной безопасности и сохранении достигнутого» [3, с. 84].

Примером отрицательного результата реформ может служить положение, сложившееся в социально-экономическом блоке в 1990-е гг. Значительным было падение производства на предприятиях промышленного комплекса, государственный заказ был резко сокращен и не оплачивался полностью. Начался развал этого сектора экономики.

Сложная ситуация наблюдалась и в агропромышленном комплексе. В условиях инфляции и быстрого роста цен на топливо, технику и удобрения крупные хозяйства стали сокращать производство продукции. Правительственная ставка на фермерские хозяйства не оправдалась. Фермеры не могли компенсировать

ровать спад в крупных агрообъединениях, Россия быстро теряла продовольственную безопасность, увеличивая импорт сельскохозяйственной продукции.

Огромные финансовые потери имели место в результате либерализации внешней торговли и установления завышенного курса доллара по отношению к рублю. Экспортеры за бесценок продавали российские ресурсы за рубеж.

Полемика о «свертывании демократии в России» и авторитарности с новой силой разгорелась по итогам выборов в Государственную Думу в 2011 г. и в процессе предвыборной борьбы по выборам Президента России 4 марта 2012 г.

На наш взгляд, наиболее интересен анализ взглядов В. В. Путина как основного претендента, в адрес которого чаще всего звучат приведенные обвинения.

Анализ его позиций показывает кардинально противоположный подход к будущему развитию России, который заключается в следующем:

- обеспечение стабильного развития страны в политической, экономической и социальной областях через выверенные, продуманные и своевременные реформы;
- последовательное развитие без революций, рывков и скачков в процессе развития страны;
- развитие гражданского общества, ликвидация коррупции, создание системы контроля за политической элитой, находящейся у власти;
- дальнейшее формирование среднего класса в стране;
- создание системы компенсации негативных социальных последствий рыночной экономики, улучшение социальной мобильности, формирование новых социальных лифтов.

Политические процессы, происходящие в конце XX — начале XXI в., не только привели к серьезным трансформациям внутри политической системы, преобразованиям ее институциональной, коммуникативной, информационно-регулятивной подсистем, но и способствовали кардинальному изменению в направлении вектора политического развития. Поэтому закономерной стало воплощение идеи всесторонней модернизации России в условиях последовательного курса на демократизацию деятельности политической системы и всех сторон социально-экономической жизни.

Библиографический список

1. Мельвиль А. Ю. Между авторитаризмом и демократией // Полис. 1995. № 2.
2. Пантин В. И. Ритмы общественного развития и переход к постмодерну // Вопросы философии. 1996. № 6.
3. Шевцова Л. Ф. Дилеммы посткоммунистического общества // Полис. 1996. № 5.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ ОРГАНИЗАЦИЙ

.....

Л. Г. Комарова, А. С. Комарова¹

В статье анализируются проблемы оптимизации управления человеческими ресурсами на государственном уровне. Аргументируется тезис о том, что государственная идеология представляет собой важный ресурс управления, в том числе на уровне организаций.

Ключевые слова: государственное управление, идеология, управление персоналом.

In article problems of optimization of management by human resources at the state level are analyzed. The thesis that the state ideology represents the important resource of management, including at level of the organizations is given reason.

Key words: public administration, ideology, personnel management.

Идеология в человеческой цивилизации, как правило, избирательно заполняет пространство, требующее объяснения, разъяснения, где необходимо соединение индивидуального и общественного характера сознания. Индивидуальному сознанию всегда свойственно стремление понять, что значит его представление в среде себе подобных. Представления не только распространяются, но и интеллектуально объединяются, представляя как объяснения мира, что на государственном уровне придает людям чувство уверенности в рациональной позиции, в правильности ценностей, цели, а иногда и в проявлении иррациональности. Это особенно очевидно в периоды нестабильности, когда политика, государство и управление по одним и тем же вопросам, обсуждаемым с разных ракурсов, приходят к неприемлемым для общества выводам.

Подобная ситуация сложилась в современной России, где согласно Конституции (ст. 13) ни одна идеология не может быть государственной. Подобное в принципе невозможно, поскольку любое правительство идеологично. Идеология вызывает к жизни определенную политическую практику. Выяснение идеологического фактора в политике, его проявления, возможно-

¹ Комарова Лина Георгиевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: politics@kubsu.ru

Комарова Анна Сергеевна. Эл. почта: politics@kubsu.ru

сти — это всегда сложно. В реальности, например в управлении, сохраняются элементы идеологии предшествующего общества, формируется российская объединяющая патриотическая идеология и сетевой характер гуманитарного инновационного феномена. Одновременно предлагается научная проблема возможного влияния гуманитарных инноваций на становление в России национальной инновационной системы. Своеобразными модулями перехода от системы к сети ученые называют венчурные инфраструктуры (капитал, бизнес). Определяется, что венчур оформился как новая гуманитарная технология, но успех венчурного бизнеса во многом зависит от кадрового потенциала [3].

Вместе с тем опрос респондентов-бизнесменов показал, что инновационная вялость государственных институтов и неэффективность реформы на государственном уровне не обеспечивают эффективное экономическое продвижение. Мы далеки от решения проблемы оптимизации управления человеческими ресурсами. Поэтому у работника как непосредственного носителя труда ничего не меняется в качестве и уровне жизни. Инновации и конкуренции противостоит коррупция. В этом случае недовольство проявляют властно-управленческие структуры, бизнес и население. Государственное управление обязано ориентироваться на человека, позитивное восприятие им инноваций, а значит, важна идеология инноваций — от государственного уровня до управления персоналом организаций.

Информационное сетевое общество для своего утверждения требует кардинальных социальных изменений. В первую очередь следует разобраться с криминальной экономикой, используя опыт других стран, успешно справляющихся с этим явлением. Ясно одно — безвластное государство никогда сильным не будет. Необходима подотчетность власти народу, прозрачность принимаемых решений, что позволит поставить государство под контроль общественных групп и сделать его более эффективным. В этой связи именно государственная идеология способна нести в себе самые высокие идеалы и быть тем политическим инструментом, который практически их осуществит на всех уровнях, включая организации.

Одновременно идеология выступает мобилизационным ресурсом, способным не только сплотить общество, но и вдохновить мировоззренческой доминантой, признаваемой сознательно обществом в системе координат конфликта. Центр духовной консолидации как онтологическое начало утвердит единство, а значит, цели и задачи. Кризис мировоззрения проявлялся в разные исторические эпохи, но система оценок с точки зрения справедливости, человечности рано или поздно ставила человеческую личность, ее потребности и интересы в центр внимания; происходила смена этических и правовых норм на новом уровне мышления.

Потребность в идеологии как средстве духовного сплочения общества существовала всегда. Любой субъект политики нуждается в ней, так как она: ори-

ентирует на ценности, помогает выявить интересы, определить цели и задачи, концентрирует волю на их реализацию, стремление к политическому действию, направляет поведение людей в сфере политических отношений, мобилизует их активность, способствует социальной интеграции групп. Потребность в идеологии обусловлена и постоянной критикой бесконцептуальной текущей политики, и усилиями политической элиты осуществлять «духовное руководство». Это не что иное, как выражение спроса на идеологию в новом проявлении или оживлении прежней, а может быть, обновление чего-то, находившего спрос, но не получившего прорыва в предшествующие века. Хотя идеологии в исторической практике так и не смогли осуществить своей задачи в реализации идеи равенства и справедливости, но опасность увеличения их дезориентационного потенциала велика.

Правы исследователи, утверждающие, что субъектов управления трудовыми отношениями интересует только трудовой период. Это не отвечает требованиям времени. Жизненное пространство работника должно быть единым объектом управления. Остро стоит проблема профессиональной ориентации, длительности подготовки, специализации. Это обусловлено высокими требованиями к уровню знаний, необходимостью координации действий, реализации трудового потенциала работников, повышения квалификации и переподготовки по новым специальностям инновационных требований в связи со сложным характером труда и форм его мотивации, эффективным использованием знаний, умений, навыков специалистов после окончания их активного трудового периода [2]. Можно с уверенностью констатировать, что в нашей стране сформировался гипертрофированный рынок. Многие эффективные звенья рыночного механизма хозяйствования на уровне предприятия, организации, учреждения еще не работают. А именно они обеспечат устойчивость, гибкость, восприимчивость к изменениям конъюнктуры рынка и различным инновациям. Поэтому важны научный поиск, анализ, обобщение практики, что могут выполнить научно-исследовательские институты, их лаборатории, институты повышения квалификации при поддержке государства.

По утверждению В. В. Лобанова, России необходим институт формирования высших кадровых руководителей с более четким разделением политических и административных должностей. Это связано с отсутствием достаточного числа квалифицированных управленцев, а также с характером их работы, которая включает управление различными ресурсами, группами служащих и государственными организациями. Следует разработать и квалифицированные требования к управленческой компетенции руководителей среднего и высшего звена и заключать с ними служебные контракты (на шесть лет) на период работы нового президента, а также ежегодные служебные (рабочие) соглашения, в которых оговорены определенные показатели, учитывающие характер их трудовой деятельности. «В условиях России на индивидуальном уровне

необходимо развитие двух систем — стимулирования и мотивации, предназначенных для руководителей и рядовых служащих. Для руководящего состава должна быть контрактная система с перечнем показателей эффективности их работы на основе ежегодных отчетов. Для госслужащих — это система автоматического повышения их зарплат за хорошее выполнение должностных обязанностей и в зависимости от рабочего стажа» [1].

Таким образом, практика государственного управления персоналом организаций постоянно рождает потребность в отражении и исполнении теоретически формулируемых принципов. Наука как систематизированная форма знания способна к самооценке, рефлексии. Она базируется на фактах и дает рекомендации, а идеология основывается на ориентациях, ценностном аспекте, интересах и предпочтениях, проектах действий. Это означает, что идеология дополняет науку и без идеологической составляющей политики, государственного управления не существует. В теории и практике управления персоналом возможны ошибки, но главным сегментом остается работник, а следовательно, необходима оптимизация использования человеческого потенциала на основе эффективных взаимоотношений — внутренних и внешних коммуникаций.

Библиографический список

1. Лобанов В. В. Модернизация государственного управления: проблемы и решения // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 2.
2. Уткин Э. А., Сатабаев К. Т. Инновации в управлении человеческими ресурсами предприятия. М.: ТЕИС, 2002.
3. Фатхутдинов Р. А. Новые методы управления персоналом. М.: Элитариум, 2006.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Журнал публикует работы в области политологии и политического управления, государственного и муниципального управления, местного хозяйства, менеджмента и управленческого консультирования, общей психологии и психологии личности, социальной и экономической психологии, психологии развития, психологии труда, педагогики и др. областях.

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением («прищепкой») по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе(-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется *Библиографический список*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем – на иностранных.

Внутритекстовая ссылка обозначается квадратными скобками. Она должна содержать номер источника и страница (или страницы), на которую(-ые) делается ссылка. Пример ссылки: [3, с. 67] означает, что цитируется страница 67 источника под номером 3 *Библиографического списка*.

Аннотация. Рукопись должна включать аннотацию статьи объемом не более 800 знаков, содержащую описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования), и список ключевых терминов (не более десяти). Аннотация и список ключевых терминов предоставляются на русском и английском языках.

Плата за публикацию с авторов журнала, в т.ч. с аспирантов, не взимается.

Редакция журнала располагается по адресу: Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

В течение 5 дней после отсылки статьи автор получает уведомление о получении и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Аспиранты, представляющие свои статьи в журнал, должны также переслать в редакцию внешнюю рецензию с заверенной в установленном порядке подписью рецензента. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы.

В течение последующих 30 рабочих дней автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати.

Образец оформления рецензии:

Рецензия

на рукопись статьи

Иванова Ивана Ивановича, к. пол. н., доц. кафедры политологии НГУ

Текст рецензии, в которой в свободной форме излагается мнение рецензента относительно: 1) научной проблемы, решаемой автором, и ее новизны; 2) актуальности проблемы; 3) теоретической и практической значимости статьи; 4) соответствия или несоответствия положений и выводов автора современным научным концепциям, существующим в данной области исследования; 5) личного вклада автора статьи в решение рассматриваемой проблемы; 6) оценки статьи с точки зрения языка, логики и стиля изложения материала, обоснованности и достоверности выводов и заключений.

Рецензентом дается заключение о целесообразности публикации конкретного материала.

Рецензент

ФИО, научное звание, должность

«___» _____ 20__ г.

_____ подпись, заверенная печатью